

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ

- Костенко Е.А.* Актуальные проблемы форм и методов земельного контроля и надзора4
- Валиев Р.Г.* Правовая и праворегулирующая деятельность: от семантического смысла к классификационной идентичности9
- Парманов Ш.И.* Судебная система в период Туркестанского генерал-губернаторства14
- Соболь У.И.* Социальное назначение права в контексте конституционной реформы в Российской Федерации: вектор развития и трансформации общества17
- Чеботарева И.Ю., Удычак Ф.Н., Тхаркахо М.М., Мамишева З.А., Марков П.Н.* Конституционная обусловленность права на жизнь как часть общечеловеческих ценностей в современном мире23

ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Бит-Мурат Д.Х.* Корпоративные права участников крестьянских (фермерских) хозяйств в системе субъективных прав27
- Демин Е.В.* Нормативное регулирование правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств32
- Ларионов И.П.* К вопросу о различительной способности товарных знаков36
- Матвеева Е.Ю.* Договор присоединения: оценка советским правом в 40-х – 80-х годах XX столетия39
- Передера А.А.* Развитие института банкротства физических и юридических лиц45
- Порфирьев А.А.* Интегративные свойства системы договоров энергоснабжения48
- Васильева С.В., Иванов А.М., Купченко К.В., Лазаренко О.Н., Федоскин Н.Н.* Конституционно-правовое регулирование отношений собственности на природные ресурсы52

СУДЕБНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Гусак М.Ю.* Квалифицирующие признаки мошенничества в сфере государственных и муниципальных закупок56
- Жадан В.Н.* Об анализе причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних62
- Лалин В.О.* Институциональные ограничения расследования незаконного образования юридических лиц69

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jur-science@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доц., Академик РАЕН, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Малько Александр Васильевич**, д-р юрид. наук, проф., Институт государства и права РАН; **Мамитова Наталия Викторовна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Мордовец Александр Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузаква Ольга Александровна**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович**, д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, д-р юрид. наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович**, д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна**, д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, проф., проф. кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна**, д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич**, д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, д-р юрид. наук, проф., проф. кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:

Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор
Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Подписано в печать: 28.02.2022
Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Матюшкина А.В., Улайкина Ю.С. Совершенствование нормативного регулирования идентификации человека по признакам измененной внешности77

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Джандубаева Т.З., Ерофеева К.Ю., Мовсесова В.В. Правовое регулирование сокращения выбросов от автотранспорта в атмосферу (на примере Норвегии)83

Купчина Е.В. Процессы цифровизации в международном арбитраже: на примере Индонезии86

Скиперский А.С. Правовое регулирование смарт-контрактов в зарубежных странах92

Юдакова С.П. Международный опыт ресоциализации несовершеннолетних осужденных96

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Асанов В.В. Социально-коммуникативные модели отношений, основанные на принципах права100

Постная Е.Н., Постный Д.В. Возможности и ограничения использования информационных технологий в процессуальном праве107

Шевченко Д.И. Нотариусы и судьи, пребывающие в отставке, как субъекты процедуры медиации110

Каландаршохи Р. Прокурорский надзор за исполнением законов как вид государственной деятельности прокуратуры Российской Федерации и Республики Таджикистан116

Вашурина С.С. Реализация концепции публичного порядка Российской Федерации в конституционной реформе 2020 года122

TABLE OF CONTENTS

STATE AND LAW IN THE MODERN WORLD: PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY

<i>Kostenko E.A.</i> Actual problems of forms and methods of land control and supervision.....	4
<i>Valiev R.G.</i> Legal and law regulating activity: from semantic meaning to classification identity	9
<i>Paramonov Sh.E.</i> The judicial system during the Turkestan governorship.....	14
<i>Sobol U.I.</i> Social Purpose of Rights in the Context of Constitutional Reform in the Russian Federation: Vector of Development and Transformation of Society	17
<i>Chebotareva I.Y., Udychak F.N., Tkharkakho M.M., Mamisheva Z.A., Markov P.N.</i> Constitutional conditionality of the right to life as part of universal values in the modern world.....	23

PROBLEMS OF CIVIL LAW AND LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITY

<i>Bit-Murat D.H.</i> Corporate rights of participants of peasant (farmer) farms in the system of subjective rights	27
<i>Demin E.V.</i> Normative regulation of the legal status of peasant (farm) enterprises.....	32
<i>Larionov I.P.</i> On the issue of the trademarks' distinctiveness	36
<i>Matveeva E. Yu.</i> The Treaty of Accession: Assessment by Soviet Law in the 40s – 80s of the XX century.....	39
<i>Peredera A.A.</i> Development of the institution of bankruptcy of individuals and legal entities.....	45
<i>Porfiriev A.A.</i> Integrative properties of the system of energy supply contracts	48
<i>Vasilyeva S.V., Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Lazarenko O.N., Fedoskin N.N.</i> Constitutional and legal regulation of ownership of natural resources	52

JUDICIAL AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

<i>Gusak M. Yu.</i> Qualifying signs of fraud in the field of state and municipal procurement.....	56
--	----

<i>Zhadan V.N.</i> On the analysis of the causes and conditions that cause the emergence and development of deviant behavior of minors.....	62
---	----

<i>Lapin V.O.</i> Institutional limitations on the investigation of illicit formation of legal entities.....	69
--	----

<i>Matyushkina A.V., Ulaykina Yu.S.</i> Improving the normative regulation of human identification on the basis of altered appearance	77
---	----

OVERSEAS EXPERIENCE

<i>Dzhandubaeva T.Z., Erofeeva K. Yu., Movsesova V.V.</i> Legal regulation of reducing emissions from vehicles into the atmosphere (using the example of Norway)	83
--	----

<i>Kupchina E.V.</i> Digitalization processes in international arbitration: the example of Indonesia.....	86
---	----

<i>Skiperskiy A.S.</i> Legal regulation of smart contracts in foreign countries.....	92
--	----

<i>Yudakova S.P.</i> International experience of resocialization of juvenile convicts	96
---	----

TOPICAL ISSUES OF MODERN LAWMAKING

<i>Asanov V.V.</i> Socio-communicative models of relations based on the principles of law	100
---	-----

<i>Postnaya E.N., Postnyy D.V.</i> Possibilities and limitations of the use of information technologies in procedural law	107
---	-----

<i>Shevchenko D.I.</i> Notaries and retired judges as subjects of the mediation procedure.....	110
--	-----

<i>Kalandarshokhi R.</i> Prosecutorial supervision over the execution of laws as a type of state activity of the prosecutor's office of the Russian Federation and the Republic of Tajikistan	116
---	-----

<i>Vashurina S.S.</i> Implementation of the concept of public order of the Russian Federation in the constitutional reform of 2020	122
--	-----

Актуальные проблемы форм и методов земельного контроля и надзора

Костенко Евгений Александрович,

соискатель, заместитель генерального директора
по правовым вопросам, ООО «КапиталАгро»
E-mail: oripis@mail.ru

В статье автор анализирует формы и методы государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля. Исследует в динамике источники определяющие и регулирующие формы и методы государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля. Автор выявляет основные формы и методы выявления нарушений земельного законодательства в части нарушения режима целевого использования земельных участков. Автор системно анализирует целесообразность и обоснованность применение риск-ориентированного подхода при вынесении решения о проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Исследует обоснованность и целесообразность применения «индикатора риска» при принятии решения о проведении контрольных (надзорных) мероприятий. Автор приходит к выводу о нецелесообразности применения «индикаторов риска». Автор исследует целесообразность и обоснованность применения проверочных листов при проведении контрольных (надзорных) мероприятий и дает ряд рекомендаций, позволяющих повысить эффективность контрольных (надзорных) мероприятий.

Ключевые слова: государственный земельный надзор, муниципальный земельный контроль, целевое использование, риск-ориентированный подход, «индикатор риска», проверочный лист.

Несомненно, формы и методы государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля, достаточно разнообразны и находятся в постоянной динамике. Законодатель стремиться к наибольшей эффективности при минимальном воздействии на субъект надзора и контроля. Тем не менее постараемся осветить в статье отдельные моменты в законодательстве которые, на наш взгляд не способствуют достижению заявленных целей.

В качестве определения терминологии формы и методов применительно к контролю и надзору, предлагаем использовать определения, предложенные Ю.Ш. Никоновой:

- под формой государственного контроля (надзора) предлагается понимать внешнее организационно-правовое выражение конкретных действий должностных лиц контрольно-надзорных органов, которые совершаются в целях практического осуществления поставленных задач. К формам можно отнести: проверку, профилактику, дистанционную проверку и мониторинг;
- под методами государственного контроля (надзора) предлагается понимать набор приемов, способов и средств (набор действий), используемых при реализации той или иной формы контрольно-надзорной деятельности. Методами следует считать рассмотрение документов, осмотр и обследование, отбор образцов, проведение исследований, испытаний и измерений, проведение экспертиз и расследований, информирование, предостережение, наблюдение, анализ, прогнозирование и другие мероприятия по контролю, а также контрольную закупку. [1]

Земельным кодексом РФ определен предмет государственного земельного надзора, [2] хотя до недавнего времени Земельный кодекс РФ, определял, в том числе формы и методы государственного земельного надзора. Изменения, внесенные гл. 12 Земельного кодекса РФ в 2021 году, вызваны очередным витком реформы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля [3].

В настоящее время, формы и методы осуществления государственного земельного (контроля) надзора, а также особенности организации реализации установленных форм и методов с 2021 го-

да определены и регулируются Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) [4].

Основной формой выявления нарушений режима целевого использования земельных участков предусмотренной Положением о государственном земельном контроле (надзоре) являются плановые и внеплановые проверки соблюдения требований законодательства Российской Федерации, за нарушение которых предусмотрена административная и иная ответственность.

Очевидно, что проведение сплошных систематических проверок целевого использования земельных участков невозможно и не обосновано в силу объективных причин. В связи с чем, 2017 году введен риск-ориентированный подход проведения проверок соблюдения требований земельного законодательства в отношении субъектов земельных отношений [5].

Введение риск-ориентированного подхода явилось следствием достаточно масштабного проекта реформирования контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления [6].

Ю.Ш. Никонова отмечает что, риск-ориентированный подход призван заменить всеобъемлющий (сплошной) контроль (надзор) дифференцированным планированием проверок, что означает переход от сплошных проверок к умному регулированию с определением степени необходимого вмешательства в деятельность подконтрольных субъектов при осуществлении государственного контроля (надзора) и соразмерность такого вмешательства риску причинения вреда охраняемым законом ценностям [7].

Введение риск-ориентированного подхода, для целей проверок соблюдения режима целевого использования земельных участков, представляющий собой деление земельных участков по определенным критериям на категории риска и определения периодичность проведения плановых проверок в зависимости от определенной категории, на наш взгляд в полной мере обосновано и целесообразно.

Стоит отметить что в настоящее время порядок определения категорий риска регулируется Постановлением правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)».

Вышеуказанное новое Положение о федеральном государственном земельном надзоре, в некоторой мере решило проблему, связанную с информированием правообладателей земельных участков связанную с информированием о присвоенной участку категории риска. В частности, ранее Положением о государственном земельном надзоре от 2015 года было предусмотрено, что Росреестр при ведении перечней земельных участков которым присвоена соответствующая категория риска, обязан осуществлять сбор и обработку информацию о правообладателях земельных участках, в том числе, полное наименование юриди-

ческого лица, фамилия, имя и отчество индивидуального предпринимателя, основной государственный регистрационный номер юридического лица или индивидуального предпринимателя, индивидуальный номер налогоплательщика. Что по сути исключало возможность размещения информации о категории риска в открытом доступе. И по сути, сбор личной информации не нес в себе какой-либо оправданной смысловой нагрузки, поскольку категория риска земельному участку присваивается исходя из принадлежности участка к определенной категории земельных участков и их территориального расположения без привязки к правообладателям.

Новым Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре) от 2021 года, уже не предусмотрен сбор и обработка персональных данных. При этом, на наш взгляд не в полной мере урегулирован вопрос информирования заинтересованных лиц о категории риска, присвоенного земельному участку. Пунктом 22 Положения «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» от 2021 года, предусмотрено, что перечни земельных участков с указанием категорий риска размещаются на официальных сайтах территориальных органов государственного земельного надзора, что на наш взгляд не совсем удобно. Полагаем, что целесообразно сведения о категории риска в отношении земельных участков необходимо включить в соответствующий раздел сведений, содержащихся в ЕГРН в отношении земельного участка.

Следующим на что предлагаем обратить внимание, это на предусмотренный Положением о государственном земельном контроле (надзоре) «индикаторе риска» наличие которого является основанием для осуществления контрольного (надзорного) мероприятия.

Перечень «индикаторов риска» утвержден приказом Минэкономразвития России от 2018 г. [8] Суть индикатора риска сводиться к выявлению одного или нескольких из четырех определенных Приказом признаков правонарушений в области земельных отношений без взаимодействия с правообладателем.

Следует отметить что в настоящее время Приказом Росреестра от 09.07.2021 № 0303 утвержден новый перечень «индикаторов риска» [9], но до настоящего момента нормативный правовой акт не вступил в силу.

Цель внедрения индикатора риска законодателем в полной мере не раскрыта, порядок применения недостаточно регламентирован, практика применения не выявлена.

При этом Федеральным законом от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле» и Положением о государственном земельном контроле (надзоре) предусмотрены, в том числе, методы наблюдения и обследования земельных участков [10], без взаимодействия с правообладателем земельного участка.

По сути наблюдения и обследования земельных участков представляет собой выявление признаков нарушения требований земельного законодательства без взаимодействия с субъектами земельных отношений. При этом предмет наблюдения и обследования земельных участков значительно шире предмета применения индикатора риска, ограниченного четырьмя признаками. Порядок применения наблюдения и обследования земельных участков регламентирован и применяется на практике.

Полагаем, что применение индикатора риска создает избыточность регулирования в отрасли и правовую неопределенность. Как следствие его применение не целесообразно и излишне.

Одним из широко используемых методов государственного земельного надзора, является применение списка контрольных вопросов, предусмотренных проверочными листами. Форма проверочного листа для целей земельного надзора, утверждена приказом Минэкономразвития в 2017 году [11]. Предмет плановой проверки ограничивается исключительно перечнем вопросов, включенных в проверочные листы.

Метод применения проверочных листов, направлен на систематизацию, упорядочивание и прозрачность осуществления государственного земельного надзора. При этом, на наш взгляд, рассматриваемый метод имеет ряд недостатков, негативно влияющих на несомненно имеющийся положительный эффект. В частности, проверочный лист для целей земельного надзора предусматривает ряд вопросов, которые должен исследовать уполномоченный представитель надзорного органа и на которые он должен ответить утвердительно или отрицательно в форме да/нет. Что в свою очередь подразумевает однозначность толкования ответов, но при этом возлагает на проверяющего принятие субъективного решения в случае отсутствия однозначного ответа, например, в случае использования только части земельного участка с нарушением режима целевого использования, при этом не важно какая это будет часть большая или меньшая. Также не предусмотрена оценка ответов, указанных в проверочных листах, например, при каком соотношении положительных и отрицательных ответов субъект привлекается к административной ответственности.

При указанных обстоятельствах как объективность ответов на контрольные вопросы, так и объективность выводов сделанных на основании проверочных листов могут быть совершенно справедливо поставлены под сомнение.

Некоторые авторы следующим образом описывают указанную проблематику, анализ утвержденных проверочных листов показал невозможность с их помощью выявить избыточные, устаревшие, дублирующие обязательные требования, факты чрезмерного административного давления на проверяемых лиц. Формирование проверочного листа с двоичной системой оценки предполагает устранение избыточных, устаревших и ду-

блирующих обязательных требований, но эта работа еще на начальной стадии. Количественное соотношение ответов «да» и «нет» в совокупности с особыми отметками в графе «комментарии» которая предусмотрена далеко не во всех формах проверочных листов позволяет оценить только типовые нарушения требований и причины их нарушений. Однако сделать достоверный вывод о чрезмерности или обоснованности административного давления можно, только сопоставив количество и типы выявленных нарушений с типовыми причинами их совершения и положением объекта государственного контроля (надзора) в отрасли до и после проведения проверок. Пока этого сделать нельзя [12].

Полагаем, что проблема может быть решена, путем добавления в проверочные листы, применяемые при осуществлении государственного земельного надзора графы «комментарии», а также внедрением оценки влияния того или иного ответа на общий вывод по результатам государственного надзора.

Формы и методы осуществления муниципального земельного контроля, также имеют ряд вопросов, которые хотим осветить в настоящей статье.

Начнем с того, что Земельный кодекс РФ, содержит общее определение земельного контроля, определяет уполномоченные органы земельного контроля и объекты контроля, при этом не определяет формы и методы осуществления муниципального земельного контроля. Полномочия по определению форм и методов муниципального контроля делегированы на уровень субъектов и далее на уровень органов местного самоуправления [13].

В Краснодарском крае муниципальный земельный контроль осуществляется в порядке, утвержденном соответствующим законом Краснодарского края от 2015 года [14].

Методы осуществления муниципального контроля по большей части и сути аналогичны методам, используемым при осуществлении государственного земельного надзора.

При этом муниципальный земельный контроль не предусматривает применение риск-ориентированного метода, что на наш взгляд является существенным упущением. Во-первых, нет прозрачности в принятии решений о проведении плановых проверок, во-вторых, земельные участки с потенциалом низкого риска подвергаются проверкам в общем режиме т.е. значительно чаще, а участки с потенциалом высокого риска, значительно реже.

Многие авторы также указывают на положительный эффект применения риск-ориентированного метода, в частности, Мартынов А.В., отмечает, что применение риск-ориентированного метода при осуществлении государственного контроля и надзора вызовет значительные сложности как при правовом регулировании, так и в правоприменении. Однако другого способа изменить ситуацию с избыточным давлением контрольных и надзорных органов на бизнес не существует [15]. Дани-

лов Е.О., указывает что в литературе применение РОП называют «принципиально новым механизмом, кардинально меняющим основные цели и задачи всей контрольно-надзорной деятельности государственных органов исполнительной власти». По прогнозам российских экспертов, «риск-ориентированный подход позволит снизить на 40% количество проверок, на 30% – число ревизоров, что позволит сэкономить 20% средств бюджета» [16].

Полагаем, что применение единого подхода в применении риск-ориентированного метода при определении степени риска того или иного земельного участка между органами государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля, а также отражение присвоенного земельному участку категории риска в ЕГРН позволит синхронизировать графики проведения плановых проверок между указанными уполномоченными органами, снизит нагрузку на уполномоченных должностных лиц и повысит эффективность контрольно/надзорной деятельности.

Подводя общий итог статьи, полагаем что предлагаемые нами изменения в применении форм и методов государственного земельного надзора и муниципального земельного контроля, в том числе, в отношении режима целевого использования земельных участков, позволят повысить качество надзора и контроля, при снижении интенсивности проверок.

Литература

1. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ ред. от 30.04.2021
2. Федеральный закон от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»
4. Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1081 «О федеральном государственном земельном контроле (надзоре)» (вместе с «Положением о федеральном государственном земельном контроле (надзоре)»)
5. Постановление Правительства РФ от 07.08.2017 № 943 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части совершенствования государственного земельного надзора»
6. Приказ Минэкономразвития России от 09.01.2018 № 7 «Об утверждении индикаторов риска нарушения обязательных требований, используемых для определения необходимости проведения внеплановых проверок при осуществлении Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и карто-

графии и ее территориальными органами государственного земельного надзора».

7. Приказ Росреестра от 22.11.2017 № П/0530 «Об утверждении формы проверочного листа (списка контрольных вопросов), применяемого при осуществлении Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии государственного земельного надзора».
8. Приказ Росреестра от 09.07.2021 № П/0303 «Об утверждении Перечня индикаторов риска нарушения обязательных требований при осуществлении Федеральной службой государственной регистрации, кадастра и картографии и ее территориальными органами федерального государственного земельного контроля (надзора)»
9. «Концепция повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления на 2014–2018 гг.», утв. Председателем Правительства Российской Федерации 19 июня 2014 г. № 3853п-П16.
10. Закон Краснодарского края от 04.03.2015 № 3126-КЗ (ред. от 11.03.2019) «О порядке осуществления органами местного самоуправления муниципального земельного контроля на территории Краснодарского края».
11. Статья: А.В. Мартынов «Применение риск-ориентированного подхода при осуществлении государственного контроля и надзора как необходимое условие снижения давления на бизнес».
12. Статья: Е.О. Данилов «О необходимости совершенствования правового обеспечения государственного контроля качества и безопасности медицинской деятельности».
13. Статья: Ю.Ш. Никонова «Процессуальная форма государственного контроля (надзора)».
14. Статья: Ю.Ш. Никонова «Формы и методы государственного контроля (надзора)».
15. Статья: С.М. Зырянов, А.В. Калмыкова «О правовой природе проверочных листов, применяемых при осуществлении государственного контроля (надзора)».

ACTUAL PROBLEMS OF FORMS AND METHODS OF LAND CONTROL AND SUPERVISION

Kostenko E.A.
LLC "CapitalAgro"

In the article, the author analyzes the forms and methods of state land supervision and municipal land control. Investigates in dynamics the sources of determining and regulating forms and methods of state land supervision and municipal land control. The author reveals the main forms and methods of detecting violations of land legislation in terms of violations of the targeted use of land plots. The author systematically analyzes the feasibility and validity of the application of a risk-oriented approach when making a decision to carry out control (supervisory) activities. Examines the validity and feasibility of using the "risk indicator" when making a decision to carry out control (supervisory) activities. The author comes to the conclusion that it is inexpedient to use "risk indicators". The author examines the feasibility and validity of the use of checklists when carrying out control (supervisory) activities and gives a number of

recommendations to improve the effectiveness of control (supervisory) activities.

Keywords: state land supervision, municipal land control, targeted use, risk-based approach, "risk indicator", checklist.

References

1. "Land Code of the Russian Federation" dated October 25, 2001 No. 136-FZ ed. dated 04/30/2021
2. Federal Law No. 170-FZ dated June 11, 2021 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Connection with the Adoption of the Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation".
3. Federal Law No. 248-FZ of July 31, 2020 (as amended on June 11, 2021) "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation"
4. Decree of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1081 "On Federal State Land Control (Supervision)" (together with the "Regulations on Federal State Land Control (Supervision)")
5. Decree of the Government of the Russian Federation of August 7, 2017 No. 943 "On Amendments to Certain Acts of the Government of the Russian Federation in Part of Improving State Land Supervision"
6. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 09.01.2018 No. 7 "On approval of indicators of the risk of violation of mandatory requirements used to determine the need for unscheduled inspections in the implementation of the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography and its territorial bodies of state land supervision".
7. Order of Rosreestr dated November 22, 2017 No. P / 0530 "On approval of the form of a checklist (list of checklists) used in the implementation by the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography of State Land Supervision".
8. Order of Rosreestr dated July 9, 2021 No. P/0303 "On approval of the List of risk indicators of violation of mandatory requirements in the implementation by the Federal Service for State Registration, Cadastre and Cartography and its territorial bodies of federal state land control (supervision)"
9. "The concept of improving the efficiency of control and supervision activities of state authorities and local governments for 2014–2018", approved. Chairman of the Government of the Russian Federation on June 19, 2014 No. 3853p-P16.
10. Law of the Krasnodar Territory dated March 4, 2015 No. 3126-KZ (as amended on March 11, 2019) "On the procedure for the implementation by local governments of municipal land control in the territory of the Krasnodar Territory".
11. Article: A.V. Martynov "Application of a risk-based approach in the implementation of state control and supervision as a necessary condition for reducing pressure on business."
12. Article: E.O. Danilov "On the need to improve the legal support of state control of the quality and safety of medical activities."
13. Article: Yu. Sh. Nikonov "Procedural form of state control (supervision)".
14. Article: Yu. Sh. Nikonov "Forms and methods of state control (supervision)".
15. Article: S.M. Zyryanov, A.V. Kalmykov "On the legal nature of checklists used in the implementation of state control (supervision)".

Правовая и праворегулирующая деятельность: от семантического смысла к классификационной идентичности

Валиев Рафаиль Газизуллович,

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, ФГБОУ ВО Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: raf.val.111@yandex.ru

Объектом исследования выступает проблематика сущности и содержания деятельности как правового явления. Предметом исследования выступает классификационная идентичность понятия праворегулирующей деятельности в контексте ее соотношения с юридической и правовой деятельностью. Цель исследования – актуализация представления о праворегулирующей деятельности как содержательной характеристики правового регулирования. Методологию исследования составляют сравнительный метод и деятельностный подход. Научная новизна исследования заключается в уточнении содержания понятия правовой деятельности и теоретической идентификации праворегулирующей деятельности. Обоснован вывод, что праворегулирующая деятельность представляет собой юридически значимую активность, которая находит выражение в комплексе актов-действий и актов-решений, связанных с подготовкой, систематизацией, интерпретацией и реализацией предписаний нормативных и индивидуальных правовых актов. В этом значении она имеет статус родовой категории, поскольку праворегулирующий потенциал юридически значимой активности одинаково характерен для юридической и правовой деятельности.

Ключевые слова: деятельность, правовая деятельность, юридическая деятельность, праворегулирующая деятельность, социально значимая активность, юридически значимая активность.

Хорошо известно, что в правоорганизованном обществе деятельность по производству, обмену, распределению и потреблению материальных и духовных благ и возникающие в этой связи соответствующие виды социально значимого взаимодействия тесно связаны с правовым регулированием. Все социальные субъекты действуют на единой основе, создаваемой в порядке правового регулирования, в рамках которого они приобретают правовой статус и выступают в системе социального взаимодействия в качестве субъектов правоотношений, которые оформляются их собственными действиями. В этой связи можно говорить о социальной обусловленности деятельностной природы правового регулирования.

В юридической доктрине деятельностная природа правового регулирования раскрывается на уровне деятельности уполномоченных на то органов и должностных лиц, «которая имеет непосредственной целью направить в четко определенное русло поведение участников упорядочиваемых общественных отношений при помощи нормы права и основанных на ней индивидуальных актов» [13, 133–134]; деятельностного процесса по упорядочению общественных отношений [9, 9]; праворегулятивной деятельности, которая определяется как «осуществляемое правосубъектным лицом информационно-сигнальное воздействие на волю человека с помощью социально-правовой информации о моделях требуемого и дозволенного поведения» [1, 114]. Таким образом, деятельность выступает ключевой характеристикой правового регулирования. Однако, если правовое регулирование олицетворяется с деятельностью, то возникает вопрос о соотношении социальной деятельности в контексте ее различных видов с деятельностью, интерпретируемой в аспекте права и правового регулирования.

В общей теории права интерпретацию деятельности как правового явления связывают с понятием юридической и правовой деятельности. Так, в сложившейся в юридической литературе парадигме юридическая деятельность определяется как «деятельность по изданию (толкованию, реализации, систематизации и т.п.) юридических предписаний» [7, 14]. В юридической доктрине отмечается, что «правовая деятельность, по общему правилу, осуществляется всеми субъектами – как юристами, так и не юристами, как на профессиональной, так и на непрофессиональной основе. Юридическая практика – это сфера деятельности только юристов-профессионалов» [5, 254]. По мнению Р.В. Шагиевой, категория «правовая

деятельность необходима для отражения всех поведенческих актов субъектов права в различных сферах жизни <...> в качестве порождающих юридически значимые последствия» [11, 81]. Очевидно, что широкая трактовка правовой деятельности как деятельности «всех субъектов» и «всех поведенческих актов» в силу ее конкуренции с юридической деятельностью обуславливает проблемную ситуацию. С этой точки зрения, поиск идентичности правовой деятельности тому действительному смыслу, который имеет место в правоорганизованной социальной практике, пока не завершен. По признанию Р.В. Шагиевой, на сегодняшний день «эвристический смысл категории “правовая деятельность” еще остается не востребованным» [12, 67].

На наш взгляд, актуальность проблемы эвристического смысла категории «правовая деятельность» может объясняться, как минимум, двумя причинами. Во-первых, тем, что ее содержание распространяется на всех субъектов права, в том числе и тех, которые относятся к субъектам юридической деятельности, идентичность которой в юридической доктрине четко определена спецификой ее характера и кругом специальных субъектов. По этой причине понятие правовой деятельности составляет конкуренцию понятию юридической деятельности. Во-вторых, правовая деятельность выделяется в качестве разновидности социальной деятельности. Очевидно, что решение эвристической задачи установления адекватного смысла категории «правовая деятельность» должно осуществляться в направлении преодоления обозначенных причин. На наш взгляд, их преодоление возможно в порядке установления идентичности правовой деятельности по отношению к социальной деятельности и исключения из ее субъектного состава специальных субъектов юридической деятельности.

Для изучения правовой деятельности гносеологическое значение имеют философские основы социальной деятельности в единстве психологического и правового аспектов. В философском контексте деятельность определяется как специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование [14, 267]. Поскольку социально значимая деятельность опосредуется сознанием и волей ее субъектов, то методологически важным для ее характеристики является психологический аспект. В психологическом аспекте деятельность – «это внешняя (физическая) и внутренняя (психическая) активность человека» [10, 32], т.е. психофизическая активность. В правовом аспекте деятельность как психофизическая активность человека, предполагающая ее сознательно-волевой характер, этимологически связана с правом. В энциклопедической трактовке термин «правовой» дефинируется как «связанный с правом». Исходя из энциклопедической трактовки термина «правовой», правовая деятельность в первом прибли-

жении определяется как деятельность, связанная с правом. В семантическом же симбиозе психологического и правового аспектов правовая деятельность может интерпретироваться как правовая активность. Однако понятие правовой активности как связанной с правом активности не исчерпывает всего спектра многогранного явления, каким представляется правовая деятельность. Поэтому в качестве методологически значимого средства интерпретации правовой деятельности представляется плодотворным такой семантический элемент ее дефиниции, как юридическая значимость, который присутствует в трактовке правовой деятельности Р.В. Шагиевой. Правовая деятельность определяется этим автором как социально значимая активность, которая осознанно целенаправленно предпринимается субъектами в рамках правоотношений и поэтому признается обществом и государством правильной, справедливой, а значит – юстициабельной и юридически значимой [11, 84–85].

Синтезируя приведенные семантические элементы правового и психологического аспектов интерпретации правовой деятельности возьмем за основу дальнейшего анализа понятие юридически значимой активности. В отличие от правовой активности юридически значимая активность предпочтительна более широким смысловым контекстом, так как охватывает собой позитивный и негативный аспекты характеристики человеческой деятельности, поскольку юридически значимым является не только позитивное, но и совершаемое в активной форме противоправное поведение. С этой точки зрения юридически значимая активность представляется максимально широкой интегративной категорией, охватывающей различные контексты восприятия деятельности как правового явления, в том числе для правовой и юридической деятельности.

Социальная практика включает различные виды и формы социально значимой активности, образующие содержание социальной деятельности. Активность как функциональная и содержательная характеристика социальной деятельности имеет многогранный характер. Социальная деятельность складывается из таких видов активности ее субъектов, как экономическая, трудовая, политическая, духовная и пр. Для социальной деятельности исключительна роль ее юридически значимого характера. Он состоит в том, что, с одной стороны, действия социальных субъектов изначально урегулированы нормами права, а с другой, если эти действия сами совершаются в порядке их юридического оформления в предусмотренных формах, то порождают правовые последствия в виде субъективных прав и юридических обязанностей субъектов правоотношений. Деятельность субъектов права по определению взаимных прав и обязанностей в порядке заключения договора или совершения односторонних актов (составление завещания, выдача доверенности, составление заявления и т.п.) имеет своим содержанием

юридически значимые действия. В силу юридически значимого характера действий социальных субъектов их социальная активность обретает характер юридически значимой активности. С этой точки зрения какие-бы виды социально значимой активности мы не рассматривали их субъекты выступают в качестве субъектов юридически значимой активности. Руководствуясь изложенным, правовую деятельность можно интерпретировать как социально обусловленную потребностями общественного развития, юридически значимую активность, выражающуюся в целеполагающем процессе трансляции – распределении (субъективации) и опредмечивании (объективации) ее субъектами социальной сущности права, обеспечивающей их деятельную возможность и способность реализовать законные интересы и правомочия [3, 113].

В изложенном аспекте правовая деятельность как юридически значимая активность выступает в качестве исключительной формы (способа) развития различных видов социально значимой деятельности субъектов права. В этом смысле правовая деятельность не обособляется в самостоятельную разновидность социальной деятельности, а образует одну из ее сторон. Правовая деятельность будучи юридически значимой активностью, «органически интегрирована в социальную постольку, поскольку в силу объективных потребностей общественного развития те или иные виды социальной деятельности не могут развиваться без их правового регулирования, в рамках которого субъектами социальной деятельности осуществляется восприятие социальной сущности права» [3, 109] и ее трансляция в соответствующие виды социальной деятельности.

Очевидно, что правовая деятельность как юридически значимая активность не может подменять многогранную социальную деятельность, представленную социально-экономической, политической, духовной, трудовой и иными видами социально значимой активности, выступающими ее сторонами. Поэтому можно утверждать, что в той мере, в какой правовое регулирование решает экономические, социальные, идеологические, политические задачи, в той же мере соответствующие стороны социальной деятельности обуславливают востребованность в предметной правовой деятельности. Иными словами, в условиях правоорганизованного общества социальная деятельность обретает свою социально значимую самостоятельность в симбиозе с юридически значимой активностью. Существовать самостоятельно, отдельно друг от друга в «чистом» виде, социально значимая экономическая, трудовая, политическая, духовная и юридически значимая активность как взаимосвязанные стороны социальной деятельности не могут. В изложенном аспекте правовая деятельность частных, невластных субъектов права не выделяется в отдельную разновидность социальной деятельности, а совпадает с ее различными видами.

В контексте изложенного в вопросе о статусе правовой деятельности как научной категории необходимо принимать во внимание следующее. Встречающееся в литературе выделение правовой деятельности в качестве отдельной разновидности социальной деятельности чревато противоречием, которое возникает из удвоения деятельности. При таком подходе получается, что правовая деятельность существует наряду с иными видами социальной деятельности субъектов права как самостоятельная их разновидность. При этом игнорируется, что в силу специфических признаков статус самостоятельной разновидности юридически значимой социальной деятельности в общей теории права занимает юридическая деятельность. Юридически значимая активность субъектов юридической (законотворческой, судебной, правоохранительной, правоисполнительной, правозащитной и пр.) деятельности опосредуется созданием, систематизацией, интерпретацией и применением норм права. Юридическая деятельность определяется как объективированная в официальных актах деятельность компетентных учреждений и организаций, осуществляемая в определенных процедурно-процессуальных формах с помощью специальных юридических действий и операций, способов и средств, направленную на решение общественных задач и функций [6, 1]. Эта юридически значимая активность составляет содержание специальной юридической, в том числе профессиональной юридической деятельности публичных и частных субъектов, осуществляющих публично-правовые функции. «Публичные субъекты используют предоставленные им права в целях реализации публичного интереса, в котором, наряду с общегосударственным, заключен и частный интерес» [4, 27]. Здесь имеет место творческое оперирование нормами права, в силу которого оно обособлено от иных видов социальной деятельности. Юридическая деятельность отличается кругом ее субъектов, характером и предметом юридически значимой активности, которые находятся в каузальной взаимосвязи. В этой связи распространение круга субъектов правовой деятельности на тот же круг субъектов, которым характеризуется юридическая деятельность порождает противоречие соотносимых понятий по кругу субъектов и создает проблемную ситуацию.

Исходя из изложенного нет смысла в том, чтобы дублировать понятием правовой деятельности юридическую деятельность, придавая ей статус самостоятельной разновидности социальной деятельности, поскольку этот статус занимает юридическая деятельность. Правовая деятельность, как парная для юридической деятельности категория, имеет иной круг субъектов, иной характер и иное предметное содержание, которые не охвачены контекстом содержания юридической деятельности. Правовая деятельность это юридически значимая активность частных невластных субъектов социальной деятельности, которые «представляют самих себя и действуют в своем интересе»

[15, 2449]. В отличие от юридической деятельности, объективированной в официальных актах-документах, правовая деятельность как юридически значимая активность социальных субъектов опредмечивается в неофициальных частноправовых актах-документах. В этом значении, собственно, и выражается идентичность правовой деятельности. Именно в таком значении правовая деятельность обретает самостоятельный теоретический статус и не конкурирует с понятием юридической деятельности. В такой интерпретации правовая деятельность может претендовать и на широкий смысл ее трактовки как юридически значимой активности всех частных невластных субъектов. На этой основе правовая деятельность как юридически значимая активность в изложенном контексте может рассматриваться динамической стороной, функциональной характеристикой правовой системы и формой выражения динамического характера правовой действительности, так как характеризует момент изменчивости в их развитии [3, 119].

Оценивая юридически значимую активность следует констатировать, что ее потенциал как фактора развития социальной практики неотделим от праворегулирующего и правореализационного начала. В составе юридически значимой активности выделяются правореализационные и праворегулирующие действия, составляющие ее содержание. Правореализационные и праворегулирующие действия находят выражение в вербальных и невербальных актах, а также в актах-решениях, имеющих документальную форму. Праворегулирующий потенциал юридически значимой активности выражается в правовых актах-решениях, имеющих исключительно документальную (бумажную или оцифрованную) форму. В узком смысле понятие *правовой акт* – это «внешнее словесно-документально оформленное выражение воли, закрепляющее правомерное либо противоправное поведение» [8, 69], составы которых закрепляются в законодательстве.

Юридически значимая активность выражается в оформлении различных видов социальной деятельности соответствующими правовыми актами-документами, посредством которых социальная практика трансформируется в правоорганизованную практику. Этим самым юридически значимая активность выделяется своим праворегулирующим характером. Правовая деятельность связана с правовым регулированием как целостным участком действия права, в рамках которого разворачиваются процессы опредмечивания и распределенности его социальной сущности. Именно в процессе распределенности и опредмечивания и находит выражение юридически значимая активность субъектов [3, 111].

Праворегулирующий потенциал юридически значимой активности субъектов публичной деятельности и частных субъектов выступает общим знаменателем единства юридической и правовой деятельности, для выражения которого актуаль-

на интегративная категория «праворегулирующая деятельность». Оформляя соответствующие социальные отношения посредством правовых актов-документов субъекты этих отношений действуют как субъекты правового регулирования, поскольку создают правовые нормы, регламентирующие их социальное взаимодействие в рамках правовых отношений, т.е. осуществляют правовое регулирование. Иными словами, юридически значимая активность имеет характер праворегулирующей активности, составляющей содержание деятельности субъектов публичной деятельности и частных субъектов как субъектов правового регулирования, т.е. праворегулирующей деятельности.

Выводы. Изучение правовой деятельности позволяет заключить, что ее содержание образует юридически значимая активность, встроенная в различные виды социальной деятельности в качестве способа ее осуществления. Активность как функциональная и содержательная характеристика социальной деятельности имеет многогранный характер. Она складывается из таких видов как экономическая, трудовая, политическая, духовная активность. Существовать самостоятельно в «чистом» виде соответствующие виды социально значимой активности и юридически значимая активность как стороны социальной деятельности не могут. В таком аспекте правовая деятельность частных, невластных субъектов права не выделяется в отдельную разновидность социальной деятельности, а совпадает с ее различными видами, выступая одной из их сторон.

Юридически значимая активность правовой, как впрочем и юридической, деятельности двойственна по своей правовой природе и образует их двуединое содержание, в которой выделяются взаимно обусловленные правореализационные и праворегулирующие действия.

Юридически значимая активность, выраженная в оформлении социальной деятельности правовыми актами-документами, т.е. в документальной форме, опосредующей взаимодействие социальных субъектов как участников правоотношений является основанием ее идентификации в качестве праворегулирующей деятельности. Документальная форма правовых актов является признаком, характеризующим идентичность праворегулирующей деятельности.

Праворегулирующий потенциал юридически значимой активности одинаково присутствует в содержании как правовой, так и юридической деятельности, является их общим свойством. В таком значении праворегулирующая активность как содержательная характеристика правового регулирования может претендовать на статус родовой категории по отношению к юридической и правовой деятельности.

Праворегулирующая деятельность представляет собой юридически значимую активность субъектов правового регулирования, которая находит выражение в комплексе актов-действий и актов-решений, связанных с актуализацией, системати-

зацией, интерпретацией и реализацией предписаний нормативных и индивидуальных правовых актов (договоров), а также принципов права, юридических дефиниций, оценочных юридических конструкций и иных нормативных средств правового регулирования.

Литература

1. Бакулина Л.Т. Общая теория договорного правового регулирования: дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.01. Бакулина Л.Т. – Москва, 2019. – 440 с.
2. Бакулина Л.Т. Правовое регулирование в контексте интегративного правопонимания // Журнал российского права. – 2018. – № 1. – С. 103–109.
3. Валиев Р.Г. Правовая деятельность в Российской Федерации // Основные характеристики российской правовой действительности / под науч. Ред. Ю.С. Решетова. – Казань: Казан. ун-т, 2010. – 172 с.
4. Валиев Р.Г. О статусе диспозитивного начала в механизме публично-правового регулирования // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2011. – Т. 153, Кн. 4. – С. 22–29.
5. Гусарев С.Д., Тихомиров О.Д. Юридическая деонтология (Основы юридической деятельности). Учебное пособие / К.: Знание, 2005. – 655 с.
6. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 1990. С. 414.
7. Карташов В.Н. Юридическая практика как объект (предмет) правовой науки // Вестник нижегородской академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 13–23.
8. Малько А.В. Правовая жизнь // Общественные науки и современность. – 1999. – № 6. – С. 65–75.
9. Решетов Ю.С. Понятие правового регулирования // Правовое регулирование и правореализация / Л.Т. Бакулина, И.Г. Горбачев, Д.Н. Горшунов и др.; науч. Ред. Ю.С. Решетов. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 164 с.
10. Сорокотягин И.Н. Психология юриспруденции / И.Н. Сорокотягин. – Санкт-Петербург: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 447 с.
11. Шагиева Р.В. Концепция правовой деятельности в современном обществе / Р.В. Шагиева. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2005. – 310 с.
12. Шагиева Р.В. Человек в правовой сфере: Личностно-деятельностный подход: монография / Р.В. Шагиева, В.Н. Казаков. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. – 208 с.
13. Фаткуллин, Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций / Ф.Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1987. – 336 с.
14. Юдин, Э.Г. Системный подход и принцип деятельности: методологические проблемы современной науки / Э.Г. Юдин. – М.: Наука, 1978. – 391 с.

15. Pogodin A.V., Krasnov E.V., Valiev R.G. The Structure of Practice and Quality of the Objective Law / A.V. Pogodin, E.V. Krasnov, R.G. Valiev // HELIX. – 2018. – Vol. 8, Is.1. Pp. 2447–2450.

LEGAL AND LAW REGULATING ACTIVITY: FROM SEMANTIC MEANING TO CLASSIFICATION IDENTITY

Valiev R.G.

Kazan (Volga Region) Federal University

The object of the study is the problematic of the essence and content of activity as a legal phenomenon. The subject of the study is the classification identity of the concept of regulatory activity in the context of its relationship with legal and legal activities. The purpose of the study is to update the idea of legal regulation as a meaningful characteristic of legal regulation. The research methodology consists of a comparative method and an activity-based approach. The scientific novelty of the research consists in clarifying the content of the concept of legal activity and the theoretical identification of legal regulatory activity. The conclusion is substantiated that the law-regulating activity is a legally significant activity that finds expression in a complex of acts-actions and acts-decisions related to the preparation, systematization, interpretation and implementation of prescriptions of regulatory and individual legal acts. In this sense, it has the status of a generic category, since the regulatory potential of legally significant activity is equally characteristic of legal and legal activities.

Keywords: activity, legal activity, legal activity, law regulating activity, socially significant activity, legally significant activity.

References

1. Bakulina L.T. General theory of contractual legal regulation: dis. ...Dr. jurid. sciences'. 12.00.01. Bakulina L.T. – Moscow, 2019 – 440 p.
2. Bakulina L.T. Legal regulation in the context of integrative legal understanding // Journal of Russian Law. – 2018. – No. 1. – pp. 103–109.
3. Valiev R.G. Legal activity in the Russian Federation // Main characteristics of the Russian legal reality / under the scientific Ed. of Yu.S. Reshetov. – Kazan: Kazan. un-t, 2010. – 172 p.
4. Valiev R.G. On the status of the dispositive principle in the mechanism of public legal regulation // Uch. zap. Cauldron. un-ta. Ser. Humanit. science. – 2011. – Vol. 153, Book 4. – pp.22–29.
5. Gusarev S.D., Tikhomirov O.D. Legal deontology (Fundamentals of legal activity). Textbook / K.: Znanie, 2005. – 655 p.
6. Kartashov V.N. Legal activity: problems of theory and methodology: dis. ...Dr. jurid. sciences'. – Moscow, 1990. p.414.
7. Kartashov V.N. Legal practice as an object (subject) of legal science // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 1 (12). pp. 13–23.
8. Malko A.V. Legal life // Social sciences and modernity. – 1999. – No.6. – pp.65–75.
9. Reshetov Yu.S. The concept of legal regulation // Legal regulation and legal realization / L.T. Bakulina, I.G. Gorbachev, D.N. Gorshunov, etc.; scientific Ed. Yu.S. Reshetov. – Kazan: Publishing house of Kazan State University, 2008. – 164 p.
10. Sorokotyagin I.N. Psychology of jurisprudence / I.N. Sorokotyagin. – St. Petersburg: Publishing house of R. Aslanov "Law Center Press", 2006. – 447 p.
11. Shagieva R.V. The concept of legal activity in modern society / R.V. Shagieva. – Kazan: Kazan Publishing House. un-ta, 2005 – 310 p.
12. Shagieva R.V. A person in the legal sphere: a personal-activity approach: monograph / R.V. Shagieva, V.N. Kazakov. – M.: Norm: INFRA-M, 2015. – 208 p.
13. Fatkullin, F.N. Problems of the theory of state and law: Course of lectures / F.N. Fatkullin. – Kazan: Publishing House of Kazan University, 1987 – 336 p.
14. Yudin, E.G. System approach and the principle of activity: methodological problems of modern science / E.G. Yudin. – M.: Nauka, 1978. – 391 p.
15. Pogodin A.V., Krasnov E.V., Valiev R.G. The Structure of Practice and Quality of the Objective Law / A.V. Pogodin, E.V. Krasnov, R.G. Valiev // HELIX. – 2018. – Vol. 8, Is.1. Pp. 2447–2450.

Судебная система в период Туркестанского генерал-губернаторства

Парманов Шухрат Ишбоевич,

аспирант, ФГБОУ ИВО «Московский государственный гуманитарно-экономический университет»
E-mail: interpol2012@mail.ru

Статья посвящена исследованию судебной системы в период Туркестанского генерал-губернаторства, что привело к изменению источников права, субъектов правоприменения, судоустройства и судопроизводства. В работе рассмотрены особенности влияния политической власти на функционирование судебных органов, с учетом традиций, существовавших на данной территории. На основе анализа представленного материала доказано, что судебная система Туркестанского генерал-губернаторства была реформирована несколько раз центральным правительством Российской империи с целью ослабления влияния на нее мусульманского духовенства при одновременном сохранении местных традиций. Нечеткость и поспешность некоторых изменений в судебной системе, проводимых администрацией генерал-губернаторства, привели к коррупции и другим негативным последствиям в системе шариатских судов, что в итоге привело к решению об упразднении шариатских судов в Туркестане, а также к введению нового судопроизводства имперского типа и закреплению для новых органов правосудия определенных полномочий.

Ключевые слова: Туркестанское генерал-губернаторство, судебная система, суды казиев и биев, шариатские суды, русские суды.

Рассматривая предмет данного исследования, необходимо кратко изложить суть истории Туркестанского генерал-губернаторства, потому как история создания данного административного органа и его географическое положение ключевым образом сказались на судебной системе этого региона и ее дальнейшим реформам.

Во второй половине XIX в. Российская империя включает в состав стратегически важные регионы на территории Средней Азии. Среди важных в военном плане территорий были Ташкент, Ходжанд и Самарканд. Уже в 60-е гг. XIX в. начинает складываться особая система управления Российской империей данным регионом. Особенность данной системы управления состояла в сосредоточении власти у военной администрации.

Во второй половине XIX века Российская империя организовала внутреннее правление в Туркестанском крае, с учетом того, чтобы держать под контролем местное население. Центральным звеном власти был институт генерал-губернаторства, практика, учреждения которого распространилась на все национальные окраины Российской империи.

По словам К. Палена, проводившего ревизию Туркестанского края в 1908–1910 гг., «все административные должности были переданы военным, представители населения даже самая незначительная административная должность в крае была в руках военных начальников». Представителями коренного населения Туркестанского края в данный период могли быть назначены лишь начальниками волостей (тысячниками), аксаками сел и аулов, казиями, биями или их помощниками [3].

Инженер-генерал, генерал-адъютант К.П. фон Кауфман (1867–1882 гг.) стал первым Туркестанским генерал-губернатором, который в своих руках сосредоточил всю власть. Сенатор граф К.К. Пален, говорил о том, что генерал-губернатор К.П. Кауфман «силами своей мощной личности мог устранять вмешательство в его дела какого-либо постороннего ведомства и нес один всю ответственность перед Верховной властью, от которой получал лично указания» [2].

Генерал-губернатор Туркестана объединил военное и гражданское правительство своих сотрудников. В тоже время он был единодушным в роли лейтенанта-короля, командующего военным округом.

Бухарский эмират был вассализован в Туркестанском генерал-губернаторстве в Российской империи (1885–1917) и Амударьинского дивизиона Хивинского ханства в 1873–1918 годы.

Главные вопросы управления решались Генеральным советом при губернаторе. Совет состоял

из военного губернатора, председателя судебного заседания, прокурора, главы районной администрации и помощника генерал-губернатора.

На основании положения 1886 «Об управлении Туркестанского края» совет Туркестанского генерал-губернатора представлял собой учреждение, непохожее ни на один орган власти и управления, подобных не было во всей Российской империи. Разрешая важные вопросы, Совету при генерал-губернаторе была отведена решающая роль, он ведал законодательной инициативой, при этом его заключения имели совещательное значение; рассматривал сметные и сверхсметные денежные повинности, и расходы; ведал вопросами поземельного и податного устройства; изучал жалобы и давал ответы на них [2].

Главное управление Туркестана состояло из пяти провинций: Сыр-Дарьинская, центром которой являлся Ташкент, Ферганская – Скобелев, Самаркандская – Самарканд, Семиречинская – Верный и Закаспийская – Асхабад [4]. В провинциях управляли военные губернаторы, назначенные королем. А также они были командующими провинциальными воинскими частями. Административные, полицейские и судебные органы в регионе также были военными. Провинции, в свою очередь, управляли уездами. Уезд контролировался его руководителем и был отнесен к административным зонам. Более дробное территориальное устройство составляли волости, в каждая из которых включала сельские и аульные общества. У каждой волости главой являлся волостной управитель, а сельские и аульные общества возглавляли сельские старшины (аксакалы) и аульные старшины. Последние, в свою очередь были выборными населением, срок их правления был ограничен и составлял три года. Волостной съезд осуществлял избрание волостных управителей и кандидатов на должности народных судей.

Изначально судебная система Туркестана была представлена двумя судами, которые были сохранены для коренного населения – это суды по шариату (суд казиев) и по адату (суд биев). В последствие, лишь постепенно ограничив функции судов казиев и биев, за ними сохранилось рассмотрение мелких споров, а именно мелкие неурядицы и жалобы между населением частного характера.

Согласно «Положению» 1867 года, в крае были введены суды казиев и биев, уездные суды, временные военно-судейские комиссии, судебные отделения областного правления, а также Судебная канцелярия генерал-губернаторства [5].

Судам казиев были отданы на рассмотрение уголовные дела, а также дела, относящиеся к гражданско-правовым отношениям, но с ограничением суммы имущественного характера до 100 рублей. Более значимые дела с большими суммами рассматривались народными судьями или, как их называли коренные жители – курултай казиев и биев. Данный суд разрешал дела уголовного и гражданского характера с суммой свыше 100 до 1000 рублей и относился ко второй инстан-

ции, т.е. у лица, который был не согласен с решением первой инстанции была возможность обжалования в следующую инстанцию. Более сложные дела, например, споры между уездами и волостями, рассматривались в третьей инстанции, данные суды именовались – чрезвычайный курултай народных судей. По численности выборы казий зависели от численности населения, например, в более крупном городе, таком как Ташкент их было от одного до четырех в каждом из районов, в Самарканде наоборот, их численность составляла всего два казия и в каждой волости – по одному.

В соответствие с законодательством того периода споры между европейским населением разрешали русские суды. Отдельно существовали Военно-судебные комиссии для русского населения, в полномочия которых входило рассмотрение уголовных дел, при этом большое внимание отводилось политическим преступлениям, где местное население покушалось на власть.

Канцелярский орган и непосредственно, управление генерал-губернаторства осуществляли полномочия областных и краевых судов, а прокурорские обязанности и обязанности Верховного судьи края были закреплены за Генерал-губернатором.

Заменивший военного губернатора Черняева Дмитрий Ильич Романовский, учредил в Ташкенте мехкеме – коллегиальный муниципально-судебный орган. Его председателем был русский чиновник; постоянным участником заседаний являлся судья из шариатского суда, остальные члены были избраны влиятельными местными судьями. Все члены мехкеме получали жалованье. Разбиравшиеся вопросы решались по шариату. При несогласии с решением членов мехкеме председатель мог передать дело на усмотрение военного губернатора.

Попытка совмещения российской и местной судебных систем, предпринимавшаяся имперской администрацией совместно с туземной аристократией, закончилась провалом, так как сложно было сформировать универсальную структуру, в которой бы сочетались столь различающиеся элементы.

В 1886 г. произошла очередная реорганизация в административно-судебной системе Туркестана, которая преследовала цель иным способом повлиять на духовенство и шариатские суды. С одной стороны, полномочия шариатских судов были расширены, что позволило им осуждать на срок вплоть до 5 лет и высылать осужденных.

С другой же стороны, менялась подсудность по делам представителей местного населения общеимперскому суду в сторону увеличения, что в конечном итоге привело к тому, что для них общеимперские суды стали более предпочтительными.

Интересно отметить, что в условиях отделения судебной светской власти от религиозной способствовало не только оттоку местных жителей от решения своих дел в судах шариата, но и процветанию коррупции в шариатских судах и даже столкновения между сторонниками того или иного судьи.

В 1898 году в крае изменилась судебная система, в нее вошли окружные суды (учреждены во всех областях), а также была создана Ташкентская судебная палата, которая была подчинена Верховному суду империи. В состав окружных судов входили председатели, их заместители и члены, судья и два члена суда определяли меру наказания, а жалоба на их решение рассматривалась Сенатом (апелляционная инстанция).

В связи с изложенным, следует констатировать тот факт, что судебная реформа Российской империи, полностью изменила звенья судебной системы Туркестанского края, поставив их в прямое подчинение колониальному правительству и краевой администрации [5].

Для сохранения безопасности политической власти, в случае недовольства населения и их проявления, были созданы военные суды в форме карательных отрядов [1].

В заключение хотелось бы подытожить все вышесказанное. Судебная система Туркестанского генерал-губернаторства была реформирована несколько раз центральным правительством Российской империи с целью ослабления влияния на нее мусульманского духовенства при одновременном сохранении местных традиций.

Нечеткость и поспешность некоторых изменений в судебной системе, проводимых администрацией генерал-губернаторства, привели к коррупции и другим негативным последствиям в системе шариатских судов, что в итоге привело к решению об упразднении шариатских судов в Туркестане.

Литература

1. Абдулхонов Ф.М. Судопроизводство в Туркестанском генерал-губернаторстве // Мир политики и социологии. – 2016. – № 8. – С. 175–180.
2. Всеподданнейшая записка, содержащая главнейшие выводы отчета о произведенной в 1908–1909 гг., по высочайшему повелению сенатором гофмейстером, графом К.К. Паленом ревизии Туркестанского края, часть II, СПб., 1910. [Электронный ресурс] URL: <https://articlekz.com/article/18202> (Дата обращения: 25.02.2022).
3. Политико-административная система управления Туркестанского Генерал-Губернаторства. [Электронный ресурс] URL: <http://vek-noviy.ru/istoriya-uzbekistana-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xxv/kolonialnaya-politika-rossiyskoya-imperii-v-turkestane/politiko-administrativnaya-sistema-upravleniya-turkestanskogo-general-gubernatorstva.html> (Дата обращения: 25.02.2022).
4. Система административного управления Туркестаном [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org> (Дата обращения: 25.02.2022).
5. Создание судебной системы и военно-полицейского режима в Туркестане. [Электронный ресурс] URL: <http://vek-noviy.ru/istoriya-uzbekistana-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xxv/kolonialnaya-politika-rossiyskoya-imperii-v-turkestane/sozdanie-sudebnoy-sistemyi-i-voenno-politseyskogo-rezhima-v-turkestane.html> (Дата обращения: 25.02.2022).

THE JUDICIAL SYSTEM DURING THE TURKESTAN GOVERNORSHIP

Paramonov Sh.E.

Moscow State University of Humanities and Economics

The article is devoted to the study of the judicial system during the Turkestan governor-General, which led to a change in the sources of law, subjects of law enforcement, judicial system and judicial proceedings. The paper considers the peculiarities of the influence of political power on the functioning of judicial bodies, taking into account the traditions that existed in this territory. Based on the analysis of the presented material, it is proved that the judicial system of the Turkestan Governor-General was reformed several times by the central government of the Russian Empire in order to weaken the influence of the Muslim clergy on it while preserving local traditions. The vagueness and haste of some changes in the judicial system carried out by the administration of the Governor-General led to corruption and other negative consequences in the system of Sharia courts, which eventually led to the decision to abolish Sharia courts in Turkestan, as well as to the introduction of new imperial-type judicial proceedings and the consolidation of certain powers for new justice bodies.

Keywords: Turkestan Governor-General, judicial system, Kaziyev and Biyev courts, Sharia courts, Russian courts.

References

1. Abdulkhonov F.M. Legal proceedings in the Turkestan Governor-General // Mir politiki i sotsiologii. – 2016. – No. 8. – pp. 175–180.
2. The most comprehensive note containing the main conclusions of the report on the revision of the Turkestan Region carried out in 1908–1909, by the highest order of Senator Chamberlain, Count K.K. Palen, Part II, St. Petersburg, 1910. [Electronic resource] URL: <https://articlekz.com/article/18202> (Accessed: 02/25/2022).
3. The political and administrative management system of the Turkestan Governor-General. [Electronic resource] URL: <http://vek-noviy.ru/istoriya-uzbekistana-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xxv/kolonialnaya-politika-rossiyskoya-imperii-v-turkestane/politiko-administrativnaya-sistema-upravleniya-turkestanskogo-general-gubernatorstva.html> (Accessed: 02/25/2022).
4. The system of administrative management of Turkestan [Electronic resource] URL: <https://ru.wikipedia.org> (Accessed: 02/25/2022).
5. Creation of the judicial system and the military-police regime in Turkestan. [Electronic resource] URL: <http://vek-noviy.ru/istoriya-uzbekistana-vtoraya-polovina-xix-nachalo-xxv/kolonialnaya-politika-rossiyskoya-imperii-v-turkestane/sozdanie-sudebnoy-sistemyi-i-voenno-politseyskogo-rezhima-v-turkestane.html> (date accessed: 25.02.2022).

Социальное назначение права в контексте конституционной реформы в Российской Федерации: вектор развития и трансформации общества

Соболь Ульяна Ивановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, Брянский филиал
E-mail: huliaia040310@yandex.ru

Автором статьи рассматривается вопрос приоритетов конституционной политики, реализуемой посредством внесения последних поправок в отношении такой категории граждан, как дети. Автор отмечает, что конкретизация защиты детей в Конституции Российской Федерации сформировала новое приоритетное направление в государственной политике, развитие которого невозможно без внесения в действующее законодательство определенных изменений. Кроме того, в настоящей статье рассмотрены вопросы, затрагивающие такие характеристики социально-правового состояния, как «духовность» и «духовные ценности». Автором определяются факторы их влияния на общесоциальное устройство государства в качестве приоритетных направлений новой политики. Основным выводом настоящего исследования стало утверждение о том, что конституционная реформа стала важнейшим этапом начала правовой и социальной переориентации нашего общества, при этом важнейшим принципом правовой коррекции будет выступать закрепленное в Конституции РФ понимание того, что такое семья с традиционной точки зрения.

Ключевые слова: дети, Конституция РФ, государственная политика, семья, духовность, социальное развитие.

Поправки к Конституции РФ [9], которые были приняты в 2020 году, положили начало новым направлениям правового и демократического развития российского общества. Большая часть данных поправок, безусловно, коснулась уже существующих направлений социально-политического пространства, однако некоторые из них в определенной степени стали действительно новаторскими, чем и вызвали ряд вопросов.

Как показывает реальность, разрешение этих вопросов, несмотря на категоричность выбранных принципов, положенных в основу их развития, находится в зависимости от уже существующих взглядов на правильность социального построения и вновь образованных идей [8, с. 93].

Как следствие, указанные поправки стали причиной для некоторых разногласий, благодаря чему в обществе сформировалась дилемма – сможет ли измениться вследствие данных поправок общественная формация, и каким образом, принятые изменения могут повлиять на состояние социальных интересов и запросов, если на данном этапе развития права в России общество откровенно не требует значительных нормативных преобразований существующей конъюнктуры отношений.

Стоит отметить, что с учетом реализации попытки столь резкого конституционного преобразования почва произрастания вышеуказанных вопросов была усеяна различными мнениями, в том числе и теми, что свидетельствуют о надуманности планируемых законодательных трансформаций. В частности, рядом исследователей вполне обоснованно был поставлен вопрос о том, а изменят ли в действительности нашу реальность те правовые корреляции, которыми российская Конституция была потревожена [12, с. 16].

Данный вопрос, прежде всего, был поставлен в контексте того, что изменения в Основном законе страны де-юре не обязывают законодателя непременно вносить коррективы в законы, в том числе и в те социальные сферы, которые были затронуты в ходе конституционной реформы.

Вместе с тем большая часть принятых поправок уже нашла свою реализацию в новых законодательных принципах и положениях. На это обращается внимание и теми, кто непосредственно стоял у истоков поправок к Основному закону страны. Среди таковых – известнейший правовед нашего времени, автор большинства конституционных положений, внесенных на рассмотрение – П.В. Крашенинников, который, затрагивая, в частности, тему развития такого правового института в нашей стране, как детство, указал, что на настоящий мо-

мент некоторые приоритеты эффективной защиты данного института существовали исключительно «на словах», а потому уже долгое время не имеют должной правовой оценки с учетом новых общественных вызовов. Между тем, благодаря новым конституционным представлениям о сущности такого института, изменится и законодательное внимание к вопросу его социального развития в целом, сформируются новые механизмы контроля и противодействия пагубным явлениям в указанной сфере, а все это в совокупности позволит расширить зону правового внимания к проблеме детского и подросткового развития не только на федеральном, но и на региональном уровне [11].

Как подтверждение, институт детства получил исключительно новое представление о его сущности. В частности, в Конституции РФ появилось положение, в котором указано на признание детей в качестве особенного приоритета государственного развития. И если ранее данный посыл находил свое развитие исключительно в контексте решения вопроса о защите семьи, то в этом случае его прерогатива была выделена в отдельное направление, где государство принимает на себя обязательства всестороннему нравственному, духовному, физическому и интеллектуальному развитию детей нашего государства. В этом же положении говорится о необходимости направления политической воли государства в сторону не просто заботы о детях как слабозащищенной категории, но и на формирование в них патриотической составляющей, уважения к старшим, а также необходимой гражданской сознательности с раннего возраста (ч. 4 ст. 67.1 Конституции РФ).

Как отмечает исследователь Е.С. Басова, безусловно то, что государство на первый план в своей государственной политике выдвигает заботу о детях – высоконравственно. Это позиция сильного общества, готового не просто взять на себя вопрос содержания указанной категории, но и нести ответственность за их моральное формирование как граждан. Если раньше мы подчеркивали свое традиционное представление о развитии семьи и брака через призму существующих представлений о роли в таком союзе только мужчины и женщины, то теперь ребенок наравне с ними будет также выступать связующим звеном в таком развитии [1, с. 10].

Вполне закономерно будет отметить и то, что данными поправками запущен совершенно новый формат социального сосуществования, который, например, уже был опробован в советском государстве, но должного развития на современном этапе не получил. Формирование необходимых ценностей отныне берет свое начало на раннем этапе становления человека как личности, так как именно в детстве закладываются основы социальной адаптации и культурной оценки существующей реальности (отношений). Нужно учесть и то, что риторика государства относительно именно воспитания детей, наверное, впервые поставлена в зависимость от того, насколько потестарное вли-

яние может приносить пользу в данном вопросе. В частности, указание в Конституции РФ на этот приоритет делает правовое регулирование действительно социально обоснованным и устраняет противоречивость между интересами семейного права и общесоциального вопроса заботы о детях.

Как показывает законодательное преобразование, формируется совершенно новый формат существования, где роль ребенка уже не является второстепенной. И для того, чтобы сохранить его, в Конституцию РФ внесены такое понятие, как «семья», в традиционном понимании данного явления [10, с. 36].

Так, в соответствии с положениями Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года [14] главной задачей благополучного развития страны представлена именно потребность в укреплении семьи, а также защиты прав детей. Кроме того, в качестве правоопределяющего принципа развития вопроса семейного благополучия установлена «самостоятельность семьи в принятии решений относительно своей внутренней жизни», что также указывает на необходимость законодательной коррекции существующих положений семейного права в обозримом будущем.

Другим аспектом конституционного преобразования, в свою очередь неразрывно связанным с проблемами защиты детей, а точнее формирования в них важнейших социальных начал и существующих семейных отношений, стал вопрос именно определения границ того, что мы привыкли называть традиционные духовные ценности. Суть в том, что, несмотря на разностороннее научное развитие понимания устройства общества и семьи, его последствия обернулись для мира новыми вызовами именно по части сохранения баланса между человеческими предпочтениями и желаниями. Как следствие, мир стал более прагматичным и позитивным, однако, именно духовное представление об устройстве и природе человеческих отношений по-прежнему занимает значительную часть его мышления.

Поэтому некоторыми исследователями в области изучения влияния духовных параметров на построение здорового социума отмечается, что система общественной социализации в настоящем лишена эффективной духовной коррекции. В большей части это своеобразная концепция сведения в одно общее интересов и прав, но не образования ценностной опоры, где человек будет выступать только хранителем уже имеющегося понимания, что такое духовная ценность, и какова её роль в такой социализации [16, с. 254].

С такой позицией сложно не согласиться, поскольку нельзя начинать менять законы, точно не осознав, как они начнут работать (влиять) в общественном пространстве. Право, как наиболее эффективный социальный регулятор, не должно выступать генератором создания отношений, а может рассматриваться как инструмент необходимой коррекции, в особенности если речь идет

о создании эффективной воспитательной концепции. Государство, конструируя модель конституционной защиты прав и интересов определенной категории, не может (не должно) выходить за рамки традиционного представления о том, что такое семья, и, соответственно, нарушать принципы влияния на духовное развитие в конкретном отдельном этносе. Принцип невмешательства в семейную жизнь будет реализован успешно только тогда, когда в самом обществе будет сформировано здоровое понимание того, что мы называем традиционное духовное развитие. Сегодня истинное значение «духовного начала» частично утрачено и преобразовано в чрезмерно индивидуальное, экзистенциальное понимание возможности влияния чувственной идеи на общественное отношение, к тому же переполненное ментальным (сугубо односторонним) отношением к морали и нравственности. В то время как духовный интерес и его свойства продолжают обеспечивать не только нравственную устойчивость общества в противостоянии с негативными проявлениями, социальное отношение к этим ценностям нивелируется тем, что они могут быть заменены чем-то материальным и социально отформатированным. К примеру, последние опросы относительно того, что такое духовность в жизни человека, и какова её роль в образовании общего посыла в дальнейшем сосуществовании, показывают, что у людей отсутствует принципиальное отношение к этому явлению.

Только 10 процентов респондентов смогли дать более или менее развернутую оценку относительно того, что такое духовная система координат, и каково её значение в образовании современной социоцентрической модели построения благополучной семьи [15].

Президент Российской Федерации В.В. Путин практически в каждом из своих публичных выступлений, в особенности если речь идет о ежегодных обращениях к Федеральному Собранию РФ, акцентирует внимание законодательной власти на том, что в России наблюдается некоторый рост межэтнических противостояний. Особенно это проявляется в тех сферах человеческой деятельности, где затрагиваются вопросы общей или отдельной духовной культуры [5, с. 26]. Более того, дефицит и необходимость укрепления духовно-нравственной основы страны – тема, которая не раз становилась причиной для заседаний в рамках различных общественных обсуждений [13, с. 44].

Результатом таких встреч нередко становились решения о принятии необходимых программ и законов. Попутно с этим ставились задачи об усилении или расширении роли в данных процессах представителей церкви и духовенства, но почти никогда не назывались истинные причины сложившегося положения дел, а также образования той социоцентрической основы, сделавшей это самое положение дел реальным.

В основном, как указывает В.В. Касперович, такое положение дел является следствием слабого

представления со стороны самих реформаторов о том, что же на самом деле является собой духовная ценность, в том числе и с точки зрения учета мнения об этом конкретной нации или отдельного народа. С другой стороны, в современном мире потестарная идея развития государства заглушает истинный голос человеческого сознания о мире вокруг себя, и никакие законодательные установки не помогают самому развитому обществу обрести правильное понимание о духовной ценности и его свойствах [7, с. 320].

Такой вывод более чем закономерен, так как законодательное (позитивное) установление отражает духовные ценности лишь в качестве системных элементов социального регулирования, но не раскрывает их сущность и истинное предназначение. Как верно замечает А.Р. Батыршина, иногда создается впечатление, что законодатель скользит по поверхности истинного представления о роли и влиянии духовных ценностей на нашу жизнь, не делая их при этом реальными и, самое главное, оставляя суждения о них на откуп любым идеям и взглядам [2, с. 18]. Таково реальное положение дел: упоминание об этих ценностях в законах имеется, а креатура их сущности понятного отражения не имеет.

В контексте разрешения данной проблемы особое значение имеют те конституционные поправки, которые резюмировали и нормативно закрепили общественно-государственные дискуссии по проблемам традиционных духовно-нравственных ценностей [3, с. 37]. Стоит отметить, что эти поправки несколько обнажили причины того, почему ранее духовные ценности не имели выдержанной, научной и социальной оценки. Помимо этого, авторами конституционных преобразований был сделан акцент на том, что духовно-нравственные ценности являются, прежде всего, ценностями смысло-жизнеобразующими, т.е. теми, которые призваны состоять во главе основополагающих целей человеческой жизни, придающих смысл человеческому существованию и делающих его наполненным созидательной деятельностью не только во имя настоящего, но и будущего. Их размытие на современном этапе, как указывалось в решении Конституционного суда РФ, или пренебрежение ими неминуемо ведет к ослаблению единства многонационального народа Российской Федерации [6]. В качестве основной опасности нарушения такого единства была названа низкокачественная продукция – следствие распространения массовой мировой культуры. В свою очередь, в контексте предпринимаемых мер был поставлен вопрос между выбором о сохранении государства либо закреплении за каждым этническим образованием своего собственного культурного понимания такого явления, как духовное развитие общества [17, с. 22].

Если исходить из того, какую именно роль играют духовные ценности в формировании государства и сохранении его целостности (нерушимости), и уже с учетом этого определять качествен-

ность и принципиальность позиции по данному вопросу со стороны тех, кто данным государством управляет, то вполне логично, что установление и последующее сохранение ценностей берут свое начало в их официальном признании. И, как правило, именно право выступает в качестве главного социального регулятора, закрепляющего идею о духовном развитии в качестве социальнообразующей.

В нашем государстве к таковым источникам можно отнести разнообразные нормативные правовые акты, среди которых основное место занимает Конституция России. Именно в положениях Конституции РФ понятие «ценность» впервые приобретает вполне очевидные очертания. Так, к примеру, в статье 2 Конституции РФ под указанное понятие подпадают такие феномены социально-правового конструирования, как права и свободы гражданина и человека. При этом данные ценности, в отсутствие иных, прямо связанных с ними в контексте конституционного правоустановления, признаются в качестве высших, то есть обладающими приоритетом над всеми остальными ценностями как духовного, так и материального характера. В то же время уже в другой статье (ст. 44 Конституции РФ) законодателем сформулировано такое понятие, как культурная ценность, а в ст. 71 ценностью уже называются материальные средства, располагающиеся на вкладах кредитных учреждений. Следовательно, термин «ценность» используется законодателем в широком смысле, по сути подводя под его значение любой предмет и явление, использование которых человеком делает сосуществование последнего осмысленным и с точки зрения регулирования правообеспеченным.

Что касается духовных ценностей, то упоминание о них в самой Конституции РФ отсутствует. Кроме этого, представление о духовном встречается только единожды, когда указывается на необходимость создания условий, в которых дети смогут получить всестороннее духовное, нравственное, интеллектуальное и физическое развитие (ст. 67.1 Конституции РФ).

Таким образом, мы видим, что на данном уровне вопрос с определением духовных ценностей в качестве основополагающих рассмотрен не был. Более того, конституционная модель определения приоритетов и ценностей косвенно, но все же абстрагирует понятие «духовный» от таких понятий, как нравственность, интеллект, патриотизм, гражданственность и, что в нашем случае особенно важно, уважение к старшим.

Как отмечает Д.Д. Васильева, правовой подтекст того, что Конституция РФ не относит духовность к правовым истокам законодательного регулирования в современной России, с одной стороны, изначально вносит в сущность данного понятия исключительно субъективное толкование и, таким образом, лишает возможность сделать духовность социально централизующим для всех групп какого-либо государства. С другой сторо-

ны, духовность нельзя отнести к категориям исключительно правового толка, так как её эссенция не соотносится с конкретной правовой идеологией и не ложится в основу ни одной правовой концепции, даже если таковая формируется и реализуется в странах с явно выраженной религиозной доктриной[4, с. 223].

С приведенной точкой зрения сложно не согласиться, поскольку само по себе появление понятия «духовная ценность» в официальных источниках – не есть причина утверждать о том, что авторы (законодатели) его правовой интеграции стараются приблизить к мысли о необходимости включить такое понятие в число тех, что должны использоваться юристами при определении конкретного состояния общества или положения его отдельных групп. Более того, упоминание о духовной ценности в каких-либо иных источниках указывает, что проявление этого явления в правовой доктрине скорее обусловлено определением направлений, зачастую подразумевающихся как направления свободного развития и выражения особых взглядов на, к примеру, выбор пути (или продолжения его) исторического развития отдельных социумов и даже государств.

Таким образом, мы можем видеть, что духовность или духовные ценности, несмотря на то, что упоминание о них имеется в ряде нормативных актов, не являются какой-либо конкретной правовой категорией, обуславливающей критичность или преимущество одной социальной группы перед другой. С точки зрения общественной централизации духовные ценности могут иметь различное значение.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что конституционная реформа стала важнейшим этапом начала правовой и социальной переориентации нашего общества. Уже сейчас законодательное видение на такие вопросы, как семья, детство и их ценностная система координат, начинает постепенно меняться. При этом важнейшим новым принципом правовой коррекции, как это не парадоксально, будет выступать закрепленное в Конституции РФ понимание того, что такое семья с традиционной точки зрения, и какова роль в её сохранении с точки зрения того, что собой представляют современные духовные ценности.

Литература

1. Басова Е.С. Конституционные новеллы о правах и обязанностях родителей в РФ. Океанский менеджмент. 2020. № 2 (7). С. 9–12.
2. Батыршина А.Р. Исследование представления о духовно-нравственных ценностях людей с разными типами субъектной регуляции / А.Р. Батыршина, Н.А. Цатурян // Гуманизация образования. 2021. № 1. С. 10–18.
3. Борисенко В.И. Поправки в Конституцию Российской Федерации (2020 год) / В.И. Борисенко, Е.Н. Чернышева // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 2. – С. 31–37.

4. Васильева Д.Д. Проблема духовности человека в философском понимании / Д.Д. Васильева // Современная школа России. Вопросы модернизации. 2021. № 2(35). С. 222–224.
5. Горлова И.И. Традиционные духовно-нравственные ценности в нормативно-правовых документах Российской Федерации: состояние и пути совершенствования / И.И. Горлова // Культурологический журнал. – 2021. – № 2(44).
6. Как Конституционный суд объяснил законность поправок в Конституцию РФ // [Электронный ресурс]. Сайт РБК. Доступ: <https://www.rbc.ru/politics/16/03/2020/5e6f82559a79478c90c15ae1> (дата обращения: 13.02.22).
7. Касперович В.В. Духовные ценности современного общества: детерминанты и ориентиры / В.В. Касперович // Этнос и культура в эпоху глобализации: Сборник материалов IV Международной научной очно-заочной конференции, Республика Абхазия, Сухум, 01–02 июля 2021 года. – Республика Абхазия, Сухум: КубГТУ, 2021. – С. 316–324.
8. Колегова Д. О. К вопросу о социальных гарантиях в связи с изменением Конституции РФ / Д.О. Колегова // Норма. Закон. Законодательство. Право: сборник материалов XXIII Международной научно-практической конференции молодых учёных, Пермь, 16–17 апреля 2021 года. – Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2021. – С. 91–93.
9. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
10. Летова Н.В. Основы защиты материнства, детства, семьи в свете новелл Конституции Российской Федерации / Н.В. Летова // Проблемы в российском законодательстве. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 34–39.
11. Павел Крашенинников: защитим семью – защитим детей. // [Электронный ресурс]. Сайт «Российская газета». Доступ: <https://rg.ru/2020/06/11/pavel-krasheninnikov-zashchitim-semiu-zashchitim-detej.html> (дата обращения: 12.02.2020).
12. Павлова И.Ю. Вопросы защиты персональных данных в свете изменений в Конституцию Российской Федерации / И.Ю. Павлова // Новеллы Конституции Российской Федерации и задачи юридической науки: материалы конференций: в 5 ч. XVIII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XXI Ежегодная международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ) в рамках X Московской юридической недели, Москва, 24–27 ноября 2020 года. – Москва: РФ-Пресс, 2021. – С. 15–19.
13. Пархоменко Т.А. Российская цивилизация: между Западом и Востоком / Т.А. Пархоменко. – Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, 2021. – 152 с.
14. Распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р «Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 01.09.2014. №35. ст. 4811.
15. Семейное и материальное благополучие оказались для граждан России намного ценнее, нежели любовь к родине и вера в бога. // [Электронный ресурс]. Доступ: <https://newizv.ru/article/general/23-06-2020/nikakoy-duhovnosti-opros-pokazal-cto-rossiyanam-vazhnee-sytost-chem-patriotizm> (дата обращения: 13.02.22).
16. Трофимов В. К. О необходимости синтетического подхода к философскому пониманию сущности человека / В.К. Трофимов // Технологические тренды устойчивого функционирования и развития АПК: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной году науки и технологии в России, Ижевск, 24–26 февраля 2021 года. – Ижевск: Ижевская государственная сельскохозяйственная академия, 2021. – С. 253–259.
17. Шашкин П.А. Базовые духовные ценности России как основа стратегического планирования / П.А. Шашкин // Культурологический журнал. 2021. № 2(44). С. 15–23.

SOCIAL PURPOSE OF RIGHTS IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL REFORM IN THE RUSSIAN FEDERATION: VECTOR OF DEVELOPMENT AND TRANSFORMATION OF SOCIETY

Sobol U.I.

RA NEPA under the President of the Russian Federation, Bryansk branch

The author of the article considers the issue of the priorities of the constitutional policy, implemented through the introduction of the latest amendments in relation to such a category of citizens as children. The author notes that the specification of the protection of children in the country's fundamental law has formed a new priority direction in state policy, the development of which is impossible without certain changes being made to the current legislation. In addition, this article deals with issues affecting such characteristics of the socio-legal state as "spirituality" and "spiritual values". The author defines the factors of their influence on the general social structure of the state as priority areas of the new policy. In addition, the author tries to identify the main factors that directly affect the state of spirituality in our country. The main conclusion of this study was the statement that the constitutional reform has become the most important stage in the beginning of the legal and social reorientation of our society, while the most important principle of legal correction will be the understanding of what a family is from a traditional point of view enshrined in the Basic Law of the country.

Keywords: children, Constitution, state policy, family, spirituality, social development.

References

1. Basova E.S. Constitutional novelties on the rights and duties of parents in the Russian Federation. *Ocean Management*. 2020. № 2 (7). P. 9–12.
2. Batyrshina A.R. Research of representation about spiritual-moral values of people with different types of subjective regulation / A.R. Batyrshina, N.A. Tsaturyan // *Humanization of education*. 2021. № 1. P. 10–18.
3. Borisenko V.I. Amendments to the Constitution of the Russian Federation (2020) / V.I. Borisenko, E.N. Chernysheva // *Socio-Humanitarian Knowledge*. 2021. № 2. – P. 31–37.
4. Vasilyeva D.D. Problem of human spirituality in philosophical understanding / D.D. Vasilyeva // *Modern School of Russia. Problems of modernization*. 2021. № 2(35). P. 222–224.
5. Gorlova I.I. Traditional spiritual and moral values in normative-legal documents of the Russian Federation: state and ways of improvement / I.I. Gorlova // *Journal of Culture*. – 2021. – № 2(44).
6. How the Constitutional Court explained the legality of amendments to the Constitution of the Russian Federation // [Electronic resource]. RBC website. Access: <https://www.rbc.ru/politics/16/03/2020/5e6f82559a79478c90c15ae1> (access date: 13.02.22).
7. Kaspiarovich V.V.. Spiritual values of modern society: determinants and landmarks / V.V.. Kaspiarovich // *Ethnos and culture in the era of globalization: Proceedings of the IV International Scientific Correspondence Conference, Republic of Abkhazia, Sukhum, 01–02 July 2021. – Republic of Abkhazia, Sukhum: KubGTU, 2021. – P. 316–324.*
8. Kolegova D.O. To a question on social guarantees in connection with changes in the Constitution of the Russian Federation / D.O. Kolegova // *Norm. Law. Law: collection of materials of XXIII International Scientific-Practical Conference of Young Scientists, Perm, 16–17 April 2021. – Perm: Perm State National Research University, 2021. – P. 91–93.*
9. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide voting on 01.07.2020) // Official text of the Constitution of the Russian Federation with amendments of 14.03.2020 published on the Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
10. Letova N.V. Fundamentals of protection of motherhood, childhood, family in the light of innovations of the Constitution of the Russian Federation / N.V. Letova // *Gaps in Russian legislation*. – 2021. – T. 14. – № 1. – P. 34–39.
11. Pavel Krashennikov: let's protect a family – let's protect children. // [Electronic resource]. Website of the Rossiyskaya Gazeta. Access: <https://rg.ru/2020/06/11/pavel-krashennikov-zashchitim-semiu-zashchitim-detej.html> (access date: 12.02.2020).
12. Pavlova I.Y.. Issues of personal data protection in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation / I. Pavlova // *Novels of the Constitution of the Russian Federation and the tasks of law science: conference materials: in 5 parts XVIII International scientific-practical conference (Kutafin readings) of Kutafin Moscow State Law University (MSAL) and XXI Annual International scientific-practical conference of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University (MSU) within the X Moscow Legal Week, – Moscow: RG-Press, 2021. – P. 15–19.*
13. Parkhomenko T.A. Russian civilization: between West and East / T.A. Parkhomenko. – Moscow: Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage. D.S. Likhachev, 2021. – 152 c.
14. Order of the Government of the Russian Federation of 25.08.2014 № 1618-r “On Approval of the Concept of State Family Policy in the Russian Federation for the period up to 2025” // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 01.09.2014. N35. Art. 4811.
15. Family and material well-being are much more valuable for the citizens of Russia than love for the country and faith in God. // [Electronic resource]. Access: <https://newizv.ru/article/general/23-06-2020/nikakoy-duhovnosti-opros-pokazal-chtorrossiyanam-vazhnee-sytost-chem-patriotizm> (date of reference: 13.02.22).
16. Trofimov V.K. On the need for a synthetic approach to the philosophical understanding of the essence of man / V.K. Trofimov // *Technological trends in the sustainable functioning and development of agroindustrial complex: materials of the International Scientific-Practical Conference devoted to the Year of Science and Technology in Russia, Izhevsk, 24–26 February 2021. – Izhevsk: Izhevsk State Agricultural Academy, 2021. – P. 253–259.*
17. Shashkin P.A. Basic spiritual values of Russia as a basis for strategic planning / P.A. Shashkin // *Journal of Culture*. 2021. № 2(44). P. 15–23.

Конституционная обусловленность права на жизнь как часть общечеловеческих ценностей в современном мире

Чеботарева Ирина Юрьевна,

к.ю.н., доцент кафедры правовых дисциплин, Адыгейский государственный университет (филиал в г. Белореченске)
E-mail: Vetal_01@list.ru

Удычак Фатима Нурбиевна,

к.ю.н., доц., доцент кафедры конституционного и административного права, Адыгейский государственный университет
E-mail: f.udychack@yandex.ru

Тхаркахо Марина Меджидовна,

к.ю.н., доц., доцент кафедры конституционного и административного права, Адыгейский государственный университет
E-mail: marina.txarkaho@mail.ru

Мамишева Зара Аскарбиевна,

к.ю.н., доц., доцент кафедры теории и истории государства и права и политологии, Адыгейский государственный университет
E-mail: mamisheva.zara@mail.ru

Марков Пётр Николаевич,

к.ю.н., доц., доцент кафедры конституционного и административного права, Адыгейский государственный университет
E-mail: Markov.petr1977@mail.ru

Право на жизнь является абсолютным, естественным и неотъемлемым правом каждого лица. Актуальность и неоспоримость регламентации такого права обусловлена прежде всего ценностью жизни каждого отдельного человека, именно поэтому любое правовое государство и мировое сообщество в целом признает за необходимость не только его закрепления, но и надлежащее исполнение. Содержание права на жизнь имеет следующие основные аспекты: обязанность государства защищать жизнь человека, возможность человека защищать свою жизнь законным способом, а также запрет произвольного лишения жизни. Следовательно, защита права на жизнь заключается в соблюдении государством своего долга по защите жизни лица и предоставлении лицу возможности защищать свою жизнь. Актуальность вопроса защиты права на жизнь заключается в том, что, несмотря на ценность этого права и признание необходимости совершенствования механизмов его защиты на международном уровне, в разных государствах несколько отличные нормы, которые регулируют вопросы, касающиеся защиты права на жизнь, в частности вопрос смертной казни, эвтаназии, искусственного прерывания беременности и др. Особое место занимает предотвращение произвольному лишению жизни, которое является результатом абсолютно необходимого применения силы, на что часто указывают в решениях Европейского суда по правам человека, а также защита права на жизнь в условиях военных конфликтов и массовых протестов. Именно эти вопросы требуют детального научного исследования и обоснования в контексте защиты права на жизнь. Целью статьи является исследование отдельных аспектов защиты права на жизнь в контексте современных рисков на основании правового анализа отечественного и зарубежного опыта.

Ключевые слова: жизнь, защита, конституционное право, общечеловеческие ценности.

Право на жизнь в международных документах и основных Законах стран мира определяется как абсолютное и неотъемлемое право каждого человека. Несколько отличаются способы закрепления права на жизнь в Основных Законах других государств. Для примера, Конституция Французской Республики 1958 г. не содержит привычного для нас перечня прав и свобод, однако в преамбуле Конституции указано, что французский народ торжественно заявляет о преданности правам человека и принципам национального суверенитета, которые были определены (definis) в Декларации 1789 г., подтверждены и дополнены в преамбуле Конституции 1946 г., а также правам и обязанностям, определенным в Хартии об окружающей среде 2004 г. По Конституции Федеративной Республики Германии, то право на жизнь закреплено статьей 2, а именно: «Каждый имеет право на жизнь и личную неприкосновенность. Свобода личности ненарушима. Вмешательство в эти права допустимы лишь на основании закона» [1].

Следовательно, право на жизнь является основополагающим правом лица несмотря на то, что отличается закрепление его в международных документах и в законодательстве различных государств. Одним из вопросов, касающихся защиты права на жизнь, является использование смертной казни. Несмотря на гуманизацию современного общества, во многих демократических странах мира смертная казнь все еще применяется как высшая мера наказания. Согласно докладу Amnesty International, обнародованному 10 апреля 2019 года, количество приговоров в виде смертной казни, по сравнению с предыдущим годом, уменьшилось на 31% и достигло самого низкого показателя минимум за последние десять лет. Однако в некоторых странах число таких приговоров возросло, в частности в Республике Беларусь, Японии, Сингапуре и Южном Судане. Как и в предыдущие годы, наибольшее количество людей, подлежащих смертной казни, в Китае [8].

По нашему мнению, негативными аспектами применения смертной казни являются: во-первых, сложность доказывания вины лица, совершившего преступление. В то же время большинство государств, в которых применяется смертная казнь, предусматривают сложный механизм с использованием всех средств защиты, чтобы такое наказание не было назначено произвольно или незаконно. В частности, особенностью применения смертной казни в США является и то, что приговоры по этим делам обязательно становятся предметом рассмотрения апелляционных инстанций не толь-

ко на уровне штатов, но и на федеральном уровне [4].

Во-вторых, длительный период, который проходит от вынесения приговора до его исполнения. В решениях Европейского суда упоминается о так называемом феномене камеры смертников – это явление, которое состоит из комплекса обстоятельств, влияющих на заявителя, который был приговорен к смертной казни. В частности, Суд отмечает, что следствием длительного периода между вынесением и исполнением приговора является то, что осужденное лицо должно в течение многих лет ожидать смерти, когда растет и становится все тяжелее напряжение от жизни в условиях постоянной тени смерти («Соринг против Соединенного Королевства»).

В-третьих, достигается ли цель наказания в случае применения смертной казни, а именно исправления осужденных, а также предотвращения совершения новых преступлений как осужденными, так и другими лицами. По нашему мнению, назначение наказания в виде смертной казни имеет превентивный характер, поскольку суровость наказания предостерегает других лиц по совершению подобных преступлений. Однако причиной высокого уровня преступности является прежде всего низкая эффективность работы органов, способствующих раскрытию преступлений, высокий уровень латентной преступности и тому подобное. Что касается исправления собственно осужденного лица, то здесь смертная казнь не оправдывает цели наказания [10]. Это может повлечь за собой большую смертность среди жертв преступления. Так как преступник будет стараться не оставлять в живых свою жертву, зная, что его за преступление ожидает смертная казнь.

Так что, по нашему мнению, замена смертной казни пожизненным лишением свободы является более гуманным способом исправления личности. Применение смертной казни можно расценивать как произвольное лишение жизни, которое часто наносит невыносимые страдания лицу, которому присуждена такая мера наказания. Демократическое, гуманное государство должно принимать во внимание ценность жизни каждого человека, а также давать возможность для его исправления [7].

Следующим вопросом в контексте права на жизнь является вопрос искусственного прерывания беременности, который является касательным к вопросам морали, религии и медицины. Законодательство большинства стран и международное законодательство в целом неоднозначно определяют момент возникновения права на жизнь, именно поэтому часто используют диспозитивные нормы, которые дают женщине право выбора относительно искусственного прерывания беременности. Такие действия можно расценивать как своевольное лишение жизни, однако возникает вопрос: можно ли зародыш рассматривать как человека и имеет ли он право на жизнь [2].

Статьей 1 Конвенции о правах ребенка 1989 г. предусмотрено, что ребенком является каждое че-

ловеческое существо до достижения им 18-летнего возраста, если по закону, применяемому к этому лицу, оно не достигло совершеннолетия ранее. То есть Конвенция определяет момент окончания так называемого периода детства, однако не определяет его начального момента [6].

Конвенция о правах ребенка не ограничивает свободу действий государства в деле определения момента начала детства в своих национальных законодательных системах. Об этом также свидетельствуют определения и объяснения государств в отношении статьи 1. Аргентина дала объяснение во время ратификации, в соответствии с которым статью 1 следует интерпретировать таким образом, что понятие «ребенок» означает любое человеческое существо с момента зачатия». Согласно Конвенции, начало детства, а следовательно, и начало самой жизни, должно определяться внутренним законодательством государств-участников [9]. Эти два вопроса могут пересекаться друг с другом, но в международном праве они отделены, поскольку большинство международных прав ребенка являются неприменимыми к периоду пребывания в утробе матери. То есть международное право, указывая на существенные различия в национальном праве различных государств, дает возможность государствам определять момент начала детства, а значит, и возникновения права на жизнь.

Национальное законодательство, в частности Гражданский кодекс, предусматривает, что гражданская правоспособность физического лица возникает в момент его рождения. Следовательно, законодатель не запрещает лишение жизни зародыша, находящегося в утробе матери, однако с установлением определенных ограничений, а моментом возникновения права на жизнь признает момент рождения ребенка [5].

Выделяют два типа эвтаназии: активную и пассивную. Активная эвтаназия предполагает, что медицинские работники должны выполнить определенные действия, направленные на лишение жизни лица, находящегося в безнадежно больном состоянии. Пассивная же эвтаназия характеризуется добровольным отказом больного от лечения. На первый взгляд, пассивная эвтаназия не связана с принудительным или произвольным лишением жизни. Однако, во-первых, человек, морально и физически истощен от длительного и безнадежного лечения, может ошибочно считать, что поддерживать свою жизнь с помощью медикаментозных средств не является необходимым. Во-вторых, стоит принять во внимание и возможность злоупотреблений со стороны медицинских работников, которые своими действиями могут побудить человека к принятию такого решения [3].

В условиях военного конфликта также важно рассмотреть вопросы защиты права на жизнь, в частности гражданских лиц, и защиты права на жизнь, во время проведения акций протеста, а также ответственность государства за такие действия. Заметим, что нарушением права на жизнь

в соответствии с решениями Европейского суда является не только прямое лишение жизни лица, но и доведение лица до такого состояния, когда оно балансирует на грани жизни и смерти. В деле «Претти против Соединенного Королевства» ... Европейский Суд счел, что выбор заявителя избежать недостойного и тяжелого, по ее мнению, окончания жизни попадает в поле применения статьи 8 Конвенции Европейский Суд заключил, что власти допустили несоблюдение своих позитивных обязательств по обеспечению эффективного уважения личной жизни заявительницы, и, соответственно, имело место нарушение статьи 8 Конвенции.

[П]раво лица решать, каким образом и в какое время его жизнь должна закончиться при условии, что оно в состоянии свободно выразить свое желание на этот счет и действовать впоследствии, является одним из аспектов права на уважение личной жизни по смыслу статьи 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] (пункт 51 постановления от 20 января 2011 г. по делу Хаас против Швейцарии).

[Большая Палата Европейского Суда] напоминает..., что в деле «Одьевр против Франции»... Европейский Суд указал, что «роды и, в частности, обстоятельства, при которых родился ребенок, составляют часть гарантированной статьей 8 Конвенции [о защите прав человека и основных свобод] личной жизни ребенка, а впоследствии и взрослого»... [В] ... деле «Терновски против Венгрии»... [Европейский Суд] отмечал, что «обстоятельства родов неоспоримо составляют часть личной жизни для целей данного положения» (пункт 162 постановления Большой Палаты от 15 ноября 2016 г. по делу Дубска и Крейзова (Dubska and Krejzova) против Чешской Республики).

За соблюдением прав человека, в том числе и за обеспечением права на жизнь следят и международные организации. В частности, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека в своих докладах приводит статистику по большому количеству жертв среди гражданского населения (до 20% населения), которые вызваны применением оружия как со стороны правительства, так и со стороны вооруженных групп. В одном из своих докладов Управления Верховного комиссара ООН по правам человека отмечает, что продолжение применения сторонами конфликта оружия неточной и/или взрывного действия оставалось главной проблемой, которая вызывает беспокойство, в сфере защиты гражданских лиц.

Большое количество жертв вооруженного конфликта возлагает на государство обязанность по внедрению эффективных механизмов расследования случаев произвольного лишения права на жизнь, ведь Европейский суд в своих решениях отмечает, что защита права на жизнь заключается также и в осуществлении расследования причин смерти лица. Однако события, которые сегодня происходят в мире, в частности, проведение судебной реформы и реформы правоохранительных

органов, неопределенность подсудности и подследственности дел, коллизионные нормы законодательства, становятся препятствием для расследования событий негативных процессов, которые привели к массовой гибели людей, и привлечения виновных к ответственности.

Следовательно, важно обеспечить реальность применения законодательства по защите права человека на жизнь, поскольку жизнь человека признается абсолютной и неотъемлемой. Все случаи лишения жизни должны тщательно расследовать органы государственной власти. Законодательство регулирует особенности искусственного прерывания беременности, прямо запрещает смертную казнь и эвтаназию, однако военный конфликт вызывает массовые нарушения права человека на жизнь, которые остаются неурегулированными. По нашему мнению, органы государственной власти должны внедрять действенные механизмы сотрудничества с общественными организациями для осуществления эффективного расследования случаев нарушения права на жизнь, а также обязанностью государства перед гражданами страны, так и перед международным сообществом являются привлечение виновных в нарушении права на жизнь.

Литература

1. Бабаджанов И.Х. Жизнь человека как социальная ценность и право на жизнь // Мир политики и социологии. – 2012. – № . 2. – С. 25–34.
2. Жолумбаев М.К. Вопросы профилактики преступности, связанной с посягательством на жизнь человека // Редакторлар алқасы. – 2021. – С. 236.
3. Козловский С. И., Сосновченко Т.Р., Шуракова А.Д. Влияние идей эпохи просвещения на содержание теории общественного договора и принципа народного суверенитета в трактовке Иммануила Канта // Право и общество Учредители: Кировское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». 2019. – № 1. – С. 57–60.
4. Лыгина Ю.В. Личные неимущественные права граждан, обеспечивающие их социальное существование // Право как искусство добра и справедливости. – 2021. – С. 41–43.
5. Паканич С. И., Горячева Е.Ю. E-SCIO //E-SCIO Учредители: Информационная Мордовия. – 2019. – № . 11. – С. 412–420.
6. Резник Е.С. Право на жизнь: гражданско-правовые аспекты //Автореф. дис\ ... канд. юрид. наук. Екатеринбург. – 2007. – С. 16.
7. Романовский Г.Б. Право на жизнь (общетеоретический аспект) //Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № . 4. – С. 180–190.
8. Романовский, Георгий. Гносеология права на жизнь. Litres, 2017.
9. Хазов Е. Н., Воронина Н.А. Конституционные обязанности человека и гражданина теорети-

ческие подходы и обоснования в России и зарубежных странах // Социально-гуманитарное обозрение. – 2021. – № 2. – С. 28–33.

10. Харрасова А.А. Гарантии и проблемы защиты права на жизнь // Концепции устойчивого развития науки в современных условиях. – 2021. – С. 264–266.

CONSTITUTIONAL CONDITIONALITY OF THE RIGHT TO LIFE AS PART OF UNIVERSAL VALUES IN THE MODERN WORLD

Chebotareva I.Y., Udychak F.N., Tkharakho M.M., Mamisheva Z.A., Markov P.N. Adyghe State University

The right to life is an absolute, natural and inalienable right of every person. The relevance and indisputability of the regulation of such a right is primarily due to the value of the life of each individual, which is why any legal state and the world community as a whole recognizes the need not only to consolidate it, but also to properly implement it. The content of the right to life has the following main aspects: the duty of the State to protect human life, the ability of a person to protect his life in a legal way, as well as the prohibition of arbitrary deprivation of life. Consequently, the protection of the right to life consists in the observance by the State of its duty to protect the life of a person and to provide a person with the opportunity to protect his life. The relevance of the issue of protecting the right to life lies in the fact that, despite the value of this right and the recognition of the need to improve its protection mechanisms at the international level, different States have somewhat different norms that regulate issues related to the protection of the right to life, in particular the issue of the death penalty, euthanasia, artificial termination of pregnancy, etc. A special place is occupied by the prevention of arbitrary deprivation of life, which is the result of the absolutely necessary use of force, which is often pointed out in the decisions of the European Court of Human Rights, as well as the protection of the right to life in conditions of military conflicts and mass protests. It is these issues that require detailed scientific research and justification in the context of the protection of the right to life. The purpose of the article

is to study certain aspects of the protection of the right to life in the context of modern risks based on the legal analysis of domestic and foreign experience.

Keywords: life, protection, constitutional law, universal values.

References

1. Babadzhanov I. Kh. Human life as a social value and the right to life // World of Politics and Sociology. – 2012. – № 2. – С. 25–34.
2. Zholumbaev M.K. Issues of prevention of crime associated with encroachment on human life // Editorial alkasy. – 2021. – С. 236.
3. Kozlovsky S. I., Sosnovshchenko T.R., Shurakova A.D. The influence of the ideas of the era of enlightenment on the content of the theory of the social contract and the principle of popular sovereignty in the interpretation of Immanuel Kant // Law and Society Founders: Kirov Regional Branch of the All-Russian Public Organization "Association of Lawyers of Russia". 2019. – No. 1. – С. 57–60.
4. Lygina Yu.V. Personal non-property rights of citizens, ensuring their social existence // Law as an art of goodness and justice. – 2021. – С. 41–43.
5. Pakanich S. I., Goryacheva E. Yu. E-SCIO //E-SCIO Founders: Informational Mordovia. – 2019. – No. 11. – С. 412–420.
6. Reznik E.S. The right to life: civil law aspects // Avtoref. dis. ... cand. legal Sciences. Yekaterinburg. – 2007. – С. 16.
7. Romanovsky G.B. The right to life (general theoretical aspect) // News of higher educational institutions. Jurisprudence. – 2003. – No. 4. – С. 180–190.
8. Romanovsky, Georgy. Gnoseology of the right to life. Letters, 2017.
9. Khazov E. N., Voronina N.A. Constitutional obligations of a person and a citizen, theoretical approaches and justifications in Russia and foreign countries // Social and humanitarian review. – 2021. – No. 2. – С. 28–33.
10. Kharasova A.A. Guarantees and problems of protecting the right to life // Concepts of sustainable development of science in modern conditions. – 2021. – С. 264–266.

Корпоративные права участников крестьянских (фермерских) хозяйств в системе субъективных прав

Бит-Мурат Давид Харибуевич,

аспирант кафедры гражданского права юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: dave05@mail.ru

Статья посвящена исследованию основных корпоративных правомочий участников крестьянских (фермерских) хозяйств с целью предложить решение некоторых проблем их реализации. Отмечается, что в системе корпоративных прав, «право участия» в структуре корпоративных отношений осуществляет специальные функции. Во-первых, в нем выражен объем влияния в соответствующей корпорации. Во-вторых, оно предусматривает возможность существования и реализации ряда взаимосвязанных полномочий. Подробнее раскрываются такие права участников КФХ, как право на участие в управлении; право на получение распределяемой прибыли, право на получение информации участники корпорации, и, наконец, право на получение ликвидационной квоты. В результате проведенного исследования, делаются некоторые рекомендации по совершенствованию теории и практики осуществления корпоративных прав участников КФХ, в том числе, о необходимости существенного усиления роли имущественного вклада, раскрытие содержания понятия «личное участие».

Ключевые слова: корпоративные права, крестьянские (фермерские) хозяйства, КФХ, участники, «личное участие», ликвидационная квота.

Центральным элементом в системе корпоративных прав является «право участия», выполняющее в структуре корпоративных отношений особые функции. Во-первых, в нем, по общему правилу, выражен объем («сила») влияния в соответствующей корпорации. За теми довольно редкими исключениями, когда принятие решений общего собрания корпорации и реализация других возможностей, вытекающих из права участия, определяется по правилу «один участник – один голос». Так, по общему правилу, проводится голосование товариществ собственников недвижимости. Аналогично решается вопрос и в производственных кооперативах (см.п. 3 ст. 106.4. ГК РФ). В КФХ, создаваемом по правилам ст. 86.1. ГК РФ, несомненно, создается (должен создаваться) уставный капитал; «право участия» в хозяйстве должно быть соотнесено (в пропорции) с этой величиной. Во-вторых, оно предусматривает возможность существования и реализации ряда других взаимосвязанных полномочий, которые в теории корпоративного права рассматриваются как самостоятельные субъективные права.

Согласно ст. 65.2. ГК РФ и теории корпоративного права в число таких правомочий («корпоративных прав») входят следующие.

Во-первых, это право на участие в управлении [1, с. 215]. Возможно, это наиболее значимое правомочие, поскольку от его реализации зависит и определение направлений развития, и назначение ключевых фигур менеджмента, и формирование локальных правил, определяющих внутреннюю жизнь корпорации [2]. При этом участие в управлении корпорацией составляет не только, но и обязанность участника (См. Определение Верховного Суда РФ от 13.04.2018 № 308-ЭС18–2835 по делу № А61–86/2017//СПС «Консультант-Плюс»).

Применительно к КФХ, созданному в форме юридического лица, это право каждого члена хозяйства вносить предложения по формированию повестки для общего собрания, предлагать кандидатуры на должности исполнительных органов, включая лицо, возглавляющее исполнительный орган или КФХ в целом (председателя правления, главу КФХ и т.п.), а также участвовать в решении иных значимых для жизни хозяйства вопросов (в том числе о реорганизации или ликвидации).

При этом мы исходим из того, что реализовывать данное право могут исключительно именно участники данного юридического лица, вне зависимости от того, связаны они или несвязанные другими отношениями с КФХ. Законодатель в ст. 86.1. ГК РФ, в отличие от Федерального закона о КФХ 2003 г., отказался устанавливать некоторые специфические критерии (родство или свойство) как обязательные для участия в данной организационно-правовой форме. Это не означает невозможности установления высшим органом управления дополнительных критериев, позволяющих кого-либо считать членом КФХ, но они должны соответствовать требованиям закона. В частности, положениям абз. 2 ст. 86.1. ГК РФ, предусматривающим, что КФЗ создается как «добровольное объединение граждан на основе членства для совместной производственной или иной хозяйственной деятельности», основанной на их личном участии и объединении имущественных вкладов.

Так, при рассмотрении одного из дел было установлено, что истцы, действительно, формально не были из состава КФХ. Но они около двенадцати лет не принимали никакого участия в его деятельности, «не представили доказательств того, что они совместно осуществляли какую-либо производственную и иную хозяйственную деятельность, основанную на их личном участии в фермерском хозяйстве, имеют на праве общей собственности имущество, вносили какое-либо имущество в КФХ и участвовали в распределении прибыли фермерского хозяйства. В этих условиях арбитражный суд округа дело направил на новое рассмотрение, в том числе для выяснения вопроса о том, когда истцы должны были узнать о нарушении своих прав с учетом того, что длительное время не интересовались судьбой КФХ (См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 08.06.2020 № Ф06–46232/2019 по делу № А57–22862/2018//СПС «КонсультантПлюс»).

Поэтому критически следует оценивать условия уставов таких КФХ, в которых предусматривается сохранение членства и тогда, когда гражданин не может принимать личное трудовое участие в деятельности хозяйства (например, в связи с выходом на пенсию или по инвалидности, при переходе на выборную работу, при обучении и т.п.). Этим, на наш взгляд, фактически подрываются важнейшие принципы КФХ и корпоративного движения в сфере АПК, основанные на именно личном участии, хотя, внешне, вроде бы, они и направлены на социально полезный эффект. Ничто, однако, не мешает КФХ, в том числе и в тексте устава, предусматривать выплаты бывшим членам при определенных ситуациях (в том числе при выходе на пенсию).

Во-вторых, это право на получение распределяемой прибыли. Согласно п. 1 ст. 50 ГК РФ основной задачей коммерческих корпораций является получение прибыли. Данное право имеет модификации (варианты) почти во всех корпорациях

[3], но их существо остается единым. Это возможность получить сумму чистой прибыли, которую высший орган управления в порядке, определенном уставом и локальными актами, решил направить в индивидуальную собственность участников. Также применительно и к КФХ, создаваемому в порядке ст. 86.1. ГК РФ, вопрос об общем размере данной суммы, с нашей точки зрения, должен находиться исключительно в ведении общего собрания участников.

Далее целесообразна ремарка относительно существа таких выплат участникам КФХ в их соотношении с прочими платежами. Несомненно, участники хозяйства могут находиться и в трудовых отношениях с хозяйством. Однако различие трудовых и гражданско-правовых отношений ими весьма трудно осознается. Анализ практики свидетельствует, что многие участники в КФХ одновременно находятся и в трудовых отношениях, но никак юридически не оформляют факт работы [4],[5]. Между тем, согласно ст. 303 Трудового кодекса РФ, обязанность надлежащего оформления трудовых отношений лежит на работодателе, факта допуска к работе достаточно, чтобы трудовые отношения возникли. Весьма слабо данную границу проводит ее и законодатель, который не разрешил ряд важных вопросов.

Надо заметить, что нормы, которая бы предусматривала необходимость корректировать размер получаемой участником прибыли исходя из участия в хозяйстве, выполнения в нем каких-либо работ и пр., нет ни в ФЗ о КФХ 2003 г., ни в ст. 86.1. ГК РФ. В п. 3 ст. 4 ФЗ о КФХ указано лишь о необходимости включать в договор правила «о порядке распределения полученных от деятельности фермерского хозяйства плодов, продукции и доходов», а в ст. 15 данного закона указывается на право члена хозяйства «на получение части доходов, полученных от деятельности в денежной и (или) натуральной форме, плодов, продукции (личный доход каждого члена фермерского хозяйства)». Размер и форма выплаты каждому члену фермерского хозяйства личного дохода «определяются по соглашению между членами фермерского хозяйства». Эти положения могут применяться и в хозяйствах, основанных на ст. 86.1. ГК РФ, но названное «соглашение» о распределении дохода должно быть заменено локальным актом о распределении дохода, утверждаемым общим собранием (это просто удобнее и более соответствует данной организационно-правовой форме). Как видим, закон не устанавливает нормы, обязывающей или дающей право хозяйству скорректировать размер выплачиваемой части прибыли исходя из того, как именно он участвовал в деятельности («участие» – лишь признак сохранения членства).

В традициях различных форм совместного труда в сельском хозяйстве, включая колхозно-кооперативную демократию и не только, признавалось обоснованным и справедливым учитывать личное усердие, тщательность и заботливость

об итогах общего дела и, в частности, делать поправочные коэффициенты к распределяемому доходу. Насколько это правильно сегодня, в том числе применительно к КФХ в форме юридического лица?

В литературе на рассматриваемый аспект обращалось внимание и отмечалось различие между моделями реализации права на получение распределяемой прибыли в разных корпорациях. Исходя из того, на каких началах осуществляется распределение прибыли, выделяется три модели: «пропорциональная», «договорная» и «трудовая». Так, в хозяйственных обществах распределение прибыли основано на прямой пропорции размеру доли участия (количеству акций), в хозяйственных партнерствах эта пропорция может корректироваться соглашением о партнерстве, в производственных кооперативах важно учитывать и т.д.

С существованием различия подходов следует согласиться, но также нельзя не отметить неточность избранных квалификационных критериев. Дело в том, что если первые две модели («пропорциональная» и «договорная») основаны на учете именно имущественного (денежного) вклада, то в третьей («трудовой») речь идет уже о другом качественном критерии – об учете индивидуального трудового участия. И это принципиально важно, так как в первых моделях решающее значение придается вложенным финансовым средствам, то в третьей – «живому труду», которое применяется к именно трудовым отношениям. «Трудовое отношение возникает по поводу самого процесса труда, приложение живого труда к средствам производства и не затрагивает отношений, складывающихся по поводу пользования, владения и распоряжения овеществленными результатами труда» [6, с. 56]. Если мы отражаем итоги труда (путем увеличения или уменьшения) на уровне распределения прибыли (т.е. в другом типе правоотношений), то фактически это означает произвольное (необоснованное и несправедливое) уменьшение или увеличение в другом отношении (при расчетах в трудовых отношениях).

К сожалению, на КФХ часто переносится правило о производственных кооперативах, где, действительно, размер выплат должен определяться с учетом «личного трудового участия» (п. 1 ст. 106.1). Определенное смещение выплат распределяемой прибыли участникам КФХ происходит и с их зарплатой, что, видимо, отчасти объясняется указанием на «личное участие» в деятельности хозяйства. Однако «личное» участие вовсе не есть «личное трудовое». И если имеются признаки трудовых отношений, то выплата сумм, обусловленных этой функцией, не может (не должна) рассматриваться в качестве расчетов по выплате части прибыли.

На наш взгляд, требуется нормативное раскрытие смысла «личного участия» в данной форме КФХ. Полагаем, оно должно включать в себя следующие взаимосвязанные положения:

- формы и способы «личного участия» каждое КФХ определяет самостоятельно при государственной регистрации;
- осуществление участия в деятельности КФХ составляет условие сохранения корпоративной связи и, вместе с тем, особую обязанность соответствующего участника;
- под «личным участием» может быть понимаемо всякое экономически значимое влияние на итоги работы хозяйства, включая трудовую деятельность, но не сводимое к ней;
- допустимо, что им будет считаться и внесение имущественного вклада (значение которого для экономики хозяйства несомненно);
- любое неденежное участие (например, предоставление важной информации, решение сложных производственных вопросов, предоставление имущества и пр.), должно через систему показателей (коэффициентов) или в индивидуальном порядке оцениваться в денежной форме;
- результаты и характеристики (продолжительность, эффективность, квалификация, напряженность) трудовой деятельности могут выполнять роль лишь корректирующего обстоятельства размера заработной платы.

Общий режим распределения части прибыли в КФХ, основанном на правилах ст. 86.1. ГК РФ, должен основываться на принципе равенства всех участников, что вполне соответствует смыслу «совместности» деятельности (п. 1 ст. 86.1. ГК РФ), привычно и для КХФ, созданных без образования юридического лица (См. Определение ВАС РФ от 26.10.2012 № ВАС-13582/12 по делу № А63-7580/2010/СПС «КонсультантПлюс»), общеправовому принципу о том, что при отсутствии специальных решений общего собрания должен быть реализован принцип равного и пропорционального разделения (*pari passu*). Надо заметить, что в теории и практике корпоративного права, в целом, сложилась отрицательное отношение к дифференциации участников и предоставлению преференций определенной группе участников.

В-третьих. Обладание информацией – ключ и необходимое условие для разрешения множества проблем в корпоративных отношениях: для ориентации в наиболее актуальных вопросах, для понимания того, насколько правильно произведено начисление и выплата распределяемой прибыли, для оценки действий менеджмента и выработки позиции относительно целесообразности их обжалования и т.д. Отмечается, что информация нередко служит как основанием применения мер защиты корпоративных прав, так и результатом применения соответствующих мер [7]. Поэтому право на получение необходимой информации о деятельности всякой корпорации, в том числе КФХ, составляет самостоятельное правомочие. Оно прямо предусматривается абз. 3 ст. 65.2 ГК РФ как универсальное для всех корпораций: участник корпорации «в случаях и в порядке, которые предусмотрены законом и учредительным

документом корпорации, получать информацию о деятельности корпорации и знакомиться с ее бухгалтерской и иной документацией».

Применительно к КФХ (на основе ст. 86.1. ГК РФ) состав данной информации следует выводить из практической потребности в тех или иных сведениях и с учетом порядка, сложившегося в близких организационно-правовых формах. Состав информации, которая может быть предоставлена члену КФХ, должен быть дифференцирован, исходя из ее содержания и порядка удовлетворения требования. Представляется, каждый участник вправе (в рабочее время) иметь свободный доступ к уставу КФХ и изменениям к нему, договору об учреждении (если он есть), протоколам общих собраний, документам о государственной регистрации и локальным актам, регламентирующим внутрикорпоративные отношения.

В-четвертых, участники корпорации имеют право на получение ликвидационной квоты. Надо заметить, что оно не названо в ст. 65.1. ГК РФ, но вытекает из общих (концептуальных) положений о существовании коммерческой корпорации. Объединив вклады, участники создают имущественную основу для общего бизнеса. Поэтому естественно, что при ликвидации данного юридического лица они же вправе претендовать на остающееся имущество или его стоимость после расчетов с кредиторами (см. также п. 8 ст. 63 ГК РФ).

Применительно к КФХ процесс ликвидации и реализации права на ликвидационную квоту, имеет некоторые особенности. Полагаем, сегодня, с учетом накопленной практики сомнений быть не должно; таким правом обладают все участники на момент ликвидации.

При прекращении КФХ, созданного как корпорация, правила ст. 258 ГК РФ применяться в полном объеме не могут. В частности, в связи с тем, что единственным собственником всего его имущество является само хозяйство (п. 2 ст. 86.1. ГК РФ). Следовательно, на имущество КФХ не может одновременно возникать и право собственности его членов, что предполагает отдельные акты и распределения и принятия имущества уже после ликвидации хозяйства. Вопрос о пропорциях распределения данной имущественной массы должен решаться в обычном алгоритме: если участники заранее не определили доли участия (что было бы желательно), то действует принцип равенства долей.

Таким образом, относительно корпоративных прав участников КФХ можно выделить следующие их особенности: во-первых, необходимо существенное усиление роли имущественного вклада, в том числе нормативное закрепление правила об вкладах (на условиях, отраженных в диссертации) и раскрытие содержания понятия «личное участие» в данной форме КФХ при его создании; во-вторых, результаты и характеристики (продолжительность, эффективность, квалификация, напряженность) трудовой деятельности могут выполнять роль лишь корректирующего обстоятель-

ства размера заработной платы; в-третьих, порядок реализации права участника КФХ на информацию о деятельности хозяйства целесообразно дифференцировать: основные сведения должны быть в свободном доступе для участников (для беспрепятственного получения), другие подлежат удовлетворению по специальному запросу; в-четвертых, реализация права члена КФХ на ликвидационную квоту не опирается на положения ст. 258 ГК РФ, поскольку до момента прекращения хозяйства, созданного по модели, предусмотренной ст. 86.1. ГК РФ, единым собственником выступает оно само. Это предполагает отдельные акты распределения и принятия имущества конкретными участниками.

Литература

1. Корпоративное право: учебник/под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут, 2019. 735с.
2. Ильин Д.В. Доктрина экономических возможностей как экономически эффективный способ разрешения конфликта с топ-менеджментом // Вестник экономического правосудия в Российской Федерации. 2019. № 7. С. 163–201.
3. Ломакин Д.В. Дивиденды акционерного общества // Корпоративное право: актуальные проблемы / Под ред. Д.В. Ломакина. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. 1–27.
4. Бубнова М. Агросектор: споры с сезонными работниками // Трудовое право. 2016. № 9. С. 105–112.
5. Тютерева Н.Н. Актуальные проблемы правового положения крестьянского (фермерского) хозяйства // Право и экономика. 2018. № 12. С. 53–59.
6. Жуйков В.М. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / под ред. В.М. Жуйкова. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. Вып. 26. 248 с.
7. Богданов Е.В. Субъективные права участников коммерческих корпораций: правовая природа и особенности их осуществления // Адвокат. 2016. № 5. С. 20–26.

CORPORATE RIGHTS OF PARTICIPANTS OF PEASANT (FARMER) FARMS IN THE SYSTEM OF SUBJECTIVE RIGHTS

Bit-Murat D.H.
Kazan (Privolzhsk) Federal University

The article is devoted to the study of the main corporate powers of the participants of peasant (farmer) farms in order to propose a solution to some problems of their implementation. It is noted that in the system of corporate rights, the "right of participation" in the structure of corporate relations performs special functions. Firstly, it expresses the amount of influence in the relevant corporation. Secondly, it provides for the possibility of the existence and implementation of a number of interrelated powers. The rights of the participants of the farm are disclosed in more detail, such as the right to participate in management; the right to receive distributable profits, the right to receive information from the participants of the corporation, and, finally, the right to receive a liquidation quota. As a result of the conducted research, some recommendations are made to improve the the-

ory and practice of exercising the corporate rights of the participants of the farm, including the need to significantly strengthen the role of the property contribution, disclosure of the content of the concept of "personal participation".

Keywords: corporate rights, peasant (farmer) farms, farms, participants, "personal participation", liquidation quota.

References

1. Corporate law: textbook/edited by I.S. Shitkina. M.: Statute, 2019.735c.
2. Ilyin D.V. The doctrine of economic opportunities as a cost-effective way to resolve a conflict with top management//Bulletin of Economic Justice in the Russian Federation. 2019. No.7. pp. 163–201.
3. Lomakin D.V. Dividends of the joint-stock company//Corporate law: current issues/Edited by D.V. Lomakin. M.: Infotropik Media, 2015. pp. 1–27.
4. Bubnova M. Agrosector: disputes with seasonal workers // Labor Law. 2016. No. 9. pp. 105–112.
5. Tyutereva N.N. Actual problems of the legal status of the peasant (farmer) economy // Law and economics. 2018. No.12. pp. 53–59.
6. Zhukov V.M. Commentary on the practice of consideration of economic disputes (judicial and arbitration practice) / edited by V.M. Zhukov. M.: IZiSP, CONTRACT, 2019. Issue. 26. 248 p.
7. Bogdanov E.V. Subjective rights of participants of commercial corporations: the legal nature and features of their implementation // Lawyer. 2016. No. 5. p. 20–26.

Нормативное регулирование правового статуса крестьянских (фермерских) хозяйств

Демин Евгений Васильевич,

соискатель, кафедра гражданского и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»
E-mail: e2605968@gmail.com

В данной статье исследуются законодательные основы гражданского права, регулирующие отношения, возникающие в процессе функционирования крестьянского (фермерского) хозяйства, как самостоятельного хозяйствующего субъекта. Рассматриваются изменения отдельных положений Гражданского кодекса Российской Федерации, проводится сравнение нормативной основы регулирования крестьянских (фермерских) хозяйств до и после внесения изменений в упомянутый нормативно-правовой акт. Анализ положений законодательства проведен с учетом того, что малое предпринимательство, в данном случае в лице крестьянских (фермерских) хозяйств, играет важную роль в развитии аграрной сферы экономики Российской Федерации. Отмечается оперативность реакции и адаптации крестьянских (фермерских) хозяйств к преобразованиям как в экономике, так и в нормативной области, участие в разрешении локальных проблем сельских поселений. При изложении материала использовалась современная нормативная терминология.

Ключевые слова: гражданское законодательство, крестьянское (фермерское) хозяйство, правовой статус.

Аграрный сектор экономики Российской Федерации имеет тесную взаимосвязь с деятельностью сельскохозяйственных производителей, поэтому воздействие на последних оказывает влияние и на упомянутую часть экономики государства. Предпринимательство должно свободно развиваться, сельскохозяйственное производство совершенствоваться. Однако для достижения таких целей необходимо создание государством соответствующих условий.

Крестьянское (фермерское) хозяйство занимает высокое положение в процессе развития рыночных отношений, обусловленных функционированием сельского хозяйства. В последние годы возрастает количество сельских хозяйств. Учреждение крестьянского (фермерского) хозяйства и последующее его функционирование регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации [1], Федеральным законом «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [2] и другими законодательными актами. Изначально отношения в рамках сельского хозяйства в нашем государстве регулировались Законом РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [4].

Крестьянское (фермерское) хозяйство функционирует на основе задач, обусловленных назначением данного субъекта гражданского оборота, некоторые из которых связаны с получением прибыли, а другие определены сельскохозяйственной деятельностью. Это обуславливает законодательное регулирование положения крестьянских (фермерских) хозяйств, обладающих необходимыми для реализации предпринимательской деятельности правами и обязанностями.

Отношение законодателя к крестьянским (фермерским) хозяйствам изменилось, что отразилось во внесении дополнений в действующее законодательство в 2012 году Федеральным законом «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» [2].

Статья 23 Гражданского кодекса Российской Федерации преобразовалась законодателем, также кодекс был дополнен статьей 86.1., содержащей положения о крестьянском (фермерском) хозяйстве. Согласно внесенным изменениям, крестьянское (фермерское) хозяйство приобрело возможность регистрации в государственных органах наряду с организациями [1].

Статья 86.1 Гражданского кодекса Российской Федерации установила, что крестьянским (фермерским) хозяйством признается независимый союз физических лиц, являющихся членами хо-

зяйства, созданный в целях реализации совместной хозяйственной деятельностью в сельскохозяйственном секторе, обладающих общей собственностью на имущество хозяйства [1].

Существуют некоторые трудности, связанные с характеристикой нормативного положения крестьянского (фермерского) хозяйства, так как оно создается не одним гражданином, а несколькими. Традиционно крестьянское (фермерское) хозяйство создается объединением граждан, среди которых избирается глава.

Статья 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, как уже упоминалось, была изменена. Изменения коснулись правовой основы предпринимательской и экономической деятельности граждан, осуществляемой в рамках функционирования крестьянского (фермерского) хозяйства. Так пунктом пятым указанной статьи установлено, что граждане имеют право реализовывать хозяйственную деятельность в сфере производства сельскохозяйственной продукции в рамках функционирования крестьянского (фермерского) хозяйства как участника экономических отношений, не являясь юридическим лицом [1].

Указанная выше предпринимательская деятельность осуществляется в соответствии с нормами, регулирующими отношения, возникающие ввиду функционирования крестьянского (фермерского) хозяйства, которые содержат положения о том, что хозяйство может быть образовано впоследствии заключения соглашения о его создании. Глава крестьянского (фермерского) хозяйства должен надлежащим образом зарегистрировать в государственных органах, что он занимается индивидуальной предпринимательской деятельностью.

Уже упоминаемый выше Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» обладал самым ранним упоминанием о том, что такое крестьянское (фермерское) хозяйство. Нормативным актом времен СССР было закреплено, что «крестьянское (фермерское) хозяйство является самостоятельным хозяйствующим субъектом с правами юридического лица, представленным отдельным гражданином, семьей или группой лиц, осуществляющим производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции на основе использования имущества и находящегося в их пользовании, в том числе в аренде, в пожизненном наследуемом владении или в собственности земельных участков» [4].

В 90-х годах крестьянское (фермерское) хозяйство не могло функционировать как юридическое лицо. Так как данное образование не было наделено обязанностями, а также не несло ответственность своим имуществом. Законодательство того времени не присваивало крестьянскому (фермерскому) хозяйству роль юридического лица ввиду определенных причин, зависящих от экономического и правового регулирования в государстве [6].

В 2003 году был принят новый закон, регулирующий отношения, складывающиеся в рамках

функционирования крестьянских (фермерских) хозяйств – Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве». Указанный нормативно-правовой акт установил, что крестьянское (фермерское) хозяйство является субъектом предпринимательства.

В статье 1 Федерального закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» упоминается, что крестьянское (фермерское) хозяйство представляет собой группу граждан, объединенных по родственному и (или) свойственному признаку, имеющими совместное право собственности на имущество крестьянского (фермерского) хозяйства, реализующих предпринимательскую деятельность в форме функционирования крестьянского (фермерского) хозяйства.

Преобразования были обусловлены тем, что следовало на новом этапе развития страны распространять сельскохозяйственную занятость во всем государстве, так как этого требовали экономические изменения. Так для данных субъектов была предусмотрена возможность самостоятельного определения ими своей организационно-правовой формы или выбора статуса юридического лица [5]. Однако если крестьянским (фермерским) хозяйством будет инициирована смена организационно-правовой формы, то такие изменения повлекут лишение субъекта многих положительных условий.

Для крестьянских (фермерских) хозяйств характерен принцип семейности, который имеет некоторые отрицательные черты. Так глава хозяйства по определенным причинам может изъявить желание передать хозяйство, например, в случае нетрудоспособности, старости и т.д. Тогда преемнику придется заново проходить процедуру создания и регистрации крестьянского (фермерского) хозяйства. Это обусловит дополнительные финансовые расходы, потерю времени [7].

Необходимо выделить проблему, состоящую в том, что глава крестьянского (фермерского) хозяйства несет ответственность по обязательствам хозяйства собственным имуществом. При ином положении дел его участники, в том числе и глава, отвечают по обязательствам только долей имущества в хозяйстве [11].

Также ограничением для крестьянского (фермерского) хозяйства является то, что оно не может заниматься конкретными отдельными видами деятельности, например, племенным животноводством, если оно не зарегистрировано как юридическое лицо [10].

Российским гражданским законодательством установлено, что имущество крестьянского (фермерского) хозяйства принадлежит его членам на праве общей собственности. В соответствии с кодексом, члены крестьянского (фермерского) хозяйства действуют независимо, когда осуществляют какие-либо действия с имуществом хозяйства, совершают при наличии согласия других членов хозяйства различные действия в отношении данного имущества.

В настоящее время существует несколько разновидностей крестьянских (фермерских) хозяйств, т.е. хозяйства обладают различным статусом. За 10 лет многие фермерские хозяйства в России ликвидировались, однако возросло количество индивидуальных предпринимателей, осуществляющих деятельность в сельской местности [9].

Крестьянские (фермерские) хозяйства организуют сельскохозяйственное производство, что является характерным только для данного вида коммерческой организации. Немаловажной особенностью является и то, что для крестьянского (фермерского) хозяйства характерно наличие семейных и родственных связей между членами организации.

Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает, что крестьянское (фермерское) хозяйство может обладать статусом юридического лица, если лица, являющиеся его потенциальными членами, уже ведут совместную сельскохозяйственную деятельность без образования юридического лица, принимая во внимание только соглашение, которым было учреждено по общему согласию всех членов данного хозяйства [8]. Это связано с федеральным законом, регулирующим правовой институт крестьянского (фермерского) хозяйства, который закрепляет в качестве основного признака то, что хозяйство является объединением граждан, которые связаны родством или свойством.

Родственные и свойственные связи не должны являться определяющим признаком для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства. Отмечается тенденция, что коммерческие корпорации, связанные такими признаками, не получают должного развития и не могут достигнуть основных целей, закрепленных учредительными документами организации.

Таким образом, следует вывод, что законодательное регулирование отношений в рамках крестьянского (фермерского) хозяйства подвергалось ряду изменений в течение всего периода существования данного правового института в нашем государстве. Преобразования были реализованы в связи с необходимостью установления благоприятных условий повышения эффективности российского фермерского хозяйства в рамках его участия в развитии аграрной сферы экономики государства.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (части первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.
2. Федеральный закон «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 11.06.2003 № 74-ФЗ // Российская газета. № 115. 17.06.2003.
3. Федеральный закон «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 30.12.2012 № 302-ФЗ // Российская газета. № 3. 11.01.2013.

4. Закон РСФСР «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» от 22.11.1990 № 348–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР, 1990, № 26, ст. 324 (утратил силу).
5. Авдоница О.Г. Правовой статус и имущественные права крестьянского (фермерского) хозяйства как субъекта гражданского права. Юрист. 2014. № 23. С. 188.
6. Калинина Л.А. Сущность крестьянских (фермерских) хозяйств и их роль в производстве сельскохозяйственной продукции / Л.А. Калинина, А.М. Борхонов // Сборник материалов международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы развития АПК», Издательство: Иркутский ГАУ (Молодежный), 2017. С. 43.
7. Михалев А. Основа продовольственного благополучия страны. АПК: экономика, управление. 2005. № 1. С. 283.
8. Попова И.В. Управление рисками крестьянских (фермерских) хозяйств / И.В. Попова // Материалы международной научно-практической конф // Актуальные проблемы развития АПК. Иркутский ГАУ им. А.А. Ежовского, 2017. С. 92.
9. Развитие сельских подсобных производств и промыслов: Учебное пособие. Иркутский ГАУ. Иркутск, 2020. С. 76.
10. Рыбаков В.А. Организационные отношения в крестьянском (фермерском) хозяйстве без статуса юридического лица. Гражданское право. 2015. № 3. С. 124.
11. Рыбаков В.А. Право собственности крестьянского (фермерского) хозяйства со статусом юридического лица: методологические и доктринальные аспекты. Гражданское право. 2013. № 5. С. 332.

NORMATIVE REGULATION OF THE LEGAL STATUS OF PEASANT (FARM) ENTERPRISES

Demin E.V.

Russian State Academy of Intellectual Property

This article examines the legislative foundations of civil law regulating the legal status of a peasant (farmer) economy as an independent economic entity. The amendments to certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation are considered, the legal status of peasant (farmer) farms is compared before and after the amendments to the said regulatory legal act. The analysis of the provisions of the legislation is carried out taking into account the fact that small business, in this case represented by peasant (farmer) farms, plays an important role in the development of the agrarian sector of the economy of the Russian Federation. The responsiveness of the reaction and adaptation of peasant (farmer) farms to transformations both in the economy and in the regulatory field, participation in the resolution of local problems of rural settlements is noted. When presenting the material, modern normative terminology was used.

Keywords: civil legislation, peasant (farmer) economy, legal status.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 No. 51-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 238–239. 08.12.1994.
2. Federal Law «On peasant (farmer) economy» dated 11.06.2003 No. 74-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 115. 17.06.2003.
3. Federal Law «On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation» dat-

- ed 30.12.2012 No. 302-FZ // Rossiyskaya Gazeta. No. 3. 11.01.2013.
4. The Law of the RSFSR «On peasant (farm) economy» dated 22.11.1990 No. 348–1 // Vedomosti of the SND and the Supreme Soviet of the RSFSR, 1990, No. 26, Article 324 (expired).
 5. Avdonina O.G. The legal status and property rights of a peasant (farmer) farm as a subject of civil law. Lawyer. 2014. No. 23. p. 188.
 6. Kalinina L.A. The essence of peasant (farmer) farms and their role in the production of agricultural products / L.A. Kalinina, A.M. Borkhonov // Collection of materials of the international scientific and practical conference «Actual problems of agricultural development», Publishing House: Irkutsk State University (Youth), 2017. p.43.
 7. Mikhalev A. The basis of the country's food well-being. Agro-industrial complex: economics, management. 2005. No. 1.P. 283.
 8. Popova I.V. Risk management of peasant (farm) farms / I.V. Popova // Materials of the international scientific and practical conference // Actual problems of agro-industrial complex development. Irkutsk State University named after A.A. Yezhevsky, 2017. p. 92.
 9. Development of rural subsidiary industries and crafts: A textbook. Irkutsk GAU. Irkutsk, 2020. p. 76.
 10. Rybakov V.A. Organizational relations in a peasant (farmer) farm without the status of a legal entity. Civil law. 2015. No. 3. p. 124.
 11. Rybakov V.A. The right of ownership of a peasant (farmer) farm with the status of a legal entity: methodological and doctrinal aspects. Civil law. 2013. No. 5. p. 332.

К вопросу о различительной способности товарных знаков

Ларионов Игорь Петрович,

аспирант, кафедра гражданского права и процесса,
ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»
E-mail: skayboy3939@mail.ru

В данной статье рассматривается правовая категория различительной способности товарных знаков – понятие, специфика определения и подходы к классификации. Рассмотрено взаимосвязь между различительной способностью товарного знака и его охраноспособностью.

Цель исследования – рассмотреть категорию различительной способности товарных знаков через призму ее влияния на охраноспособность обозначений

Методология исследования: анализ законодательства РФ и международных соглашений, анализ судебной практики по вопросу различительной способности товарных знаков.

Новизна исследования: установлено, что основным критерием для потери охраноспособности товарных знаков по причине утраты различительной способности является пп. 6 п. 1 ст. 1514 ГК РФ. В таком случае охраняемые товарные знаки переходят в категорию общеупотребительных обозначений.

Ключевые слова: товарный знак, заявленное обозначение, различительная способность товарных знаков, охраноспособность товарных знаков, вошедшие в общее употребление обозначения.

Ключевым условием охраноспособности товарного знака выступает его различительная способность. Под различительной способностью товарного знака следует понимать факт того, что заявленное обозначение обладает всеми необходимыми характеристиками, позволяющими потребителю отличать товары/услуги одного производителя от аналогичных товаров/услуг другого производителя.

В п. 1 ст. 1483 ГК РФ четко закреплены основания для отказа в регистрации заявленных обозначений в качестве товарных знаков: «...Не допускается государственная регистрация в качестве товарных знаков обозначений, не обладающих различительной способностью или состоящих только из элементов:

- вошедших во всеобщее употребление для обозначения товаров определенного вида;
- являющихся общепринятыми символами и терминами;
- характеризующих товары, в том числе указывающих на их вид, качество, количество, свойство, назначение, ценность, а также на время, место и способ их производства или сбыта;
- представляющих собой форму товаров, которая определяется исключительно или главным образом свойством либо назначением товаров [1].

Стоит отметить, что существует возможность включения вышеперечисленных элементов в товарный знак в качестве неохраняемых элементов, только в случаях, когда они не исполняют в нем ключевую роль (т.е. не стоят в сильной позиции).

К числу обозначений, не обладающих различительной способностью, в контексте п. 1 ст. 1483 ГК РФ относятся:

- отдельные буквы и их сочетания;
- цифры и числа;
- линии, простые геометрические фигуры и их сочетания;
- изображения товаров;
- простые указания товаров;
- простые формы или их комбинации (в том числе трехмерные);
- общепринятые сокращения наименований организаций, предприятий, отраслей и их аббревиатур [2].

Особый порядок определения различительной способности товарных знаков применяется в отношении обозначений, представленных цветом, цветовыми сочетаниями или изображениями цвета в качестве отличительного элемента цвета. Такой порядок был урегулирован положениями Сингапурского договора [3] и в последующем также вошел в российскую практику.

Оригинальные обозначения, которые не имеют сходства/тождества на в целом, ни на уровне отдельных элементов с уже существующими зарегистрированными и охраняемыми законом товарными знаками подлежат регистрации Роспатентом, при этом процесс их регистрации не приводит к инициации дополнительных этапов экспертной оценки. Такие товарные знаки можно назвать оригинальными по степени своей различительной способности. Другой разновидностью различительной способности товарных знаков по законодательству РФ является – приобретённая.

Приобретать различительную способность товарные знаки могут в результате их использования. К примеру, Центр современного искусства «ВИНЗАВОД» приобрел свою различительную способность за счет интенсивного использования и в последующем был зарегистрирован Роспатентом в качестве охраняемого элемента. Здесь стоит отметить, что неохраноспособный товарный знак за счет интенсивного использования производителем может приобрести различительную способность, однако приобретение охраноспособности предполагает доказательство факта, что такая различительная способность обозначения была приобретена в результате широкого и длительного использования разными производителями в отношении идентичных/однородных товаров, в том числе в рекламе товаров и их изготовителей, в СМИ. В качестве примера можно привести товарное обозначение «КПЕРМАРКЕТ», которое было зарегистрировано Роспатентом в качестве товарного знака после доказательства его приобретенной различительной способности на основе многолетнего использования.

В случаях приобретенной различительной способности Роспатент проверяет факт вероятности того, что заявленное обозначение или его элементы вошли во всеобщее употребление для целей обозначения товаров определенного вида. Согласно определению ВАС РФ № ВАС-13062/13 (01.10.2013) [4] патентная экспертиза Роспатента должна доказать факт вхождения заявленного обозначения или его элементов во всеобщее употребление. Всеобщее употребление означает, что обозначение утратило свою различительную способность для потребителей товара/услуги, его производителей или специалистов конкретной области – т.е. несколько производителей выпускают товар/оказывают услугу под таким же обозначением (знаком). При этом следует отметить, что общеупотребимость обозначения только производителями или специалистами является недостаточным критерием доказательства факта вхождения обозначения во всеобщее употребление. Ключевым фактором остается именно показатель восприятия обозначения в качестве общеупотребляемого в глазах потребителя (целевой аудитории).

При использовании товарного знака несколькими производителями, такой товарный знак со временем может утратить свою различительную способность. То есть обстоятельства, связанные с по-

следующим использованием товарного знака, оказывают влияние на действительность регистрации товарного знака. Во избежание такой ситуации всем производителям аналогичного товара или услуги рационально заключать лицензионный договор. В противном случае товарный знак может утратить свою охраноспособность в соответствии со ст. 1486, ст. 1512, п. 6 ст. 1514 ГК РФ [1]. В судебной практике последних 5 лет встречается много решений о том, что положения ст. 1486 и п. 2 ст. 1512 ГК РФ можно оспорить в контексте доказательства охраноспособности товарных знаков. Однако признание утраты охраноспособности товарного знака на основании утраты им различительной способности сомнению не подлежит. Так, в протоколе № 13 Заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам от 27 ноября 2015 г. закреплено: «...в случае утраты обозначением различительной способности проводится повторная оценка охраноспособности ... возникает новый юридический факт – вывод об утрате различительной способности ... и должен применяться подпункт 6 пункта 1 статьи 1514 о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака» [5]. Стоит отметить, что решение Роспатента о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака утратившего свою различительную способность проводится на основании заявления заинтересованного лица. В таком случае прекращение охраноспособности товарного знака имеет долгосрочную перспективу, а сам товарный знак переходит в категорию обозначений, вошедших во всеобщее употребление как обозначение товаров/услуг определенного вида.

Возвращаясь к вопросу о классификации приобретенной различительной способности товарных знаков, следует обратить внимание на классификационный подход компании Abercrombie & Fitch, существующий в праве США. Суть классификации состоит в делении товарных знаков на несколько категорий в зависимости от степени различительной способности в порядке убывания:

- 1) вымышленные обозначения – состоят из изобретенных, не являющихся ранее лексической единицей языка и не имеющих самостоятельного смыслового значения слов (например, Яндекс, Instagram и т.п.). Такие обозначения специально были разработаны для наименования товара и его идентификации в качестве уникального объекта;
- 2) Ответвленные (случайные) обозначения – имеют словарное значение, но не имеют логической связи с товаром, в отношении которого они зарегистрированы в качестве товарного знака (например, Apple – товарный знак для бытовой электроники и его вариации в других языках – Ябло, Яблоко);
- 3) Напекающие (ассоциативные) обозначения – указывают на характеристики товаров или услуг, но не напрямую, а через ассоциативную связь, для возникновения которой необходимы

домысливания (например, «Лошадиная сила» для обозначения марки шампуня);

- 4) Описательные обозначения, родовые понятия – передают непосредственно представление о виде, ингредиентах, качестве, характеристиках товара/услуги (например, «Эскимо» – для мороженого) [6]. Как полагает С. Айрапетов, применение вышеперечисленной классификации в российской практике позволит упростить процесс квалификации различительной способности конкретных товарных знаков на практике и выработать определенный алгоритм проведения экспертиз по определению различительной способности товарных знаков.

Таким образом, различительная способность товарных знаков является ключевым фактором, оказывающим влияние на регистрацию обозначения в качестве товарного знака и его последующую охраноспособность. Степень различительной способности заявленных обозначений определяется через проведение экспертной оценки его различительной способности с ранее поданными, зарегистрированными товарными знаками или охраняемыми в другом законодательном порядке обозначениями. Товарные знаки, утратившие свою различительную способность в результате употребления, переходят в категорию вошедших во всеобщее употребление обозначений.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, принятый 30 ноября 1994 года (ред. От 08.12.2020). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ Дата обращения: 05.01.2022.
2. Руководство по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективных знаков, их дубликатов. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/rucov-tz/download> Дата обращения: 05.01.2022.
3. Сингапурский договор о законах по товарным знакам. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/singapore/> Дата обращения: 05.01.2022.
4. Решение Верховного Суда: Определение № ВАС-13062/13 от 01.10.2013. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/suddoc/981952491b603b848bcad1f92c18467e/> Дата обращения: 05.01.2022.
5. Протокол № 13 Заседания Научно-консультативного совета при Суде по интел-

лектуальным правам (27 ноября 2015 г.). – [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/protocol-13-of-the-meeting-of-the-scientific-advisory-council-at-the-court-for-intellectual-property-right> Дата обращения: 05.01.2022.

6. Айрапетов С. Классификация различительной способности товарных знаков. – [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2021/01/08/klassifikaciya_razlichitelnoj_sposobnosti_oboznachenij_registriruemyh_v_kachestve_tovarnyh_znakov Дата обращения: 05.01.2022.

ON THE ISSUE OF THE TRADEMARKS' DISTINCTIVENESS

Larionov I.P.

Academy of Labor and Social Relations

The legal category of the trademarks' distinctiveness – the concept, the specifics of the definition and approaches to classification were analysed in the article. The relationship between the distinctiveness of a trademark and its protectability was considered.

The purpose of the research is to consider the category of trademarks' distinctiveness in view of its impact on the protectability of designations.

Research methodology: analysis of the legislation of the Russian Federation and international agreements, analysis of judicial practice on the issue of trademarks distinctiveness.

The novelty of the research: it was established that the main criterion for the loss of the protectability of trademarks due to the loss of distinctiveness is § 6 of clause 1 of article 1514 of the Civil Code of the Russian Federation. In this case, the protected trademarks are transferred to the category of commonly used designations.

Keywords: trademark, claimed designation, distinctiveness of trademarks, protectability of trademarks, commonly used designations.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation, accepted 30/11/1994 (as amended 08.12.2020). – [site]. – URL http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date accessed: 5.01.2022)
2. Guidelines for the implementation of administrative procedures and actions in the framework of the provision of public services for the state registration of a trademark, service mark, collective mark and the issuance of certificates for a trademark, service mark, collective mark, their duplicates. – <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/rucov-tz/download> (date accessed: 5.01.2022)
3. Singapore Treaty on the Law of Trademarks.—: <https://www.wipo.int/treaties/ru/ip/singapore/> (date accessed: 5.01.2022)
4. The ruling of the Supreme Court of the Russian Federation in the case № ВАС-13062/13 dated 01/10/2013. – [site]. – URL <https://www.zakonrf.info/suddoc/981952491b603b848bcad1f92c18467e/> (date accessed: 5.01.2022)
5. Protocol № 13 of Meeting of the Scientific Advisory Board at the Court for Intellectual Property Rights (dated November 27, 2015). – [site]. – URL <http://ipcmagazine.ru/official-cronicle/protocol-13-of-the-meeting-of-the-scientific-advisory-council-at-the-court-for-intellectual-property-right> (date accessed: 5.01.2022)
6. Airapetov S. Classification of the distinctive ability of trademarks. – [site]. – URL https://zakon.ru/blog/2021/01/08/klassifikaciya_razlichitelnoj_sposobnosti_oboznachenij_registriruemyh_v_kachestve_tovarnyh_znakov (date accessed: 5.01.2022)

Договор присоединения: оценка советским правом в 40-х – 80-х годах XX столетия

Матвеева Елена Юрьевна,

доцент, к.ю.н., доцент Департамента международного и публичного права, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eyumatveeva@fa.ru

В статье исследованы доктринальные подходы советской правовой науки в период 40х – 80х годов прошлого столетия к специальной договорной конструкции – договору присоединения. Выявлено, что договор присоединения на начальном этапе рассматривался советским правом исключительно как атрибут западного права, востребованный капиталистическим обществом в его монопольной формации в качестве инструмента, позволяющего диктовать условия слабой стороне в договоре. Установлено, что советская цивилистика вплоть до конца 70-х годов не разделяла такие понятия как договор присоединения и типовой договор. В 80-х годах в результате развития рыночных отношений и либерализации политической жизни страны начала происходить переоценка многих правовых институтов. В частности, широко применявшиеся в СССР договоры присоединения в виде нормативный типовых договоров стали оцениваться отечественными цивилистами как признак излишней зарегулированности гражданско-правовых отношений, было положено начало обособлению и оценке в качестве самостоятельных правовых институтов типовых договоров, публичных договоров, договоров с примерными условиями и собственно договоров присоединения.

Ключевые слова: договор присоединения, типовой договор, формуляр, примерные условия договора.

В статье проведено научное исследование, ставящее целью изучить договор присоединения в оценках советской правовой науки в период 40-х-80-х годов прошлого столетия.

После окончания Великой отечественной войны обостряется противостояние социалистического и капиталистического мироустройства и это в полной мере калькируется на отторжение советской цивилистикой капиталистического права, что в частности проявилось и в отношении к договору присоединения, который становится в отечественной науке символом «империалистического беспредела», творимого посредством «формулярного и каучукового» права.

В этом смысле наглядным примером является изданная в 1948 году работа профессора Екатерины Абрамовны Флейшиц (1888–1968) «Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала». Профессор Флейшиц обозначает сферы применения договора присоединения и причины, побуждающие капиталистические государства и монополии использовать данный договор в этих сферах как идеальное «орудие тяжелой эксплуатации».

Во-первых, это сфера трудовых отношений в части установления правил внутреннего распорядка, к которым работник вынужден присоединиться, принимая условия коллективного договора. Теорию о дисциплинарном порядке, направленном на успешную деятельность предприятия, профессор Флейшиц решительно отвергает и называет «циничным обоснованием капиталистического рабства рабочих» [9, с. 38–39].

Второй сферой применения договоров присоединения обозначаются отношения по обслуживанию нужд населения: транспорт, снабжение коммунальными услугами и т.п. В своей работе Е.А. Флейшиц приводит примеры из литературы империалистических стран о том, что «массовому потреблению (определенных товаров или услуг) соответствует единообразие, типизирование или шаблонизирование условий договоров, совершаемых в связи с этим потреблением». Не соглашаясь с данной логикой, профессор Флейшиц указывает, «что это «шаблонизирование» соответствует не «массовому потреблению», а, прежде всего, интересам тех, кто извлекает из этого массового потребления огромные прибыли» [9, с. 39–40]. «Эксплуататорскую функцию договоров присоединения» по мнению Е.А. Флейшиц ничуть не уменьшает государственное регулирование тарифов и установление правил деятельности для предприятий, осуществляющих обслуживание

населения, поскольку «государственные органы, утверждающие тарифы, регулирующие отпуск товаров и услуг, состоят в условиях империализма в подавляющей массе случаев из лиц, являющихся акционерами предприятий, сбывающих эти товары или оказывающих эти услуги» [9, с. 40].

Третьей сферой, в которой профессор Флейшиц анализирует применение договоров присоединения, является область международной торговли. Е.А. Флейшиц констатирует: «Понятно, что в отношениях между монополистическими экспортными и импортными организациями разных стран договоры, совершаемые по „формулярам“, выражают преобладание одного из этих контрагентов над другим в конкурентной борьбе» [9, с. 40].

Четвертой сферой использования договоров присоединения в виде формуляров Е.А. Флейшиц определяет область деятельности, используемую «так называемыми общественными организациями монополистов: биржами, торговыми палатами... и т.п.». По мнению профессора Флейшиц «в таких случаях при помощи „формуляров“ крупнейшие из монополистических организаций, играющие руководящую роль в объединении предпринимателей, получают еще одну возможность подчинить своим интересам менее крупные организации данной отрасли хозяйства и тем ускоряют процесс концентрации в этой области» [9, с. 40].

Наряду с Е.А. Флейшиц, в 40е-60е годы многие и другие видные советские цивилисты подвергают практику использования договора присоединения в капиталистических странах жесткой критике.

Так, профессор Новицкий И.Б. (1880–1958) характеризовал договор присоединения как «форму легального выжимания соков капиталистами из слабых и зависимых людей» [5, с. 105], профессор Генкин Д.М. (1884–1966) полагал, что «по существу так называемое «формулярное право» в условиях сращивания государственного аппарата с монополиями фактически заменяет в отношениях монополий с их контрагентами нормы действующего законодательства» [12, с. 29], профессор Халфина Р.О. (1910–1998) приходила к выводу, что «при помощи конструкции договоров присоединения, где отношения между монополиями и контрагентом внешне представляются как отношения равных сторон, буржуазная наука пытается «согласовать» господство монополий в период империализма с лозунгами и принципами периода промышленного капитализма» [13, с. 218]. Профессор Иоффе О.С. (1920–2005) отмечал, что в военных условиях договор присоединения по сути трансформировался в капиталистических странах в принудительный договор (Kontrahierungszwang) [2, с. 31]. Профессор Лунц Л.А. (1882–1979) в качестве обвинения практике использования при договорах присоединения типовых и «навязанных» условий выдвигал тезис о том, что «в формулярах часто предусматривается, что возможные разногласия сторон будут разрешаться посредством арбитража, т.е. в одном из постоянно действующих

третейских судов, которые всегда состоят из лиц, являющихся прямыми агентами (юрисконсультами и акционерами) монополистических организаций» [4, с. 232].

Таким образом, советские цивилисты:

- отвергали все положительное, что приносил в гражданско-правовой оборот договор присоединения в плане упрощения и ускорения совершения сделок
- утверждали, что государство в капиталистических странах лишь номинально декларирует принципы защиты потребителя
- не принимали в расчет активно формирующееся антитрастовое и антимонопольное законодательство.

Для современного исследователя обвинение капиталистических стран в отсутствии свободы договора представляется весьма поверхностным, однобоким и пропагандным, особенно учитывая, что в самом советском государстве примеров принуждения к договору имелось множество. Так, до 1925 года государство в принудительном порядке размещало облигации займов: среди подрядчиков, комиссионеров, поставщиков, предприятий и частных лиц, приобретающих патенты по промысловому налогу и т.д. Практика добровольно-принудительного размещения государственных займов среди населения «по подписке» практиковалась до 1957 года. Минимального размера зарплаты, при котором население освобождалось бы от покупки облигаций, не существовало.

Кроме того, мы видим, что советское право фактически ставило знак равенства между договорами присоединения и типовыми договорами, считая их явлениями одного порядка. Типовые договоры, применяемые в капиталистических странах рассматривались как прежде всего как проявление диктата сильной стороны. Однако, на практике типовые договоры использовались в советском государстве во многих сферах.

Активнее всего формулярные договоры использовались в сфере внешней торговли. Так, практика фрахтования отечественного и иностранного тоннажа определила необходимость выработки типовых стандартных формы чартеров (проформ), в которых подробно определялись условия перевозки. В конце 20-х – начале 30-х годов советскими основными фрахтующими организациями уже были разработаны и применялись типовые проформы чартеров («Зернокон», «Совлескон», «Руссвуд»).

Кроме того распространенной областью применения формулярных и типовых договоров в СССР являлась биржевая торговля. Практика такого использования в международной и внутренней торговле была подробнейшим образом проанализирована в 1938 году докторами экономических наук Фердинандом Гансовичем Пископпелем (1907–1977) и Арсением Алексеевичем Санталовым (1900–1960) [15, с. 232]. Для нашего исследования безусловная ценность книги Ф.Г. Пископпеля и А.А. Санталова состоит в том, что ученые-

экономисты, анализируя практику применения биржевых формуляров в капиталистических странах, при этом оставили нам сведения и о практике советской. Мы узнаем о том, что советские биржевые товары продавались «и по нашим советским стандартам и типам, как например, по хлебу, хлопку и др., на основании или опечатанных образцов или на основании типов, составленных в данной биржевой ассоциации» [15, с. 24]. В качестве примера приводятся формуляры типовых договоров [15, с. 108].

Критикуемое советскими учеными использование типовых договоров как инструмента заведомого определения капиталистическими государствами подсудности споров в равной мере можно было применить и к советскому внешнеторговому праву. Так, начиная с 1931 г. типовые договоры «Совфлота» предусматривали передачу всех могущих возникнуть по договору споров на рассмотрение Морской арбитражной комиссии при Всесоюзной Торговой Палате в Москве.

Таким образом в 40х – 50х годах, договоры присоединения в форме договоров, заключаемых посредством присоединения к формулярам и типовым договорам по факту активно использовались Советским государством.

К принятию ГК РФ 1964 года договоры присоединения уже прочно вошли в отечественный правовой оборот и это нашло отражение непосредственно в тексте гражданского кодекса. Применение типовых договоров предусматривалось статьями: ст. 268 «Содержание договора контракта»; ст. 274 «Заемные операции касс взаимопомощи и фондов творческих союзов»; ст. 277 «Срок договора имущественного найма»; ст. 278 «Заключение договора имущественного найма без указания срока»; ст. 294 «Типовые договоры бытового проката»; ст. 367 «Правила об отдельных видах договора подряда»; ст. 506 «Типовые авторские договоры».

Приведем только некоторые типовые договоры, утвержденные соответствующими властными органами и являвшиеся обязательными к применению в СССР. Это:

- типовые договоры на аренду нежилых помещений в домах местных Советов для размещения магазинов, складов, контор
- типовые договоры бытового проката и бытового заказа, подряда на ремонт жилого помещения, о предоставлении во временное пользование гражданам предметов домашнего обихода
- типовые договоры на осуществление гарантийного ремонта товаров, заключаемые предприятиями-изготовителями с предприятиями бытового обслуживания населения.
- типовые договоры контракта сельхозпродукции – картофеля, овощей, бахчевых культур и др.
- типовые договоры на перевозку грузов автотранспортом и др.

Таким образом, развитие практики применения типовых договоров в СССР происходило в двух

направлениях: в сфере организации деятельности советских организаций и в сфере предоставления потребительских услуг. Целью разработки типовых договоров в сфере потребительских услуг являлась жесткая регламентация деятельности предприятий, предоставляющих различного рода услуги прежде всего населению. Типовые договоры между советскими предприятиями, регулирующие отношения за рамками потребительского рынка, можно считать специфической формой договора присоединения, в которой к договору на установленных властными органами условиях присоединялись обе стороны.

Следует отметить, что постепенно светское право скажем так «сделало шаг с сторону» от полного отрицания формулярного права, выделяя в составе типовых договоров так называемые выработанные практикой «общие условия». Данная тенденция объективно была предопределена в связи с тем, что с середины XX века параллельно с ростом объемов межстрановой торговли международное право активно унифицировалось, в том числе под эгидой таких авторитетных организаций как Европейская экономическая комиссия ООН, Международная торговая палата (правила «Инкотермс») и др. К 80-м годам XX века Европейской экономической комиссией ООН было разработано около 30 различных типовых договоров и общих условий поставки, монтажа, перевозки, экспедиции и купли-продажи. Безусловно, СССР не мог игнорировать данные процессы. В частности, Советский Союз и ряд других социалистических стран принимали участие в работе Европейской экономической комиссией ООН общих условий поставок. В 70-х годах одним из важнейших рынков применения типовых договоров и формуляров становится экономический рынок СЭВ. Министерство внешней торговли СССР разрабатывало для торговли со странами СЭВ типовые контракты для всесоюзных объединений («Продинторг», «Экспортхлеб», «Союзпушнина», «Совфлот», «Совфрахт», «Союзхимэкспорт» и др.). Принятая в 1971 году XXV сессией СЭВ Комплексная программа дальнейшего углубления и совершенствования сотрудничества и развития социалистической экономической интеграции стран – членов СЭВ обозначала Совершенствование и разработку новых типовых договоров (контрактов) одной из важных задач социалистической экономической интеграции СЭВ [8, с. 141].

Таким образом, к началу 80-х годов, наряду с правовой позицией, фактически ставящей знак равенства между договорами присоединения и договорами в стандартной форме, как идентичными явлениями открытого диктата монополизма, советские ученые все же переходили к выводу о различной правовой природе договоров присоединения и типовых договоров. Большой вклад в разграничение понятий типовых договоров и собственно договоров присоединения внес своими трудами доктор юридических наук, профессор Иван Семенович Зыкин. Он обозначил, что

сам термин «типовой контракт» указывает на то, что это он содержит условия, рассчитанные на неоднократное применение, в то время как термин «договор присоединения» отражает «соотношение объема и характера волеизъявления сторон при разработке и заключении договора» [1, с. 96]. Важность исследований профессора Зыкина состоит в том, что им был явно обозначен тренд борьбы капиталистических государств с ущемлением экономически слабой стороны в договорных отношениях, в то время как советская правовая наука традиционно представляла государственное правовое регулирование в западных странах исключительно как «систему пособничества» крупным монополиям. В исследовании И.С. Зыкина показано, что в последней трети XX века правовые системы и правоприменительная практика капиталистических прав создавали системы противодействия несправедливым условиям договоров присоединения. В пример приводятся нормы Единообразного торгового кодекса США (ЕТК), Английского Закона о несправедливых условиях договора, положения Итальянского гражданского кодекса, Закона о правовом регулировании общих условий сделок ФРГ, административный контроль за договорами страхования в Бельгии [1, с. 96–101].

Во второй половине 80-х годов гражданское право находится под сильнейшим влиянием реконструкции политической и экономической жизни страны, которая сопровождается начавшийся период «перестройки». В условиях внедрения в экономику рыночных начал происходит и изменение подходов к хозяйственному договору в целом и к типовым договорам, в частности.

Советское право начитает уже явно и четко разграничивать формулярные (примерные) договоры и типовые договоры. Данное разграничение было в 1986 году обосновано профессором Брагинским М.И. (1925–2009) [14, с. 137–138]. Относительно примерных договоров Михаил Исаакович Брагинский определяет, что «они источниками права не являются и подлежат применению при определении прав и обязанностей сторон только по соглашению последних». Далее, М.И. Брагинский указывает, что «от примерных следует отличать типовые договоры. Такие договоры утверждает орган, наделенный нормотворческой компетенцией по отношению к обоим контрагентам». Оценивая юридическую природу типовых договоров, утвержденных властными органами, М.И. Брагинский указывает, что они «приближаются к обычному нормативному акту, поскольку пункты типового договора содержат нормы, обязательные для сторон».

Нормативный характер типовых договоров в СССР отмечали многие видные советские цивилисты: профессор А.Г. Быков, профессор О.А. Красавчиков, профессор А.Ю. Кабалкин, профессор С.А. Хохлов.

Одновременно с этим, постепенный отказ от административно-командных принципов управ-

ления экономикой и развитие рыночных отношений приводят к тому, что типовые договоры, утверждаемые властными органами начинают восприниматься во второй половине 80-х годов как признак «излишней зарегулированности» договорных отношений. Так, профессор Владимир Викторович Лаптев (1924–2012) указывал на необходимость «отхода в договорном праве от жесткой регламентации и переходу к регулированию с помощью диспозитивных и рекомендательных норм» [3, с. 34–35]. Сторонником ограничения излишней «зарегулированности» договорного права являлся профессор Виктор Аркадьевич Ойгенгит (1924–2002), который указывал на необходимость активизации регулятивной функции хозяйственного договора [7, с. 93], которое должно «проявляться в частности в переходе от Особых условий, от Типовых договоров к Примерным договорам, которые несомненно носят рекомендательный характер в отношении содержания хозяйственных договоров, их условий» [6, с. 120]. В 1986 г. в книге «Организация договорной работы в народном хозяйстве профессор С.А. Хохлов делает вывод о том, что «следует признать обоснованными предложения об отказе нормирования хозяйственных связей типовыми договорами, их замене (даже в таких традиционных для типовых договорах сферах, как подряд и контрактация) договорами примерными» [10, с. 148].

Следствием формирования данных правовых позиций явилось изменение подхода к типовым договорам и переоценка их преобладающего места в хозяйственном обороте. Уже в 1993 году, обсуждаемый проект нового ГК РФ упоминает типовые договоры исключительно в контексте статьи «Публичный договор» [11, с. 184]. Данный подход был сохранен впоследствии и при принятии первой части ГК РФ 1995 года, которым впервые были кодифицированы такие правовые институты как договор присоединения, публичный договор и договор с примерными условиями.

Настоящая статья посвящена договору присоединения и анализу динамики понимания данного правового института отечественной юридической наукой.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что в 40х-50х годах прошлого столетия советская правовая наука демонстрировала резкое отторжение договора присоединения, оценивая практику его применения в капиталистических странах исключительно как инструмент ограничения свободы договора и монополистического диктата условий договора слабой стороне. Договор присоединения рассматривался как символ так называемого «формулярного» и «каучукового» права. Вместе с тем все те формы, которые рассматривались как договоры присоединения, а именно продиктованные договоры, договоры, обязательные к применению, и типовые договоры по факту всегда использовались в экономическом обороте СССР: в отношениях социалистических организаций, в сфере потребительских услуг,

во внешней торговле, в экономическом пространстве СЭВ.

В 70-х годах советское право под влиянием в том числе международных практик начинает признавать необходимость использования типовых форм и формуляров, как явлений, востребованных необходимостью унификации гражданского и коммерческого оборота.

Начиная с 80-х годов в условиях реконструкции политической и экономической жизни страны, отечественная цивилистика формирует и новые подходы относительно договора присоединения:

- во-первых, из состава правоотношений, рассматриваемых традиционно как договоры присоединения выделяются договоры с примерными условиями
- во-вторых, зарегулированность хозяйственной и экономической деятельности типовыми договорами, имеющими характер нормативных актов, начинает восприниматься как негативное явление.

В целом же, договоры присоединения как правовой феномен рассматривался отечественной правовой наукой исключительно как атрибут капиталистического гражданского права, как следствие советским правом не была выявлена ценность данного института как комплекса правовых отношений, послуживших в мировой цивилистике источником развития таких ветвей правового регулирования как законодательство о защите прав потребителя и антимонопольное законодательство.

Литература

1. Зыкин И.С. Обычаи и обыкновения в международной торговле: понятие, применение, формирование, применимое право, типовые контракты / М.: Международные отношения, 1983. – 160 с.
2. Иоффе О.С. Советское гражданское право / О.С. Иоффе. – М.: Юридическая литература, 1967. – 494 с.
3. Лаптев В.В. Хозяйственное право в условиях экономической реформы // Советское государство и право. – 1989, No 2. – С. 34–45.
4. Лунц Л.А. Денежное обязательство в гражданском и коллизионном праве капиталистических стран / М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 216 с.
5. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / Проф. И.Б. Новицкий, Проф. Л.А. Лунц. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с.
6. Ойгензихт В.А. Альтернатива в гражданском праве / В.А. Ойгензихт. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 176 с.
7. Ойгензихт В.А. Регулятивная функция хозяйственного договора как элемента нового хозяйственного механизма // М.: АН СССР, Институт государства и права. – 1989. – С. 91–94.

8. Феонова Л.А. Организация и техника внешней торговли СССР / Московский государственный институт международных отношений МИД СССР – М.: Международные отношения, 1974. – 248 с.
9. Флейшиц Е.А. Буржуазное гражданское право на службе монополистического капитала / М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР, 1948. – 52 с.
10. Хохлов С.А. Избранное / Вступ. слово, сост.: П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2017. – 304с.
11. Гражданский кодекс Российской Федерации: Проект. Часть I / Исследовательский центр частного права при Президенте РФ; Министерство юстиции РФ. – М., 1993. – 198 с.
12. Гражданское и торговое право капиталистических стран; Под редакцией проф. Д.М. Генкина – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 543, [1] с.
13. Гражданское и торговое право капиталистических государств / Ответственный редактор профессор К.К. Яичков – М.: Международные отношения, 1966. – 552 с.
14. Договорное право стран – членов СЭВ и СФРЮ: Общие положения / М.: [Издательский отдел Управления делами Секретариата СЭВ], 1986. – 612 с.
15. Организация и техника биржевой торговли / Под общей редакцией Ф.Г. Пископпеля и А.А. Санталова – М.: Издательство В/О «Международная книга», 1938. – 232 с.

THE TREATY OF ACCESSION: ASSESSMENT BY SOVIET LAW IN THE 40S – 80S OF THE XX CENTURY

Matveeva E. Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the doctrinal approaches of the Soviet legal science in the period 40s – 80s of the last century to a special contractual structure – an accession agreement. It was revealed that the accession agreement at the initial stage was considered by Soviet law exclusively as an attribute of Western law, which was demanded by the capitalist society in its monopoly formation as a tool that allows dictating conditions to the weak party in the agreement. It has been established that the Soviet civil law until the end of the 70s did not share such concepts as an accession agreement and a model agreement. In the 1980s, as a result of the development of market relations and the liberalization of the country's political life, a reassessment of many legal institutions began to take place. In particular, the agreements of accession that were widely used in the USSR in the form of normative model agreements began to be assessed by domestic civil law experts as a sign of excessive regulation of civil law relations; accession agreements.

Keywords: accession agreement, standard agreement, form, model terms of the agreement.

References

1. Zykin I.S. Customs and practices in international trade: concept, application, formation, applicable law, model contracts / М.: International relations, 1983. – 160 p.
2. Ioffe O.S. Soviet civil law / O.S. Ioffe. – М.: Legal literature, 1967. – 494 p.
3. Laptev V.V. Commercial law in the context of economic reform // Soviet state and law. – 1989, No 2. – P. 34–45.
4. Lunts L.A. Monetary obligation in the civil and conflict law of capitalist countries / М.: Legal publishing house of the USSR Ministry of Justice, 1948. – 216 p.

5. Novitsky I.B. General Doctrine of Commitment / Prof. I.B. Novitsky, Prof. L.A. Lunts. – M.: State Publishing House of Legal Literature, 1950. – 416 p.
6. Oygenzikht V.A. Alternative in civil law / V.A. Eugensicht. – Dushanbe: Irfon, 1991. – 176 p.
7. Oygenzikht V.A. Regulatory function of a business contract as an element of a new economic mechanism // Moscow: Academy of Sciences of the USSR, Institute of State and Law. – 1989. – P. 91–94.
8. Feonova L.A. Organization and technology of foreign trade of the USSR / Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the USSR – Moscow: International Relations, 1974. – 248 p.
9. Fleishits E.A. Bourgeois civil law in the service of monopoly capital / M.: Legal publishing house of the USSR Ministry of Justice, 1948. – 52 p.
10. Khokhlov S.A. Favorites / Intro word, comp.: P.V. Krasheninnikov. – M.: Statut, 2017. – 304s.
11. Civil Code of the Russian Federation: Draft. Part I / Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation; Ministry of Justice of the Russian Federation. – M., 1993. – 198 p.
12. Civil and commercial law of capitalist countries; Edited by prof. D.M. Genkina – M.: State Publishing House of Legal Literature, 1949. – 543, [1] p.
13. Civil and commercial law of capitalist states / Executive editor professor K.K. Yaichkov – M.: International relations, 1966. – 552 p.
14. Contract law of the CMEA member countries and the SFRY: General Provisions / M.: [Publishing Department of the CMEA Secretariat Administration], 1986. – 612 p.
15. Organization and technology of exchange trading / Edited by F.G. Piskoppel and A.A. Santalova – M.: Publishing house of V / O "International book", 1938. – 232 p.

Развитие института банкротства физических и юридических лиц

Передера Алексей Александрович,

соискатель, кафедра гражданского и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»
E-mail: alexeyperedera@gmail.com

В данной статье отражены основные вопросы законодательно-го регулирования института банкротства в российском праве. В настоящее время данная тема является особенно актуальной, что обусловлено экономическими изменениями, кризисами, проблемами, связанными с налогами, а также другими факторами, которые усложняют положение юридических и физических лиц. В настоящее время в Российской Федерации должник получает помощь в предотвращении его несостоятельности в соответствии с российским процессуальным и арбитражным законодательством. Правовое воздействие направлено на восстановление прежнего или близкого к нему положительного состояния юридического или физического лица, в котором он обладает платежеспособностью, а также на удовлетворение требований всех кредиторов. Законодательные основы регулирования института банкротства представляют собой сложную систему, включающую в себя как материальные, так и процессуальные элементы.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, конкурсная масса, арбитражное законодательство.

После того, как Российская Федерация перешла к рыночной экономике, была провозглашена частная собственность, кредиторы стали нуждаться в гарантиях, которые в настоящее время обеспечиваются институтом банкротства. При этом даже в условиях невозможности предотвращения убытков кредиторов на основе действующего законодательства они минимизируются или перераспределяются наиболее выгодным образом для всех кредиторов.

Институт банкротства состоит в том, что в гражданском обороте перестают участвовать неплатежеспособные субъекты, в связи с чем рынок становится более совершенным. Таким образом, обеспечивается восстановление финансовой стабильности ответственных юридических и физических лиц путем улучшения их положения в экономических отношениях.

Основным законодательным актом, регулирующим вопросы несостоятельности в Российской Федерации, является Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [3]. Данный нормативно-правовой акт устанавливает механизм и условия осуществления мероприятий, целью которых является предупреждение несостоятельности, а также порядок реализации процедуры банкротства, иные вопросы, связанные с тем, что должник не обладает ресурсами для удовлетворения требований кредиторов. Некоторые вопросы, обусловленные отношениями, возникающими в связи с несостоятельностью, регулирует Гражданский кодекс Российской Федерации [1].

Законодательство о банкротстве является достаточно сложным, так как совмещает в себе меры как процессуального, так и материального характера. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации регулирует вопросы, связанные с несостоятельностью в тех случаях, когда они не могут быть разрешены при помощи законодательства о банкротстве [2]. Все дела о банкротстве подсудны арбитражным судам.

Банкротство юридических лиц представляется как деятельность, осуществляемая для пропорционального погашения кредитов. Они оказывают воздействие на граждан и индивидуальных предпринимателей, так как они имеют социальный подтекст. В соответствии со статьей 24 Гражданского кодекса Российской Федерации физические лица ответственны по долгам своим имуществом. Однако это не распространяется на юридических лиц, которые несут ответственность по долгам солидарно или косвенно, согласно статье 87 Гражданского кодекса Российской Федерации. Субъекты, которые подвергаются процедурам банкрот-

ства, нуждаются в юридической защите и помощи. Банкротство граждан и индивидуальных предпринимателей, следовательно, способствует сохранению репутации несостоятельного субъекта как участника гражданского оборота.

Банкротство может быть добровольным и вынужденным. Вынужденное или принудительное банкротство возникает по решению суда. Добровольное банкротство обусловлено решением несостоятельного лица [5]. В некоторых случаях должники-банкроты сами заявляют о банкротстве.

Так несостоятельностью признается неспособность субъекта исполнить денежные обязательства перед кредитором в части или целиком, выполнять обязанности по выплате обязательных платежей, назначенные судебным решением.

Признаками банкротства являются:

- финансовая задолженность, обязанностью выплаты которой надделен должник;
- отсутствие у гражданина или юридического лица возможности удовлетворить требования кредиторов по выплате денежных средств, а также уплатить обязательные платежи в течение трех месяцев;
- задолженность в размере свыше 10 000 рублей для физических лиц, более 100 000 рублей для юридических лиц [4].

Банкротство заключается в нескольких взаимосвязанных этапах, в число которых входят надзор, финансовое оздоровление, управление, конкурсное производство. Во время реализации каждого из этих этапов осуществляются соответствующие меры, установленные законодательством. Первоначально принимаются меры экстренного характера, состоящие, например, в аресте активов должника, анализе его финансового положения и т.д.

В тех случаях, когда существуют условия для восстановления платежеспособности должника, применяемые меры носят карательный характер, состоят, например, в переквалификации деятельности, продаже организации, отнесение части задолженности к недействительным активам.

При наличии оснований полного банкротства должника меры характеризуются как ликвидационные. Они состоят в создании конкурсной массы, оформлении соответствующих документов и удовлетворении требований кредиторов.

Должник может заключить соглашение с кредиторами или другими субъектами, которые могут предпринимать действия, направленные на восстановление платежеспособности должника.

Для выявления основных особенностей банкротства считается необходимым рассмотреть основные процедуры, воздействию которых подвергается юридическое лицо в рамках дела о банкротстве [7].

Первой процедурой является наблюдение. Целью осуществления наблюдения является сохранение имущества должника. В процессе реализации наблюдения происходит исследование финансового состояния организации, утверждение

перечня кредиторов и проведение их собрания. Наблюдение не может проводиться дольше семи месяцев с момента принятия заявления о банкротстве.

В течение проведения наблюдения организация функционирует также, не изменяя привычный распорядок. Позитивным явлением представляется то, что с имущества организации снимаются аресты, счета становятся активными, исполнительные производства приостанавливаются. Судебные приставы при этом не могут воздействовать на деятельность предприятия, не начисляются штрафы. Однако некоторым ограничениям предприятие подвергается, но они не являются значительными.

В результате проведения наблюдения временный управляющий проводит финансовый анализ деятельности должника. Анализу подвергается деятельность должника, проводимая им в течение двух или трех лет до момента банкротства.

Следующей процедурой является финансовое оздоровление. Такая мера носит реабилитационный характер. Основной ее целью является восстановление платежеспособности должника, а также удовлетворение требований кредиторов [9].

Однако не во всех случаях допускается проведение данной процедуры. Это возможно лишь тогда, когда объявляется субъект, готовый погасить требования кредиторов путем залога имущества, гарантии, государственной или муниципальной гарантии, поручительства и т.д.

Финансовое оздоровление ограничено сроком. Оно не может превышать срок, равный двум годам.

Следующей процедурой является внешнее управление, главной целью которого является восстановление платежеспособности организации под контролем внешнего управляющего, именуемого также как арбитражный управляющий, который является лицом, уполномоченным проводить внешнее управление.

Внешнее управление может проводиться в течение двух лет, как и финансовое оздоровление. Отличие от финансового оздоровления состоит в том, что руководитель предприятия отстраняется от должности, его функции после чего исполняет арбитражный управляющий. Участники организации в рамках данной процедуры значительно ограничены в правах. Они должны осуществлять деятельность по поиску ресурсов для удовлетворения требований кредиторов [6].

Одной из процедур банкротства является конкурсное производство, которое предусматривает ликвидацию организации, являющейся должником. Следует отметить, что данная процедура является важной во многих делах о несостоятельности. Она проводится в течение шести месяцев и может повторяться неоднократно. В некоторых случаях допустимо проведение конкурсного производства в срок, превышающий 5 лет. Целью конкурсного производства является удовлетворение требований кредиторов.

В любое время должник и кредиторы могут договориться о прекращении процедуры банкротства путем заключения мирового соглашения. Собрание кредиторов устанавливает условия, при которых предприятие будет функционировать дольше и постепенно рассчитываться по долгам.

Кредиторы или органы федеральной налоговой службы при установлении факта неисполнения мирового соглашения со стороны должника обладают правом подачи заявления в арбитражный суд о расторжении мирового соглашения. Процедура банкротства возобновляется с того момента, на котором было приостановлено ввиду заключения мирового соглашения [8].

Однако для заключения мирового соглашения необходимо утверждение его арбитражным судом, которое происходит только при установлении факта удовлетворения требований кредиторов первой и второй очереди.

Мировое соглашение заключается, если на собрании кредиторов большинство из них в результате голосования изъявили положительную позицию к заключению мирового соглашения. Мировое соглашение заключается в письменной форме, содержит данные о порядке и сроках удовлетворения требований кредиторов.

Таким образом, следует вывод о том, что институт банкротства регулируется правовыми нормами, которые учитывают как интересы должника, так и интересы кредитора, при осуществлении воздействия посредством определенных процедур на должника.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 212.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. ст. 4190.
4. Карелина С.А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) / С.А. Карелина. М.: Волтерс Клувер, 2016. 360с.
5. Кобозева Н.В. Банкротство: учет, анализ, аудит: Практическое пособие / Н.В. Кобозева. М.: Магистр, НИЦ ИНФРА-М, 2016. 208 с.
6. Куликова И.А. Соотношение понятий «несостоятельность» и «банкротство» в Российском законодательстве / И.А. Куликова. Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 58–59.
7. Нефедова И.Ч. Оценка банкротства (несостоятельности) организации / И.Ч. Нефедова. М.: ИНФРА-М, 2018. 200 с.
8. Поршнева А.Г. Оценка банкротства (несостоятельности) организации / А.Г. Поршнева. М.: РИЦЛО «Мегаполис-Контракт», 2017. 156 с.
9. Редикова И.В. Понятие и правовая основа несостоятельности физических лиц: ретроспектива и современные реалии // Молодой ученый. 2020. № 2 (292). С. 138–140.

DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF BANKRUPTCY OF INDIVIDUALS AND LEGAL ENTITIES

Peredera A.A.

Russian State Academy of Intellectual Property

This article reflects the main issues of legislative regulation of the institution of bankruptcy in Russian law. Currently, this topic is particularly relevant, due to economic changes, crises, problems related to taxes, as well as other factors that complicate the situation of legal entities and individuals. Currently, in the Russian Federation, the debtor receives assistance in preventing its insolvency in accordance with Russian procedural and arbitration legislation. The legal impact is aimed at restoring the former or close to it positive state of a legal or natural person in which he has solvency, as well as at satisfying the claims of all creditors. The legal framework for regulating the institution of bankruptcy is a complex system that includes both material and procedural elements.

Keywords: insolvency, bankruptcy, bankruptcy estate, arbitration legislation.

References

1. Civil code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ // meeting of the legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. St. 212.
2. Arbitration procedure code of the Russian Federation dated 24.07.2002 n 95-FZ // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. St. 3012.
3. Federal law dated 26.10.2002 № 127-FZ «On insolvency (bankruptcy)» // meeting of the legislation of the Russian Federation. 2002. No. 43. article 4190.
4. Karelina S.A. Legal regulation of insolvency (bankruptcy) / S.A. Karelin. M.: Volters Kluver, 2016. 360s.
5. Kobozeva N.V. Bankruptcy: accounting, analysis, audit: A practical guide / N.V. Kobozeva. M.: Master, SIC INFRA-M, 2016. 208 p.
6. Kulikova I.A. Correlation of the concepts of «insolvency» and «bankruptcy» in Russian legislation / I.A. Kulikova. Scientific search. 2016. No. 2.1. pp. 58–59.
7. Nefedova I. Ch. Assessment of bankruptcy (insolvency) of the organization / I. Ch. Nefedova. M.: INFRA-M, 2018. 200 p.
8. Porshnev A.G. Assessment of bankruptcy (insolvency) of the organization / A.G. Porshnev. M.: RITSLO «Megapolis-Contract», 2017. 156 p.
9. Redikova I.V. The concept and legal basis of the insolvency of individuals: a retrospective and modern realities // Young scientist. 2020. No. 2 (292). pp. 138–140.

Интегративные свойства системы договоров энергоснабжения

Порфирьев Алексей Анатольевич,

аспирант, кафедра гражданского права, Ульяновский
государственный университет
E-mail: xedos-nms@mail.ru

Предмет предлагаемого исследования – содержание интегративных свойств системы договоров энергоснабжения. Цель работы – обобщение интегративных признаков, свойств правовой системы в целом и системы договоров энергоснабжения в частности. *Методология* исследования включает общие научные методы обобщения, анализа и частные правовые методы формального, системного юридического анализа содержания правовых доктрин и отдельных тезисов российских правоведов. *Результаты* исследования определяются аргументированными тезисами о понятии, элементах, интегративных свойствах анализируемой правовой системы. *Область* применения результатов характеризуется сферой регулирования договоров системы энергоснабжения (снабжения энергоресурсами, технологического присоединения, оперативно-диспетчерского управления и пр.). *Новизну* исследования отражают обоснованные дефиниции и признаки интегративных свойств анализируемой правовой системы договоров энергоснабжения. *Выводы* краткого анализа включают: обобщение главной цели правовой интеграции; обоснование понятия правовой системы; выделение интегративных свойств системы договоров энергоснабжения, включающих: определительные качества базовых специализированных норм, регулирующих цели, принципы, задачи, дефиниции сферы энергоснабжения, определяющих содержание этой системы и связывающих ее элементы, а также обеспечительные качества дополнительных специализированных норм (презумпций, фикций, коллизий).

Ключевые слова: договор энергоснабжения, правовая система договоров, интегративные свойства, специализированные нормы.

Актуальность и важность исследования интегративных свойств системы договоров энергоснабжения определяется публичной спецификой формирования, применения, контроля, динамического и взаимосвязанного развития сферы оборота энергоресурсов, которая характеризуется объективным системным содержанием сферы энергоснабжения с использованием взаимосвязанных договоров с признаками купли-продажи, технологического присоединения, передачи и управления энергопотоками.

Исходное содержание интеграции (лат. «integratio» – восполнение, восстановление до целого, от «integer» – полный, целый) связано с теорией систем и означает состояние взаимодействия, связанности дифференцированных частей системы в общем процессе, а также действия, направленные к достижению и поддержанию подобного, нормального, эффективного состояния [13]. Поэтому можно говорить об исходном системном характере интегративного подхода к нормам права, предполагающим частную роль интегративных свойств и общее значение системных качеств, поскольку интегративные нормы по определению имеют задачей восполнять, изменять правовую систему до эффективного, нормального состояния.

Ключевой аспект правовой интеграции определяется общим регулированием базовыми нормами (принципами, методами, терминологией и пр.) каких-либо явлений, процессов одновременно в различных элементах определенной правовой системы: на международном уровне такое регулирование происходит с помощью учредительных и схожих по содержанию документов межрегиональных, региональных организаций; на местном уровне – в рамках рецепции, имплементации, заимствования, формирования базовых норм в соответствующей отрасли права [11, с. 177].

В этой связи представляется логичным обозначить главную цель правовой интеграции в дополнении комплекса норм правовой системы до ее нормального, полноценного состояния на основе базовых норм, определяющих содержание этой системы.

Относительно интегративных свойств базовых однородных гражданско-правовых отношений О.А. Кузнецова логично развивает проверенные временем выводы С.С. Алексеева [6, с. 21], А.Н. Аверьянова [5, с. 16] и др. российских правоведов об эволюции системы отечественного гражданского права с учетом системообразующих факторов. При этом О.А. Кузнецова определяет любую систему совокупностью объектов (структурных элементов), которые обладают характерным интегра-

тивным свойством системы и не считаются простой совокупностью (средней суммой) элементов, поскольку дают системе синергетический эффект повышения эффективности регулирования системы гражданских отношений на основе взаимодействия между собой правовых норм этой системы. Интегративные свойства гражданско-правовой системы формируются специализированными нормами-предписаниями, которые отличаются: двусоставной структурой из гипотезы и диспозиции специализированной нормы; не содержат определенной модели поведения и не закрепляют конкретных прав, полномочий; характеризуются своеобразием трех видов специализированных норм: системообразующие нормы (принципы, дефиниции), системоупрощающие (фикции, презумпции) и системосохраняющие (коллизийные и оперативно-распространительные нормы) [10, с. 24].

С учетом обозначенных тезисов, можно указать, что при общем подходе правовая система – это определенный комплекс однородных идеологических, правотворческих, нормативных, правоприменительных элементов, которые объединяются, развиваются на основе их интегративной взаимосвязи и взаимодействия с помощью специализированных норм в целях юридического влияния на определенные общественные отношения.

Исходя из интегративного содержания правовой системы и представленных О.А. Кузнецовой особенностей специализированных норм, можно обобщить следующие выводы.

Во-первых, в состав характерных признаков специализированных норм входит базовое интегративное свойство объединения, восполнения однородных норм в составе правовой системы до эффективного актуального состояния такой системы.

Во-вторых, специализированные нормы системы гражданского права обладают интегративным свойством такой системы, которое характеризуется применением двусоставной структуры норм, классификацией интегративных норм с учетом их системообразующих, системоупрощающих, системосохраняющих свойств, направленных на дополнение, актуализацию системы гражданского права необходимыми нормами в целях обеспечения эффективности, полноценности ее функционирования.

В-третьих, уровень качества и эффективности (полноты) правовой системы договоров энергоснабжения определяет соответствующий объем интегративного изменения (дополнения, актуализации) элементов этой системы с помощью специализированных норм.

В-четвертых, содержание и особенности специализированных норм, исследованные множеством российских ученых, формируют соответствующие интегративные свойства системы договоров энергоснабжения системообразующего, системоупрощающего и системосохраняющего характера.

Системообразующие свойства специализированных норм-принципов, дефиниций направле-

ны на решение важнейшей проблемы определения правовой системы, установления сущности ее элементов, объединяющих множество однородных компонентов в рамках одной правовой системы [5, с. 49].

Важную роль в мероприятиях формирования гражданско-правовой системы также играют нормы-дефиниции, поскольку системообразующие связи правовой терминологии отражают реальные социальные отношения и их связи. Комплекс подвижных, гибких, взаимосвязанных определений отражает все ключевые аспекты жизни и ее развития в рамках движения от общего к частному [8, с. 111].

Поскольку правовая система строится на языковых, семантических компонентах, нормы-дефиниции характеризуют словесный смысл однородных отношений, связанных с дефиницией, и позволяют раскрыть непонятные названия, местоимения, отражая в целом сущность анализируемого явления [12, с. 17].

Нормы-дефиниции систематизируют однородные положения и не позволяют применять несхожие правила. Например, не всегда правила регулирования договора энергоснабжения соответствуют условиям государственного контракта на поставку энергии, и соответствующие разделительные признаки приводятся в понятии государственного контракта.

То есть, системообразующие интегративные свойства системы договоров энергоснабжения формируются и реализуются, главным образом, с помощью специализированных базовых норм-принципов, которые определяют пределы, целесообразность пропуска в систему новых элементов (норм) и противостоят нарушению целостности системы договоров энергоснабжения, а также с помощью специализированных базовых норм-дефиниций, позволяющих соотнести нормы права с социальными отношениями, систематизировать и раскрыть содержание однородных норм.

Системоупрощающие специализированные дополнительные нормы гражданского права представлены также двумя категориями норм-презумпций, норм-фикций.

Разграничения норм-презумпций от схожих системоупрощающих норм-фикций осуществляется с использованием трех критериев: показателя истинности презумпция отличается от фикции, поскольку презюмируется скорее истинное положение дел, которое должен опровергнуть несогласный субъект, а фикция заведомо характеризует ложное положение; критерия опровержимости (доказанности) фикция относится к нормам, которые всегда неопровержимы, презумпция опровержима; критерия императивности, присущего только норме-фикции, презумпция может формулироваться и диспозитивным, и императивным способами [10, с. 32].

В качестве примера нормы фикции и ее интегративного свойства дополнения стабильности в системе договоров энергоснабжения стоит

привести императивное правило п. 195 Основных положений о функционировании розничных рынков электроэнергии, которые утверждены Постановлением Правительства № 442 от 2012 года (далее – Правила № 442 [3]). Согласно п. 195 Правил № 442 для целей мероприятий расчета объема безучетной электроэнергии предусмотрены мероприятия применения нормы-фикции о проведении проверки, установленной п. 172 Правил № 442, в случае нарушения требований периодичности такой проверки. Эта норма-фикция используется для поддержания оптимального баланса законных интересов сторон, поскольку потребитель в такой ситуации является нарушителем требований приборного учета электроэнергии и расчет продолжительности потребления неучтенной электроэнергии должен осуществляться с учетом действий сетевой организации согласно стандарту осмотрительности, разумности субъекта, своевременно выявляющего безучетное энергопотребление с помощью пунктуального исполнения требований о проведении соответствующих проверок [4].

Системосохраняющие специализированные дополнительные нормы гражданского права включают оперативно-распространительные и коллизионные нормы. Оперативно-распространительные специализированные нормы наделяют необходимые элементы правовой системы договоров юридической силой, указывая на круг отношений, к которым применяются. Такие нормы направлены на ввод в действие или на прекращение действия других правовых норм и включают два вида норм-предписаний распространительного и оперативного характера. Распространительные специализированные нормы-предписания имеют задачу регулирования действия или распространения влияния правовых норм во времени, по кругу лиц, в пространстве, по кругу лиц и во времени, отражая, соответственно, территориальные, субъектные и темпоральные распространительные специализированные нормы-предписания.

Оперативные формальные нормы придают гражданско-правовым нормам юридическую силу либо прекращают ее действие [10, с. 25].

Рассматривая коллизионные системосохраняющие специализированные дополнительные нормы гражданского права, стоит указать на представленные в монографии А.В. Асоскова [7, с. 6] императивные особенности формирования коллизионных договорных норм после отказа России в 90-х годах XX века от государственной монополии в экономике. Поэтому в п. 1. ст. 1186 ГК РФ [1] обозначено императивное правило определять применимое право коммерческого договора с иностранным элементом на основании положений международных договоров России, ГК РФ, прочих законов, обычаев, признаваемых в России, а также бланкетное условие применения процедур международного арбитража согласно одноименному закону [2].

По данному поводу А.В. Баранов обозначил определительно-обеспечительные свойства

специализированных норм с интегративными функциями [9, с. 13], которые предопределяются их разноплановым влиянием, поскольку специализированные нормы-цели, нормы-принципы, нормы-задачи, нормы-дефиниции определяют содержание, характер и назначение всей правовой системы, связывают ее элементы в одно, целое образование, являясь ориентиром для правотворца и правоприменителя. Другие виды специализированных норм (нормы-презумпции, оперативные, коллизионные нормы, нормы-фикции), играют обслуживающую, обеспечительную роль в мероприятиях правового регулирования: оперативные и коллизионные нормы определяют порядок применения других норм, наделяют элементы системы юридической силой, обеспечивают ее устойчивость, нормальное состояние; нормы-презумпции, нормы-фикции сглаживают юридические неопределенности, адаптируют взаимодействие норм системы, повышая оперативность и эффективность правового регулирования.

С учетом вышеизложенного можно обобщить выводы о характеристике интегративных свойств системы договоров энергоснабжения:

1) главная цель правовой интеграции заключается в дополнении комплекса норм анализируемой правовой системы до ее нормального, полноценного состояния на основе базовых специализированных норм, определяющих содержание этой системы;

2) правовая система – это определенный комплекс однородных идеологических, правотворческих, нормативных, правоприменительных элементов, которые объединяются, развиваются на основе их интегративной взаимосвязи и взаимодействия с помощью специализированных норм в целях обеспечения эффективности (полноты) регулирования определенных общественных отношений;

3) интегративные свойства системы договоров энергоснабжения включают определительные качества базовых специализированных норм, регулирующих цели, принципы, задачи, дефиниции сферы энергоснабжения, определяющих содержание этой системы и связывающих ее элементы, а также обеспечительные качества дополнительных специализированных норм (презумпций, фикций, коллизий).

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
2. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338–1 (ред. от 25.12.2018) «О международном коммерческом арбитраже» // Российская газета. № 156. 14.08.1993.
3. Постановление Правительства РФ от 04.05.2012 № 442 (ред. от 29.10.2021) «О функционировании розничных рынков

электрической энергии, полном и (или) частичном ограничении режима потребления электрической энергии» (вместе с «Основными положениями функционирования розничных рынков электрической энергии», «Правилами полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии») // Собрание законодательства РФ. 2012. № 23. Ст. 3008.

4. Постановление УФАС по республике Коми о назначении административного наказания по делу № 011/04/14.31–123/2021 об административном правонарушении. [Электронный ресурс], URL: <https://br.fas.gov.ru/to/komi-ufas-rossii/4ea393d0-b3ea-4105-9f8b-5801bb680cc7/> (дата обращения 07.12.2021).
5. Аверьянов А.Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А.Н. Аверьянов. М.: Политиздат, 1985. 263 с.
6. Алексеев С.С. Общие теоретические проблемы системы советского права / С.С. Алексеев. М.: Юрид. лит., 1961. 650 с.
7. Асосков А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств. М.: М-Логос, 2017. 640 с.
8. Бабаев В.К. Советское право как логическая система. М: Изд-во Акад. МВД СССР, 1978. 212 с.
9. Баранов А.В. Системоопределяющие специализированные нормы современного российского права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 4 (53). С. 13–19.
10. Кузнецова, О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... докт. юрид. наук:12.00.03 / Кузнецова, Ольга Анатольевна. Екатеринбург, 2007. – 430 с.
11. Курбанов Р.А. Правовая интеграция // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. № 2. 2015. С. 176–179.
12. Садовский Г.И. Диалектика мысли: логика понятий как теория отражения сущности развития. Минск: Высш. шк., 1982. 314 с.
13. Сведения сайта Большой советской энциклопедии. [Электронный ресурс], URL: <https://gufo.me/dict/bse/Интеграция> (дата обращения 07.12.2021).

INTEGRATIVE PROPERTIES OF THE SYSTEM OF ENERGY SUPPLY CONTRACTS

Porfiriev A.A.

Ulyanovsk State University

The subject of the proposed study is the content of the integrative properties of the system of energy supply contracts. *The purpose* of

the work is to generalize integrative features, properties of the legal system in general and the system of energy supply contracts in particular. The research *methodology* includes general scientific methods of generalization, analysis and private legal methods of formal, systematic legal analysis of the content of legal doctrines and individual theses of Russian jurists. The *results* of the study are determined by reasoned theses about the concept, elements, integrative properties of the analyzed legal system. The *scope of application* of the results is characterized by the scope of regulation of energy supply system contracts (energy supply, technological connection, operational dispatch management, etc.). The *novelty* of the research is reflected by the well-founded definitions and signs of the integrative properties of the analyzed legal system of energy supply contracts. The *conclusions* of the brief analysis include: generalization of the main goal of legal integration; substantiation of the concept of a legal system; identification of integrative properties of the system of energy supply contracts, including: the defining qualities of the basic specialized norms governing the goals, principles, objectives, definitions of the energy supply sphere, determining the content of this system and linking its elements, as well as the security qualities of additional specialized norms (presumptions, fictions, collisions).

Keywords: energy supply contract, legal system of contracts, integrative properties, specialized norms.

Reference

1. Civil Code of the Russian Federation (part three) from 26.11.2001 № 146-FZ (ed. from 18.03.2019) // *Sobranie zakonodatelstva RF*. 2001. № 49. Art. 4552.
2. Law of the Russian Federation from 07.07.1993 № 5338–1 (ed. from 25.12.2018) “On international commercial arbitration” // *Rossiyskaya Gazeta*. № 156. 14.08.1993.
3. Resolution of the Government of the Russian Federation of 04.05.2012 No. 442 (ed. on 29.10.2021) “On the functioning of retail electricity markets, full and (or) partial restriction of electricity consumption” (together with “Basic provisions for the functioning of retail electricity markets”, “Rules for full and (or) partial restrictions on electricity consumption”) // *Sobranie legislatsii Rossii*. 2012. № 23. Art. 3008.
4. Resolution of the FAS Administration for the Republic of Komi on the imposition of an administrative penalty in case No. 011/04/14.31–123/2021 on an administrative offense. [Electronic resource], URL: <https://br.fas.gov.ru/to/komi-ufas-rossii/4ea393d0-b3ea-4105-9f8b-5801bb680cc7/> (date of reference 07.12.2021).
5. Averyanov A.N. System cognition of the world: methodological problems / A.N. Averyanov. M.: Politizdat. 1985. 263 с.
6. Alekseev, S.S. General theoretical problems of the Soviet law system / S.S. Alekseev. M.: Jurid. lit., 1961. 650 с.
7. Asoskov A.V. Collision regulation of contractual obligations. Moscow: M–Logos, 2017. 640 с
8. Babaev V.K. Soviet law as a logical system. M: Acad. of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1978. 212 с.
9. Baranov A.V. System-determining specialized norms of modern Russian law // *Vestnik of Omsk University. Series: Law*. 2017. № 4 (53). С. 13–19.
10. Kuznetsova, O.A.. Specialized norms of the Russian civil law: theoretical problems: diss. D. in Law:12.00.03 / Kuznetsova Olga Anatolievna. Yekaterinburg, 2007. – 430 с.
11. Kurbanov R.A. Legal integration // *Gaps in the Russian legislation. Juridical magazine*. № 2. 2015. С. 176–179.
12. Sadovsky G.I. Dialectics of Thought: The Logic of Concepts as a Theory of Reflection of the Essence of Development. Minsk: Vyssh. shk. 1982. 314 с.
13. Information from the site of the Great Soviet Encyclopedia. [Electronic resource], URL: <https://gufo.me/dict/bse/Интеграция> (accessed 07.12.2021).

Конституционно-правовое регулирование отношений собственности на природные ресурсы

Васильева Светлана Валерьевна,

к.ю.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Купченко Константин Владимирович,

к.и.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, доцент Смоленской государственной сельскохозяйственной академии.
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Лазаренко Ольга Николаевна,

к.ю.н., доцент, заведующая кафедрой юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации,
E-mail: mail@smol.ranepa.ru

Федоскин Николай Николаевич,

к.п.н., доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Смоленского филиала Саратовской государственной юридической академии
E-mail: nnfedoskin@yandex.ru

В статье представлены результаты анализа конституционного регулирования вопросов собственности на природные ресурсы. Как правило, Конституция Российской Федерации содержит базовые положения по вопросам в сфере экологии и вопросам собственности на ресурсы природы. Данное право закреплённое в Основном законе взаимосвязано с обязательствами собственника по распоряжению ресурсами, находящимися в его владении с точки зрения рациональности, разумности и бережливости, что напрямую отражает факт того, что собственник, осуществляющий природопользование, обязуется реализовывать законодательно закреплённые требования в отношении объектов природной среды. Конституционные основы экологического права имеют первостепенное значение в рамках вопроса защиты окружающей среды, поскольку именно на них «опирается» федеральное законодательство, и именно исходя из разъяснений Конституционного суда РФ по вопросам защиты окружающей среды строится правоприменительная практика. Анализ проблем в сфере собственности и регулирования их конституционными методами позволяет сделать вывод о том, что кроме причин общего характера, на проблематику влияет несовершенство экологического законодательства, а также сложившаяся практика правоприменения в данной отрасли. Авторы отмечают ведущую роль конституционного законодательства при регулировании вопросов собственности, в частности деятельность Конституционного Суда Российской Федерации в защите окружающей среды в Российской Федерации в качестве первоочередной задачи по реализации государственной политики в данной сфере, роль компетентного органа при решении вопросов собственности на природные ресурсы.

Ключевые слова: экологическое право, собственность на природные ресурсы, конституционное регулирование, экологические права граждан, источник экологического права.

Закрепление основных положений экологического права в основном законе страны выступает базовым институтом для всего законодательства и правоприменительной практики. Именно конституционные положения определяют доктрину и стратегию развития экологического права на перспективу, исходя из общих задач развития страны. В Конституции РФ 1993 года закреплено, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, поэтому экологические права выстраиваются с учётом интересов именно людей. Как отмечает С.А. Боголюбов, «закрепляя экологические права граждан, ст. 42 Конституции гарантирует право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого здоровью человека или его имуществу экологическими правонарушениями» [1, с.46].

Основной закон закрепляет не только права, но и возлагает обязанности на физических и юридических лиц охранять природу и окружающую среду, особенно если деятельность непосредственно связана с природопользованием, в той или иной степени. Исходя из положений конституционного законодательства, необходимо подчеркнуть, что в Российской Федерации и за физическими и юридическими лицами в равной степени признаются и права, и обязанности в сфере экологии, и эти же права и обязанности распространяются на иностранных лиц и апатридов.

Наличие огромного количества объектов правового регулирования в сфере охраны окружающей среды, предопределяет необходимость со стороны государства устанавливать надзор за правоприменением законодательства в вопросах собственности. В данной сфере анализируется международный опыт, вопросы взаимодействия с другими государствами, в том числе и в сфере конституционного регулирования экологических проблем, проблем связанных с использованием недр, с использованием тех или иных не возобновляемых источников сырья и прав на него, т.к. единая совместная политика позволит добиться более высоких результатов в вопросах природопользования и защиты окружающей среды.

Собственник всегда обязан относиться к природным ресурсам рационально, не нанося ущерба окружающей природной среде и другим собственникам, т.е. осуществлять право природопользования в рамках предписаний законодательства.

В природопользовании пристальное внимание уделяется регулированию отношений в сфере собственности на природные ресурсы с точки зрения конституционного законодательства. «На эффективность реализации экологических прав граждан

вливают различные факторы, начиная от политической и экономической ситуации» [2, с.1].

Ст. 9 Конституции РФ отражает закрепление природных ресурсов в различных формах собственности. Ст. 36 указывает на свободную реализацию собственниками своих прав при условии соблюдения природоохранных положений законодательства, где основой являются конституционные положения. При этом обращено внимание, что право не является абсолютным, оно имеет ограничение в виде общественно- значимых интересов.

Как правило, право собственности на природные ресурсы рассматривается не только в как правовой институт, но и как определённая возможность владельца природных ресурсов реализовать свои возможности. Возможность реализации собственности отражена в различных отраслях права (гражданского, земельного, экологического), но прежде всего конституционного права. Право на природные ресурсы, исходя из вышеперечисленного, следует трактовать как сумму правовых норм, изложенных в различных правовых положениях, что и будет правом собственности с объективной точки зрения.

В субъективном смысле вышеуказанное право стоит рассматривать с точки зрения предоставления собственнику всей совокупности правомочий в отношении природных ресурсов, которые находятся в его ведении. В свою очередь, регулирование отношений в сфере природопользования взаимосвязано с основополагающими конституционными положениями о защите природной среды в Российской Федерации. В ст. 9 Конституции РФ закреплены положения как использования, так и охраны земли и природных ресурсов в Российской Федерации. Как отмечает Л.С. Булгакова, «Знания об экологическом праве и умение квалифицированно пользоваться законодательными нормами в области использования и охраны окружающей среды необходимы всем гражданам Российской Федерации и должностным лицам государственных учреждений и организаций» [3, с.4].

Помимо закреплённых в Основном законе постулатов о защите права собственности на природные ресурсы, большое значение уделяется практике КС РФ в силу наличия спорных вопросов природоресурсного и природоохранного права. Ведущая роль в защите основополагающих прав собственника отдаётся Конституции, что отмечено в постановлении КС РФ от 07.06.2000 № 10-П. Конституционный Суд указал в своём решении, что права на природные ресурсы устанавливаются в соответствии с Конституцией РФ (ст. 9, ст. 11, ст. 36, ст. 72 и ст. 76) Фактически, право собственности на природные объекты регулируется законодательством в сфере гражданских правоотношений, которое, в соответствии с нормами Конституции РФ, прямо относится к ведению Российской Федерации. РФ – это своего рода «суверен», т.е. источник власти, который и решает все вопросы собственности. Поэтому, за государством в силу этого положения остаются вопросы регулирова-

ния вопросов собственности, распоряжения и охраны. При возникновении конфликтных ситуаций в сфере природопользования за государством сохраняется право высшей инстанции при разрешении спора в силу конституционных прав. Выполняя функцию главного собственника и законодателя в сфере экологии, с учётом прежде всего политической составляющей, именно от государства зависит эффективность всей проводимой политики в данном вопросе, эффективность принимаемых решений в регулировании вопросов собственности на природные ресурсы.

Ведущая роль государства и его институтов в части природно-ресурсной и природоохранных деятельности закреплена ст. 41, ст. 42, ст. 58, ст. 71 и положениями ст. 114 Основного закона государства. Как замечено С.А. Боголюбовым, «при поддержке соответствующих норм Основного закона потенциал экологических положений Конституции Российской Федерации еще более усиливается» [4, с.17].

Стоит отметить, что политическая и экономическая деятельность всегда связана с вопросами собственности на природные ресурсы, это, пожалуй, ключевой вопрос любой власти. В Конституции РФ закреплены основополагающие принципы экономической деятельности, являющиеся по сути закреплением многообразия форм собственности, в частности ст. 8 и ст. 9. В ст. 8 закреплён гарантированный принцип единства экономического пространства. Гарантируется данный принцип отнесением к ведению Российской Федерации установления правовых основ единого рынка (ст. 71). В соответствии с положениями данной статьи, вопросы федеральной государственной собственности, включая природные ресурсы находятся в ведении РФ, а вопросы владения, пользования и распоряжения ресурсами в совместном ведении РФ и субъектов. Данное разделение связано с принципами федерализма, закреплёнными в Конституции страны. Федеральные органы власти, всегда координируют свою деятельность с регионами по вопросам природных ресурсов, распоряжением собственностью и т.д. Это позволяет не только координировать деятельность по отдельным вопросам природопользования, но и избежать конфликтных ситуаций в вопросах реализации прав на собственность, обеспечить надлежащий надзор за соблюдением законодательства. Поиск баланса между публичными и частными интересами необходимая составляющая рационального использования природных ресурсов, составляющая и такого понятия как экологическая безопасность. В настоящее время разработан определённый алгоритм действий, своего рода механизм, позволяющий управлять природными ресурсами с учётом интересов РФ и её субъектов, хотя есть и определённые проблемы. В настоящее время ведутся доработки законодательства, связанные с учётом и оценкой стоимости природных ресурсов, совершенствуется налоговая база, что позволит обеспечить возможности эффективного государственно-

го управления собственностью на природные ресурсы, с учётом исполнения государством взятых на себя социальных функций. Частная собственность на природные ресурсы закреплена в Основном законе государства, следовательно, важнейшая роль в механизме защиты данного права отводится КС РФ. Как отмечал В.Д. Зорькин, «в своих решениях Конституционный Суд сформулировал ряд правовых позиций, раскрывающих конституционный смысл права собственности, содержание данного права, пределы его осуществления, допустимые ограничения и гарантии судебной защиты». Данные решения КС по сути носят прецедентный статус и определяют практику не только для органов власти, но и для судов. Председатель КС РФ приходит к выводу, «что Конституция в действии включает в себя и толкования, данные Конституционным Судом» [5, с. 146].

Непосредственная деятельность и анализ практики КС РФ показывает, что предметом рассмотрения были вопросы имеющие не только практическую, но и теоретическую составляющую. Пристальное внимание уделялось анализу и изучению экспертных оценок и решений в сфере экологического законодательства, вопросов собственности на недра, леса, водные объекты. Анализировались не только положения Конституции РФ, но и соответствие законодательства субъектов РФ федеральному законодательству. В частности, при анализе ст. 9 Суд исходил из понимания природы как основы жизнедеятельности общества, подчеркнув прерогативу защиты и охраны природной среды и обозначив фактически позицию по отношению ко всем видам собственности на природные ресурсы и объекты.

В соответствии с Основным законом граждане имеют право обращаться в Конституционный Суд с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод. Жалоба на нарушение законом конституционных прав и свобод допустима, если закон затрагивает конституционные права и свободы граждан, а также если закон применен или подлежит применению в конкретном деле, рассмотрение которого завершено или начато в суде или ином органе, применяющем закон. Приняв к рассмотрению жалобу на нарушение законом конституционных прав и свобод, Конституционный Суд извещает об этом суд или иной орган, рассматривающий дело, в котором применен или подлежит применению обжалуемый закон. Уведомление не влечет, однако, приостановления производства по делу, хотя оно может быть приостановлено по воле суда или органа. Законодательством предусмотрены широкие пределы проверки конституционности оспариваемого закона, как и в случае рассмотрения дел о конституционности нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними.

По итогам рассмотрения жалобы на нарушение законом конституционных экологических прав принимается одно из двух решений: о признании

закона либо отдельных его положений соответствующими Конституции РФ; о признании закона либо отдельных его положений не соответствующими Конституции РФ или создающими возможность не соответствующего Конституции истолкования судом или иным органом. В случае признания закона, примененного в конкретном деле, не соответствующим Конституции, это дело подлежит пересмотру соответствующим органом в обычном порядке. Часто такие решения выносятся по делам об экологических правонарушениях, где «довольно дискуссионной остаётся проблема законодательной регламентации экологического правонарушения» [6, с. 44].

Практика Конституционного Суда основана на приоритете защиты окружающей среды в качестве первоочередной задачи по реализации государственной политики на современном этапе, что подтверждается фактом закрепления в Основном законе страны норм о защите окружающей среды. Вместе с тем стоит обратить внимание, что Конституционный суд указывает на невозможность оспаривания конституционных норм о защите окружающей среды, в соответствии с которыми были разработаны НПА. Это связано с активным нормотворчеством в экологическом праве последнего времени.

Литература

1. Экологическое право: учебник для вузов / С.А. Боголюбов [и др.]; под редакцией С.А. Боголюбова. – 7-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 304 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–10925–2. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/487731> (дата обращения: 23.01.2022).
2. Балашова, Т.Н. Конституционное право на благоприятную окружающую среду и его реализация в Российской Федерации // Наука. Общество. Государство. 2017. № 4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-blagopriyatnyuyu-okruzhayuschuyu-sredu-i-ego-realizatsiya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 28.10.2021).
3. Булгакова, Л.С. Экологическое право: учебное пособие. Ч. 1 / Л.С. Булгакова, О.А. Гуреева, М.Б. Кабанова, В.В. Лавров, Я.К. Чепенко; под общ. ред. В.В. Лаврова. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2020. – 180 с.
4. Боголюбов, С.А. Конституционный потенциал реализации экологической политики // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 4 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnyy-potentsial-realizatsii-ekologicheskoy-politiki> (дата обращения: 28.10.2021).
5. Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. Взгляд с Ильинки. М., 2007. С. 146

6. Иванов, А.М. Особенности применения норм об ответственности за экологические правонарушения / А.М. Иванов, Н.Н. Федоскин, М.В. Ягнешко // *E-Scio*. – 2021. – № 2(53). – С. 40–47.
7. Третьякова, Н.А. Конституционные основы природопользования и охраны окружающей среды. Проблемы совершенствования экологического законодательства // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2021. № 2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-prirodopolzovaniya-i-ohrany-okruzhayushey-sredy-problemy-sovershenstvovaniya-ekologicheskogo>
8. Мирная, А.В. Правовое регулирование права государственной собственности на природные ресурсы // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 12–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-prava-gosudarstvennoy-sobstvennosti-na-prirodnye-resursy>
9. Боголюбов, С.А., Позднякова Е.А. Правовые основы природопользования и охраны окружающей среды 4-е изд., пер. и доп. Учебник и практикум для вузов / М.: Издательство Юрайт, 2021. Сер. «Высшее образование». 452 с.
10. Сверчков, В.В. Преступления против экологии: система, юридическая характеристика, особенности и проблемы применения уголовного законодательства: учебное пособие для вузов / В.В. Сверчков. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 224 с. – (Высшее образование). – ISBN978–5–534–14508–3. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/478036>

CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION OF OWNERSHIP OF NATURAL RESOURCES

Vasilyeva S.V., Ivanov A.M., Kupchenko K.V., Lazarenko O.N., Fedoskin N.N.
Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article presents the results of the analysis of the constitutional regulation of issues of ownership of natural resources. As a rule, the Constitution of the Russian Federation contains basic provisions on issues in the field of ecology and ownership of natural resources. This right, enshrined in the Basic Law, is interrelated with the obligations of the owner to dispose of the resources in his possession from the point of view of rationality, reasonableness and thrift, which directly reflects the fact that the owner, who is engaged in nature management, undertakes to implement the legally established requirements for objects of the natural environment. The constitutional foundations of environmental law are of paramount importance in the framework of the issue of environmental protection, since it is on them that federal legislation “relies”, and it is based on the explanations of the Constitutional Court of the Russian Federation on environmental protection that law enforcement practice is built.

The analysis of problems in the field of property and their regulation by constitutional methods allows us to conclude that, in addition to general reasons, the problems are affected by the imperfection of environmental legislation, as well as the established practice of law enforcement in this industry. The authors note the leading role of constitutional legislation in regulating property issues, in particular the activities of the Constitutional Court of the Russian Federation in environmental protection in the Russian Federation as a priority task for the implementation of state policy in this area, the role of the competent authority in resolving issues of ownership of natural resources.

Keywords: environmental law, ownership of natural resources, constitutional regulation, environmental rights of citizens, the source of environmental law.

References

1. Environmental law: textbook for universities / S.A. Bogolyubov [et al.]; edited by S.A. Bogolyubov. – 7th ed., reprint. and add. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. – 304 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–10925–2. – Text: electronic // Yurayt Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/487731> (accessed: 23.01.2022).
2. Balashova, T.N. The constitutional right to a favorable environment and its implementation in the Russian Federation // *Nauka. Society. State*. 2017. No.4 (20). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnoe-pravo-na-blagopriyatnyu-okruzhayuschuyu-sredu-i-ego-realizatsiya-v-rossiyskoy-federatsii> (accessed: 10/28/2021).
3. Bulgakova, L.S. Environmental law: textbook. Part 1 / L.S. Bulgakova, O.A. Gureeva, M.B. Kabanova, V.V. Lavrov, Ya.K. Chepenko; under the general editorship of V.V. Lavrov. – Saint Petersburg: Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor’s Office of the Russian Federation, 2020. – 180 p.
4. Bogolyubov, S.A. Constitutional potential of environmental policy implementation // *The rule of law: theory and practice*. 2017. No.4 (50). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionny-potentsial-realizatsii-ekologicheskoy-politiki> (accessed: 10/28/2021).
5. Zorkin V.D. Russia and the Constitution in the XXI century. View from Ilyinka. M., 2007. p. 146
6. Ivanov, A.M. Features of the application of norms on responsibility for environmental offenses / A.M. Ivanov, N.N. Fedoskin, M.V. Yagneshko // *E-Scio*. – 2021. – № 2(53). – Pp. 40–47.
7. Tretyakova, N.A. Constitutional foundations of nature management and environmental protection. Problems of improving environmental legislation // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2021. No.2–3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnye-osnovy-prirodopolzovaniya-i-ohrany-okruzhayushey-sredy-problemy-sovershenstvovaniya-ekologicheskogo>
8. Mirnaya, A.V. Legal regulation of the right of state ownership of natural resources // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019. № 12–4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-prava-gosudarstvennoy-sobstvennosti-na-prirodnye-resursy>
9. Bogolyubov, S.A., Pozdnyakova E.A. Legal foundations of nature management and environmental protection 4th ed., trans. and add. Textbook and workshop for universities / Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. Ser. “Higher education”. 452 pp.
10. Sverchkov, V.V. Crimes against ecology: system, legal characteristics, features and problems of application of criminal legislation: textbook for universities / V.V. Sverchkov. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. – 224 p. – (Higher education). – ISBN978–5–534–14508–3. – Text: electronic // Yurayt Educational Platform [website]. – URL: <https://urait.ru/bcode/478036>

Квалифицирующие признаки мошенничества в сфере государственных и муниципальных закупок

Гусак Михаил Юрьевич,

аспирант Санкт-Петербургской академии Следственного комитета, заместитель руководителя финансово-экономического отдела Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу
E-mail: fin13.money@mail.ru

Статья посвящена проявлению феномена мошенничества в процессе осуществления закупки товаров, выполнения работ, оказания услуг при реализации государственных (муниципальных) закупок. Рассматриваются основные квалифицирующие признаки мошенничества, предусмотренные статьей 159 УК РФ в сфере государственных и муниципальных закупок. Рассматриваются мнения ряда авторов в вопросе мошенничества в сфере государственного и муниципального заказов, приводится судебная практика применения ст. 159 УК РФ в сфере государственных закупок. Раскрывается понятие «обмана», делается вывод, что именно прямой умысел и корыстная цель, а также причинение реального ущерба заказчику в результате проведения закупочных процедур виновным лицом является основными, при отграничении преступного деяния установленной статьей 159 УК РФ, от гражданско-правового нарушения законодательства в сфере государственных закупок.

Ключевые слова: коррупция, государственный заказ, мошенничество, государство, корыстная цель.

В настоящее время правоохранители большое значение отдают вопросу проявления мошеннических явлений в государственном секторе, связанных с выполнением государственных заказов. Глава 21 УК РФ осуществляет охрану общественных отношений относящихся к преступлениям против собственности. И в ней, как нам кажется, особое внимание необходимо уделить ст. 159 УК РФ.

Рассмотрим мнения ряда авторов к вопросу мошенничества в сфере государственных закупок. М.М. Менжега связывает мошенничество в сфере закупок с отсутствием достаточной разработанности законодательной базы, а также системы контроля за деятельностью лиц, участвующих в процессе организации и обеспечения контрактной системы государства.

По его мнению, «в силу особенностей правового регулирования закупок товаров, работ, услуг для государственных нужд в Российской Федерации существует достаточное количество схем мошенничества при проведении процедур: распределение рынков, демпинг, исключение конкурентной борьбы, намеренное искажение названий товара или услуг, «фильтры», манипуляции с котировками, сговор с организаторами торгов и другие» [9]. Д.С. Назарова проявление мошенничества связывает с халатностью и безответственностью лиц, участвующих в закупках, неподготовленностью кадров [10]. Е.Н. Земскова, отмечает значительную угрозу проявления коррупции в сфере закупок в отличие от иных преступлений в бюджетной сфере [16].

Федеральный закон от 08.12.2020 № 385-ФЗ «О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» [1] определяет основные направления расходования бюджетных средств на текущий и два последующих года на обеспечение деятельности федеральных государственных органов и учреждений по направлениям деятельности.

В соответствии с вышеуказанным документом, утверждаются суммы лимитов бюджетных обязательств, которые впоследствии доводятся до главных распорядителей бюджетных средств (получателей бюджетных средств), в соответствии с которыми осуществляется заключение государственных контрактов.

В данном случае, государство выступает в качестве посредника, передавая своё имущество,

в виде бюджетных ассигнований, принадлежащих на праве собственности участнику проведения государственных (муниципальных) торгов). В этой связи возникает вопрос об отнесении выделяемых денежных средств к государственной (муниципальной) собственности, подразумевая под этим понятием право субъекта на обладание, пользование и распоряжение им по своему желанию.

В.Д. Мазаев рассматривает публичную собственность, как действующее господствующее право над определенными объектами, в целях исполнения интересов общества, населения и городских округов, исполняющуюся ими в целом, либо с привлечением органов публичной власти, в роли которых выступает государство, а также городские и муниципальные образования [8].

Исходя из определения можно судить о том, что денежные средства, выделяемые для обеспечения деятельности государственных и муниципальных образований не что иное, как собственность государства, находящаяся на счетах Центрального банка Российской Федерации которыми они распоряжаются и оплачивают товары, работы, услуги в соответствии с условиями контракта.

Несмотря на существование ряда уголовно-правовых средств, применяемых в настоящее время в борьбе с коррупцией в госзаказе, в действующем законодательстве отсутствует норма посвященная мошенничеству на торгах. Финансовая неустойчивость, нестабильность экономики, повышение цен на товары и другие факторы, поддерживают рост проявления мошенничества в несколько сотен раз.

Исследования, проведенные PwC (Pricewaterhouse Coopers), а также на основании статистических данных, в России по сравнению с остальным миром феномен мошенничества проявляется на всех стадиях организации процесса государственных и муниципальных закупок. Из более 5000 респондентов, 19% указывают на мошенничество в сфере закупок товаров, работ и услуг. 2020 год показал существенный рост экономических преступлений связанных с нарушением антимонопольного законодательства, «откатами» в сфере государственных закупок, взяточничества и коррупции [5].

Под понятием мошенничества подразумевается хищение денежных средств путем обмана или злоупотребления доверием. При этом, в случае реализации функций по организации контрактной деятельности, понятие злоупотребления доверием не используется, по причине того, что орган либо ведомство при реализации им функций государственного заказчика при осуществлении закупок не обязан доверять потенциальному исполнителю, а действовать строго в порядке, определенном Законом о государственных закупках.

Объективная сторона мошенничества при размещении государственных закупок характеризуется незаконным присвоением бюджетных денежных средств, в виде лимитов бюджетных обязательств выделяемых на основании сметы дохо-

дов и расходов на текущий финансовый год из государственного (муниципального) бюджетов с целью организации государственных закупок, путем обмана.

В действующем законодательстве содержание понятия «обман» не раскрывается. Понятие обмана содержится в Постановлении Пленума ВС РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате», где указано, что обман, как способ совершения хищения или приобретения права на чужое имущество может состоять в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений, либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях (например, в предоставлении фальсифицированного товара или иного предмета сделки, использовании различных обманных приемов при расчетах за товары или услуги или при игре в азартные игры, в имитации кассовых расчетов и т.д.), направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение.

28 сентября 2020 года Щучанский районный суд Курганской области признал Бабаяна Авака Александровича виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 УК РФ. Бабаян совершил мошенничество, то есть хищение чужого имущества путем обмана, совершенного в особо крупном размере, с использованием своего служебного положения. Между государственным казенным учреждением К. – заказчиком и Т. – подрядчиком, руководителем которого являлся Бабаян, заключен государственный контракт на выполнение работ на объекте капитального строительства, общая цена которого составила 139 000 000 рублей. По условиям указанного контракта расчеты между заказчиком и подрядчиком производились за фактически выполненные подрядчиком и принятые заказчиком объемы работ. Приступив к исполнению взятых на себя обязательств по условиям контракта у Бабаяна, фактически исполняющего обязанности генерального директора Т., являющегося лицом, выполняющим управленческие функции в данной коммерческой организации, умышленно, из корыстных побуждений, возник преступный умысел, направленный на хищение денежных средств заказчика, путем незаконного увеличения объемов выполненных работ по укладке щебня дорожного полотна. Бабаян, фактически выполняющий управленческие функции в Т., действуя умышленно, из корыстных побуждений, дал указания неосведомленным о его преступных намерениях подчиненным работникам Т. осуществлять укладку защитного щебеночного основания дорожной одежды объекта в заведомо для него заниженном объеме, чем это предусмотрено проектно-сметной документацией. Работники Т., будучи не осведомленными об его истинных преступных намерениях, выполнили его указания и уложили объем щебня в верхнем и нижнем слое дорожной одежды в меньшем

объеме, чем предусмотрено проектно-сметной документацией. Таким образом, разница в сметной стоимости и фактической стоимости работ составила 1 683 898,39 рублей [13].

Боровиков В.Б. под понятием обмана понимает изменение событий либо действий в настоящем или прошлом, приведшие к наступлению преступного факта, либо сокрытие о нём [6]. Под обманом следует понимать ложное представление о чём-либо, заблуждение [11], а действительность представляет объективную реальность, тождественность происходящих в природе и обществе реальных фактов, отличных от подobia чего-либо.

В этой связи не приходится говорить об обмане, если его результатом послужило изменение начальной максимальной цены контракта, значительно изменились его условия, либо работы по нему исполнены не в полном объеме, если при этом не имело место наличие прямого на то умысла, а итогом не стала фальсификация конкурсной документации при организации государственных закупок.

Таким образом, преследование корыстной цели, нарушение уголовного законодательства связанного с осмысленной идеей обмана, направленного на незаконное завладение государственными бюджетными средствами, либо средствами местного самоуправления необходимо чётко разграничивать с нарушениями условия госконтракта, связанными с объективными причинами, действия которых необходимо квалифицировать по нормам гражданско-правового законодательства. Признаком мошеннических действий по ч. 4 ст. 159 УК РФ является преднамеренное не исполнение поставщиком (подрядчиком) своих обязанностей в соответствии с заключенным государственным контрактом (договором). Решающим обстоятельством отграничения мошенничества, как формы хищения от несоблюдения условий предусмотренных государственным контрактом в главе 59 Гражданского кодекса Российской Федерации «Обязательства вследствие причинения вреда», является наличие умысла. Вместе с тем, умысел должен зародиться заблаговременно, до начала конкурсных процедур, при этом лицо, осознавая противоправность своих действий, намерено не собирается исполнять взятые на себя обязательства, его воля направлена на хищение федеральных (муниципальных) денежных средств [4].

Решением Конституционного Суда Российской Федерации, на основании Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ ст. 159.4 УК РФ была отменена [15], при этом статья 159 УК РФ была дополнена частями 5–7, которые являются специальными, связанными с преднамеренным неисполнением договорных отношений в сфере предпринимательской деятельности, если это деяние повлекло причинение значительного ущерба.

Значительным ущербом в ч. 5 указанной статьи признается ущерб в сумме, составляющей не менее десяти тысяч рублей (п. 1 примечаний к ст. 159 УК).

Преднамеренность к исполнению обязательств выступают следующие факты – платежеспособность лица, наличие финансовых и материальных активов, штата работников, наличие предыдущего положительного опыта в заключение идентичных сделок и государственных контрактов.

Давая криминологическую характеристику данным видам преступлений, нужно отметить, что они совершаются только в результате осуществления предпринимательской деятельности субъектом, обладающим достаточными экономическими знаниями, высокими интеллектуальными способностями, занимающим определенное положение в обществе, обладающий финансовым благосостоянием, достаточным для осуществления преступного замысла.

Большое значение имеет четкое разграничение мошенничества и признание деяния подпадающего под действие гражданско-правового законодательства [12].

В пункте 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [2] указано, что преступления следует считать совершёнными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, либо если эти преступления совершены членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо в связи с осуществлением коммерческой организацией предпринимательской или иной экономической деятельности. Таким образом, **объектом** данного вида мошенничества выступают общественные отношения в сфере предпринимательской деятельности. **Объективная сторона**, как и в случае с ч. 1 ст. 159 УК РФ заключается в активном действии лица по присвоению чужого имущества или правом на него путём обмана или злоупотребления доверием, отличие заключается только в том, что в случае осуществления процесса закупок для обеспечения государственных (муниципальных) нужд это может быть только обман.

П.С. Яни: «Описание содержащегося в ч.ч. 5–7 ст. 159 УК состава хищения не должно создавать ошибочное представление о том, будто объективную сторону этого преступления составляет неисполнение обязательств. Предусмотренное здесь мошенничество – это такое же хищение, как обычное мошенничество, причиняющее ущерб собственнику или владельцу имущества (обладателю права на имущество) путём и в момент изъятия у него имущества (отторжения у него права на имущество), а не посредством неисполнения обязательств по договору» [17].

На это деяние указывает разъяснение, находящееся в абз. 1 п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3] от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по де-

лам о мошенничестве, присвоении и растрате»: « В случаях, когда лицо получает чужое имущество или приобретает право на него, не намереваясь при этом исполнять обязательства, связанные с условиями передачи ему указанного имущества или права, в результате чего потерпевшему причиняется материальный ущерб, содеянное следует квалифицировать как мошенничество, если умысел, направленный на хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество или права на него».

Таким образом, Пленум разъясняет, что действие лица следует характеризовать как мошенничество в сфере государственных (муниципальных) закупок в случае, когда имел место корыстный умысел на уклонение и не исполнение возложенных на поставщика (подрядчика) обязательств в соответствии с заключенным государственным (муниципальным) контрактом, если это желание возникло у него, ещё до его подписания.

Суд признал гражданина «А» виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 159 УК РФ. Действуя с прямым умыслом из корыстных побуждений, с целью хищения чужого имущества путем обмана направил заявку на участие в конкурсной закупочной процедуре, предложив заведомо заниженную закупочную цену на поставку сварочного оборудования, не намереваясь при этом исполнять обязательства на поставку указанного оборудования.

Заключил с ООО в лице генерального директора по коммерческой деятельности договор поставки сварочного оборудования, заведомо не имея намерений исполнять взятые на себя обязательства по поставке оборудования. В свою очередь, представители ООО, не подозревая об истинных преступных намерениях граждан «А», перечислили на его расчетный счет денежные средства. Полученные путем обмана денежные средства гражданин «А» похитил и распорядился по своему усмотрению, причинив тем самым, значительный ущерб.

Гражданин «А» совместно со своим знакомым гражданином «Б», с целью занятия предпринимательской деятельностью, участия в электронных торгах по поставке товаров и оказания услуг создали фирму. Ввиду наличия судимости у Гражданина «А» фирма была зарегистрирована на Гражданином «Б». В процессе деятельности фирмы гражданин «А» решил участвовать в электронных торгах на поставку сварочного оборудования. В дальнейшем он начал искать контракты, где были предусмотрены авансовые платежи до исполнения заказов. Одним из таких заказчиков, разместивших свой заказ на торговой площадке, было ООО. В результате проведенного аукциона он стал победителем, предложив самую выгодную цену, в результате чего, с ним был заключен договор, а затем на его счет поступил аванс, который он обналичил. Первоначально умысла не исполнять данный контракт у него не было. Однако

ввиду тяжелого финансового положения, накопившихся долгов, он решил присвоить данные денежные средства и использовать их на свои личные нужды. В последующем аналогичным образом, по такой же схеме он выиграл еще ряд тендеров и получил за них авансовые платежи. При этом он заранее не собирался исполнять взятые на себя обязательства и таким образом собирался похищать денежные средства этих предприятий[14].

Обман, в рассматриваемом виде мошенничества, характеризуется доведением ложной информации не соответствующей действительности, либо скрытием данных о финансовом состоянии поставщика товаров, выполнении работ, предоставлении услуг, либо иной важной информации должностному лицу заказчика, которая может в дальнейшем повлиять на возможность заключения государственного контракта. Для квалификации совершенного деяния, по признакам хищения необходимым условием является определение реального ущерба, причиненного заказчику в результате проведения закупочных процедур. Формальным условием выступает причинение значительного ущерба в размере не менее 10 000,00 рублей.

Субъектами преступления, учтенные в частях 5–7 ст. 159 УК РФ, выступают индивидуальные предприниматели, а также лица, выполняющие распорядительно-управленческие функции в коммерческих организациях.

Субъективная сторона мошенничества, связанная с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности, характеризуется прямым умыслом и корыстной целью виновного лица, которое путем обмана и предоставлением искаженных сведений, не намереваясь выполнять обязательств по государственному контракту, вводит в заблуждение заказчика, желает наступления последствий в виде ущерба на сумму не менее 10 000,00 рублей [7].

На основании вышеуказанного можно сделать вывод о преобладающем в настоящее время феномене в виде мошенничества в сфере закупок товаров, выполнения работ, оказания услуг для удовлетворения потребностей государственных и муниципальных органов, отрицательно влияющим на экономику страны в целом, несущем общественную опасность и тормозящем развитие государства.

Литература

1. О федеральном бюджете на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов: Федеральный закон от 08.12.2020 № 385-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
2. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической

деятельности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2016 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2007 г. № 51. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Александрова, И.А. Новое уголовное законодательство о мошенничестве / И.А. Александрова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 21. С. 57.
5. Борьба с мошенничеством: вечное противостояние Всемирный обзор экономических преступлений за 2020 год, PwC // – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.pwc.ru/ru/publication/s/collectioN/gecs-2020-rus.pdf> (Дата обращения 29.10.2021 г.).
6. Боровиков В.Б., Смердов А.А. Уголовное право. Общая и Особенная части / под ред. В.Б. Боровикова. М., 2014. С. 390; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А.Э. Жалинский. М., 2010. С. 267.
7. Егорова Н.А. Новое в уголовном законодательстве о мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/polezN/oe/87511-N/ovoe-ugolovN/om-zakoN/odatelstve-mosheN/ichestve-sfere-predpriNimatelskoj-deyatelNosti> (дата обращения: 01.11.2021).
8. Мазаев В.Д. Понятия и конституционные принципы публичной собственности: Учебное пособие. – М.: Институт права и публичной политики. 2004. С. 22.
9. Менжега М.М. Мошенничество в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд / М.М. Менжега, В.О. Иванов // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок: сборник статей международной научно-практической конференции: в 3 частях. – 2017. С. 133–137.
10. Назарова Д.С. Мошенничество в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных или муниципальных нужд: особенности совершения и защита от рисков // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 57. С. 93.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2008. С. 378.
12. Пестерева В.А. Уголовно-правовая характеристика мошенничества, сопряжённого с преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности // Совр. вопросы гос-ва, права, юрид. образования. – Тамбов: Принт-Сервис. – 2017. С. 601.
13. Приговор Щучанского районного суда (Курганская область) от 28 сентября 2020 г. // Судеб-

ные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 30.10.2021).

14. Приговор Вахитовского районного суда г. Казани от 27 февраля 2017 г. // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 30.10.2021).
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Шурпаев Ш.М. Криминологическая классификация преступлений коррупционной направленности в сфере государственных и муниципальных закупок / Ш.М. Шурпаев // Безопасность бизнеса. 2019. № 6. С. 37–41.
17. Яни П.С. Новеллы уголовного законодательства об ответственности за хищения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/polezN/oe/87390-N/ovelly-ugolovN/ogo-zakoN/odatelstva-otvetstveN/osti-khishheN/iya> (дата обращения: 01.11.2021).

QUALIFYING SIGNS OF FRAUD IN THE FIELD OF STATE AND MUNICIPAL PROCUREMENT

Gusak M. Yu.

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

The article is devoted to the manifestation of the phenomenon of fraud in the process of purchasing goods, performing works, rendering services in the implementation of state (municipal) procurement. The main qualifying signs of fraud provided for in Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in the field of state and municipal procurement are considered. The opinions of a number of authors on the issue of fraud in the field of state and municipal orders are considered, the judicial practice of applying Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation in the field of public procurement is given. The concept of “deception” is revealed, it is concluded that it is direct intent and selfish purpose, as well as causing real damage to the customer as a result of procurement procedures by the guilty person, that are the main ones, when distinguishing a criminal act established by Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation from a civil violation of legislation in the field of public procurement.

Keywords: corruption, state order, fraud, the state, a selfish goal.

References

1. On the Federal Budget for 2021 and for the planning period of 2022 and 2023: Federal Law No. 385-FZ of 08.12.2020. Access from help. – the legal system “ConsultantPlus”.
2. On the practice of application by courts of legislation regulating the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activities: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 48 dated November 15, 2016. Access from help. – the legal system “ConsultantPlus”.
3. On judicial practice in cases of fraud, embezzlement and embezzlement: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51 of December 27, 2007. Access from help. – legal system “ConsultantPlus”.
4. Alexandrova, I.A. New criminal legislation on fraud / I.A. Alexandrova // Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny

- Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2013. – No. 21. p. 57.
5. The fight against fraud: eternal confrontation The World Review of Economic Crimes for 2020, PwC // – [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.pwc.ru/ru/publication/s/collectioN/gecs-2020-rus.pdf> (Accessed 29.10.2021).
 6. Borovikov V.B., Smerdov A.A. Criminal law. General and Special parts / ed. by V.B. Borovikov. M., 2014. p. 390; Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation / ed. by A.E. Zhalinsky. M., 2010. p. 267.
 7. Egorova N.A. New in criminal legislation on fraud in the sphere of entrepreneurial activity [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://wiselawyer.ru/polezN/oe/87511-N/ovoe-ugolovN-om-zakoN-odatelstve-mosheN-ichestve-sfere-predpriN-imatelskoj-deyatelN-osti> (Accessed: 01.11.2021)
 8. Mazaev V.D. Concepts and constitutional principles of public property: Textbook. – M.: Institute of Law and Public Policy. 2004. p. 22.
 9. Menzhega M.M. Fraud in the field of procurement for state and municipal needs / M.M. Menzhega, V.O. Ivanov // Problems of implementation of the results of innovative developments: collection of articles of the international scientific and practical conference: in 3 parts. – 2017. pp. 133–137.
 10. Nazarov S.D. Fraud in the field of procurement of goods, works, services for ensuring state and municipal needs: features of occurrence and risk protection // Problems of modern jurisprudence. – 2016. – No. 57. S. 93.
 11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Explanatory dictionary of the Russian language. M., 2008. S. 378.
 12. Pesterev, V.A. Criminal and legal characteristic of fraud associated with intentional non-performance of contractual obligations in the field of entrepreneurship // Adv. questions GOS Islands, rights, faculty of law. education. – Tambov: Print-Service. – 2017. p. 601.
 13. The verdict of the Shchuchansky District Court (Kurgan region) of September 28, 2020 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website URL: <http://www.sudact.ru> (accessed: 10/30/2021).
 14. The verdict of the Vakhitovsky District Court of Kazan dated February 27, 2017 // Judicial and regulatory acts of the Russian Federation: website. URL: <http://www.sudact.ru> (accessed: 10/30/2021).
 15. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 32-P dated 11.12.2014 “On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 159.4 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the request of the Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug”. Access from help. – the legal system “ConsultantPlus”.
 16. Shurpaev Sh.M. Criminological classification of corruption-related crimes in the field of state and municipal procurement / Sh.M. Shurpaev // Business security. 2019. No. 6. pp. 37–41.
 17. Yani P.S. Novelties of criminal legislation on liability for embezzlement [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://wiselawyer.ru/polezN/oe/87390-N/ovelly-ugolovN-ogozakoN-odatelstva-otvetstveN-osti-khishheN-ya> (accessed: 01.11.2021).

Об анализе причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних

Жадан Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и судебной деятельности, Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: vlad.zhadan60@yandex.ru

В статье предлагается анализ причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного (отклоняющегося) поведения несовершеннолетних на основе рассмотрения общетеоретических положений, научных подходов и иных материалов о девиации, в том числе отдельных результатов исследований, статистики и примеров социально-педагогической практики и авторского понимания. Определяются научные термины и рассматриваются виды причин, факторов и условий, основные механизмы возникновения и развития девиантного поведения. Используется ранее опубликованный автором материал по рассматриваемой теме, приводятся основные подходы, по объяснению отклоняющегося поведения несовершеннолетних исходя из направлений социально-средового, стигматизированного, личностно-ущербного и социально-некомпетентностного развития. По результатам проведенного исследования делается вывод о том, что наиболее продуктивным для объяснения причин и условий возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних можно считать социально-личностный подход, базирующийся на применении принципа дополнительности взаимодействия личностных и ситуативных факторов, которые объединяют биологические, психологические, социальные и воспитательные причины девиаций. При этом именно личностные факторы детерминируют отклоняющееся поведение, тогда как ситуативные выступают в роли модулятора и определяют вариативность, с которой проявляются личностные особенности.

Ключевые слова: анализ, причина, условие, возникновение, развитие, девиантное поведение, несовершеннолетний, рассмотрение, положение, подход, пример, понимание.

Проблема отклоняющегося (девиантного) поведения человека актуальна для любого современного общества и государства, и имеет комплексный междисциплинарный характер. Наибольшие сложности и затруднения в адаптации к современным требованиям нынешней экономической, социальной, политической и духовной жизнедеятельности человека испытывают несовершеннолетние, а их девиантное поведение является, с одной стороны, результатом зачастую несовместимых и разнонаправленных по содержанию и формам реализации процессов и явлений, происходящих в обществе и государстве в целом, с другой стороны, тех перемен и преобразований, которые осуществляются в среде ближайшего окружения, то есть в семье, образовательной организации, где обучаются (например, в школе, образовательном центре, колледже, вузе и т.д.), в среде одноклассников (однокурсников), друзей, соседей, знакомых и т.д., а также факторов воздействия средств массовой информации (далее – СМИ) и глобальной цифровизации, включающей использование Интернет-ресурсов и других средств и технологий, предполагающих погружение несовершеннолетнего в виртуальный мир, которые не всегда осознают его пользу и вред. В таких условиях все большую роль в возникновении и развитии девиантного поведения несовершеннолетних играет информационная культура, в которой социализируются дети и подростки [1, с. 52]. В этой части, автором в ранее опубликованном материале отмечается, что эта культура включает огромное количество мемов, которые передаются между индивидуумами путем копирования, имитации и распространения единиц культурной информации, определенная часть которых может иметь показной и разрушительный (деструктивный) характер. Соответственно, с увеличением распространения современных информационных средств и цифровых технологий значительно возрастает количество случаев девиантного поведения несовершеннолетних, что указывает на необходимость и повышение эффективности контроля за содержанием и наполнением информационных ресурсов (контентом), размещаемых в Интернете как глобальной сети [2, с. 75].

Анализу различных аспектов, вопросов и проблем отклоняющегося (девиантного) поведения несовершеннолетних (детей, подростков) в научной и учебной литературе, информационных ресурсах [3–5], посвящено много публикаций, что указывает на актуальность исследования учеными и практиками отклоняющегося поведения несо-

вершеннолетних для общества и государства. Такой интерес также обуславливается постоянным развитием исследуемых причин, факторов и условий, которые приводят к девиантному поведению несовершеннолетних, что не исключает продолжение рассмотрения некоторых вопросов об основных причинах и условиях возникновения девиантного поведения несовершеннолетних, и предложить их авторское понимание. Данное исследование является продолжением ранее опубликованного автором материала о девиантном поведении несовершеннолетних, его формах предупреждения и коррекции [2, с. 73–80].

Предметом данного рассмотрения будут некоторые вопросы об анализе причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних.

Исходя из предмета исследования представляются интересующие вопросы: как определяются термины «причина», «условие», «причинность» и «фактор»; как соотносятся причины и условия; какие выделяются виды причин и факторов возникновения девиантного поведения; как характеризуются причины и условия, обуславливающие возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних; что представляют собой основные механизмы возникновения и развития девиантного поведения; каковы основные подходы по объяснению отклоняющегося поведения несовершеннолетних; какой можно назвать наиболее продуктивным подход по объяснению причин и условий возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних; какие личностные факторы детерминируют девиантное поведение несовершеннолетних?

Для анализа причин и условий возникновения девиантного поведения несовершеннолетних, целесообразно определиться в значении используемых терминов.

В толковом словаре русского языка под термином «причина» понимается явление, вызывающее, обуславливающее возникновение другого явления [6], под термином «условие» – обстоятельство, от которого что-нибудь зависит [7], а под термином «причинность» – взаимная связь явлений, в возникновении и развитии которых одно служит причиной, а другое следствием, одно порождается другим ... [8]. При характеристике термина «причина» также часто используется термин «фактор», под которым в большом энциклопедическом словаре понимается причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер или отдельные его черты [9]. Исходя из указанных определений терминов следует, что понятие условия необходимо отличать от понятия причины, так как в отличие от причины, непосредственно порождающей то или иное явление или процесс, условие составляет ту среду, в которой последние возникают, существуют и развиваются [10].

В изучении девиации человека, в том числе и девиантности несовершеннолетних существен-

ная роль отводится анализу причин, факторов и условий, обуславливающих их возникновение и последующее развитие, а также возможностей предупреждения, коррекции и преодоления.

Так, при характеристике девиантного поведения в качестве причин, факторов и условий, их обуславливающих принято выделять: биологические (медико-биологические) (например, обусловленные заболеваниями и медицинскими патологиями в виде воспаления и травм головного мозга; психосоматической патологии; шизофрении и т.д.); психологические (например, психоз; инфантильность; синдром дефицита внимания и гиперактивности, и т.д.); социальные (например, вызванные контактом с другими людьми, в том числе трудности в общении в семье с родителями и другими близкими, одноклассниками (сокурсниками); неблагоприятное окружение в виде алкоголиков, наркоманов, игроманов и иных лиц; материальное и социальное неравенство с другими лицами и т.д.); воспитательные (педагогические) (например, негативные примеры, подаваемые родителями и другими близкими и взрослыми; излишняя строгость и несправедливые наказания или потакание всем желаниям и прихотям детей; игнорирование моральных, духовных и иных ценностей и потребностей и т.д.).

Рассмотрим и авторские подходы по анализу причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних.

Обобщив научные подходы можно выделить следующие причины девиантного поведения несовершеннолетних: 1) нарушения формирования, становления и развития личности (Т.П. Шилова и др.) [11, с. 41]; 2) деятельность линия онтогенеза (Б.Д. Эльконин) [12, с. 9]; 3) воздействие социокультурных особенностей (С.А. Завражин и др.) [13, с. 131]; 4) образ жизни семьи и особенности внутрисемейных отношений (М.И. Лисина и др.) [14, с. 16]; 5) личностные и характерологические изменения, связанные с воздействием специфического окружения (Л.Б. Шнейдер и др.) [5, с. 13]; 6) выраженное течение подросткового кризиса (Ф. Дольто и др.) [15, с. 212]; 7) членство в имеющих асоциальную направленность неформальных объединениях, наличие антисоциальных норм в подростковых группах (Е.А. Белобрыкина, О.А. Белобрыкина и др.) [16, с. 56].

Л.Б. Шнейдер отмечает, что в становлении девиантного поведения значительное место занимают дефекты нравственного и правового сознания, сущность и содержание потребностей, особенностей характера и эмоционально-волевой сферы личности [17, с. 18]. Первые проявления отклоняющегося поведения фиксируются в детском возрасте и объясняются такими факторами, как относительно низкий уровень интеллектуального развития, отрицательное воздействие ближайшего окружения, незавершенность формирования личности, зависимость от требований социальной группы и характерных для нее ценностных ориен-

таций. Для детей и подростков подобное поведение часто выступает способом самоутверждения, выражения протеста против реальной или кажущейся несправедливости со стороны взрослых. При этом девиантное поведение может сочетаться с хорошим знанием принятых в обществе правовых и нравственных норм.

Л.Б. Шнейдер также выделяет такие общие причины подростковой девиантности, как психологические и психические расстройства, психологические и социальные факторы и возрастные кризисы [17, с. 19]. В качестве частных причин она приводит следующие: стремление к получению сильных впечатлений; явная либо скрытая психопатология; соматические заболевания; неблагополучная ситуация внутри семьи; повышенная возбудимость, отсутствие самоконтроля; педагогическая некомпетентность родителей; чрезмерное стремление к независимости и самостоятельности; трудности в школе и низкая успеваемость; недостаточная уверенность в себе; пренебрежительное отношение со стороны сверстников; стрессовые ситуации, такие как потеря близкого человека и переезд; отрицательная оценка способностей со стороны взрослых; низкая обеспеченность, материальные трудности в семье; чрезмерная занятость либо безработица родителей; примеры жестокости, насилия и безнаказанности, транслируемые СМИ; повышенная общительность; конфликты с родителями, ссоры в семье; одиночество, непонимание окружающими; низкий показатель эмоционально-волевого контроля; авторитарность и излишний контроль родителей и/либо педагогов; неравномерность полового и психофизического созревания; генетическая предрасположенность; понижение культурного и интеллектуального уровня; отсутствие навыков социального поведения; желание привлечь к себе внимание; избыток свободного времени, скука; воздействие плохой компании.

Е.Б. Кириллова приводит следующую статистику касательно несовершеннолетних правонарушителей [18, с. 19]: 60% имеют по крайней мере одного судимого родителя; 70% подвергались насилию со стороны родителей; 50% выросли без отца; 42% воспитывались в семьях, где родители злоупотребляли алкоголем; около 50% росли в неблагополучных семьях. Также Е.Б. Кирилловой отмечается, что 100% несовершеннолетних, совершивших насильственные преступления, и 86,6%, осужденных за корыстные, наблюдали насилие в собственном неформальном окружении либо участвовали в нём. Круг друзей осужденных подростков во многом формируют лица с антиобщественным поведением: 76,3% использовали нецензурную брань, 68,4% состояли на полицейском учете, 55,3% злоупотребляли алкоголем, 39,5% имели судимость, 36,8% являлись нарушителями общественного порядка.

Другим механизмом девиантного поведения является деформация личности вследствие нарушенных социальных взаимоотношений со сверстниками и взрослыми. Х. Ремшидт отмечает,

что, поскольку личностные качества человека выступают регулятором его поведения, отклоняющееся поведение несовершеннолетних часто сопряжено с определенными категориями ситуаций и специфическим окружением [19, с. 79]. В числе таких условий А.В. Вилкова называет деформацию взаимоотношений с социально полезными группами, наличие неконтролируемого времени и неорганизованность деятельности [20, с. 30]. Также можно выделить негативное воздействие семьи, близкого окружения и сверстников, аномию, неэффективность организации учебной и внеурочной работы и цифровизацию. В результате воздействия этих условий происходит постепенное отчуждение несовершеннолетних от первичных социально-полезных групп, что приводит к нарушениям механизмов социализации. В совокупности с влиянием асоциальных групп и общественным отчуждением подростки приобретают аморальные ценности и начинают проявлять различные формы отклоняющегося поведения.

По мнению автора, для анализа причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних целесообразно рассмотреть основные научные подходы по объяснению девиантного поведения.

В части теорий, которые объясняют происхождение девиантного поведения, принято выделять три основных направления: 1) социально-средовое; 2) стигматизированного и личностно-ущербного развития; 3) социально-некомпетентностного развития.

Основой социально-средового направления выступает теория аномии. Согласно Э. Дюркгейму, аномия, рассматриваемая в качестве психологического состояния отдельного индивида, характеризуется чувством дезориентации и является патологией, приводящей к различным формам отклоняющегося поведения [21, с. 432]. При этом отклонения в поведении в основном определяются не внутренними свойствами индивида, а внешними управляющими людьми причинами, а состояние аномии способствует повышению степени этих отклонений. Р. Мертон развил теорию аномии, утверждая, что причиной девиаций является несоответствие и последующий разрыв между общественными культурными целями и средствами их достижения, получившими социальное одобрение [22, с. 233]. Появление аномии обусловлено обстоятельствами, порожденными социальной структурой, а девиантных мотиваций – невыполнением ожиданий касательно социально адекватного поведения и ценностно-нормативными искажениями. Также аномия может стать результатом личностной кризисной ситуации, способной полностью перестроить систему убеждений индивида, изменив его моральные нормативные установки. Примером такой кризисной ситуации является потеря родителей в раннем возрасте. Это отражено в исследованиях А.И. Степановой, проводившихся на базе КГБУСО «Центр семьи «Пировский» в с. Пировском Красноярского края [23, с. 33]. Вы-

борка была представлена школьниками 9–10 лет, оставшимися без попечения родителей. Для диагностики использовались опросник «Склонность к отклоняющему поведению» и детский вариант методики «Многофакторный личностный опросник». Согласно результатам исследований, у 80% испытуемых, рано потерявших родителей, фиксируется склонность к отклоняющемуся поведению.

Ко второму направлению относятся теории стигматизации (клеймления) и пониженного самоуважения. В соответствии с первой теорией, согласно Ю.А. Клейбергу, девиация представляет собой не качество поступка, совершаемого человеком, а следствие использования окружающими правил и принятых санкций против «нарушителя», который клеймляется в качестве аутсайдера [24, с. 24]. И. Гофман выделяет следующие стигмы [25, с. 17]: физическая – слепота, хромота и иные увечья; волевая – алкоголизм, наркомания, психически расстройства; расовая; морально-правовая – правонарушения, проституция. Согласно теории клеймления, моральные качества поступков зависят только от определения и оценки других людей. При этом процесс клеймения определяется как видом и общественной значимостью поступка, так и социальным статусом нарушителя. Вследствие стигматизации личность утверждается в девиантном статусе, после чего ей сложно развивать недевиантный стиль жизни.

Теорию стигматизации подтверждает исследование К.А. Воробьевой и М.М. Мишиной, участие в котором приняли подростки из Москвы и Кумкургана в возрасте от 14 до 18 лет с нормотипичным поведением и со склонностью к девиантному поведению [26, с. 123]. Для распределения школьников по группам использовались педагогический (агрессия, неблагополучные семьи, прогулы), психологический (результаты психодиагностики по опроснику А.Н. Орел «Склонности к отклоняющемуся поведению») и объективный (постановка на внутришкольный и полицейский учёт) критерии. Участникам был предложен ряд методик, результаты анализа которых демонстрируют завышенные показатели по шкалам склонности к преодолению норм и правил, аддиктивному поведению, агрессии, насилию и делинквентному поведению в группах девиантных подростков. Увеличение проявлений отклоняющегося поведения у девиантных несовершеннолетних объясняется их сформированным школьным статусом хулиганов и правонарушителей, который им приходится поддерживать.

В соответствии с теорией пониженного самоуважения Г. Каплана, из-за стремления всех людей к положительному образу «Я» низкое самоуважение воспринимается как неприятное состояние, что побуждает действовать так, чтобы снизить субъективную вероятность самоуничужения [33, с. 22]. У подростков пониженное самоуважение статистически связано почти со всеми формами девиантного поведения, такими как нечестность, совершение правонарушений, принадлежность

к антисоциальным группам, употребление наркотиков и алкоголя, агрессивное и суицидальное поведение. При изучении долгосрочной динамики самоуважения 9300 подростков с 12-летнего возраста и проявления или не проявления ими девиантного поведения, Каплан установил, что низкое самоуважение стимулирует частоту антинормативного поведения: при участии в антисоциальных группах и их действиях, несовершеннолетний старается повысить собственный психологический статус среди сверстников и найти новые способы самоутверждения. Аналогичные результаты были получены в исследовании С.И. Смирновой, проведенном в Кирове на базе школы № 27 и объединения молодёжных и подростковых клубов «Перекресток» МКУ [27, с. 210]. В выборку вошло 65 школьников в возрасте 15–16 лет, 45 из которых не имели отклонений от социальных норм, а 20 обладали девиантным поведением.

Тем самым девиация является способом повышения самоуважения. Его эффективность обусловлена появлением новой, негативной социальной идентичности, предполагающей новую систему самооценивания, критерии которой, как правило, прямо противоположны прежним.

К третьему направлению причисляются теории социализации и социальной некомпетентности. Г.Н. Тигунцева определяет социализацию как процесс и результат овладения и активного воспроизведения индивидом социального опыта, реализуемого в деятельности и общении [28, с. 85]. Социализация делится на:

1. Первичную, длящуюся приблизительно до семи лет. Она связана с усвоением основ необходимых для жизни в обществе знаний: ребёнок учится владеть языком, овладевает основными правилами и нормами поведения и осваивает первые социальные роли. На этой стадии основных агентов социализации, которыми являются члены семьи, воспитатели и, в меньшей степени, сверстники, связывают с ребёнком личностные отношения.

2. Вторичную. На ее этапе повышается значение социальных институтов и безличных источников информации, увеличивается роль сверстников. В расширяющемся нормативном контексте ребёнок осваивает новые роли, а формальные агенты доносят до него абстрактные правила, идеи и нормы.

Т.А. Хагуров полагает, что большая часть нарушений в поведении подростков связана с нарушениями в процессе социализации [29, с. 25]. Одной из ключевых причин девиаций несовершеннолетних является нарушение в деятельности агентов первичной социализации, которыми являются родители и близкие родственники. Эти нарушения могут проявляться в разных формах: прямая передача антисоциальных навыков и ценностей в случае асоциальности семьи; отсутствие эмоционального контакта, утрата значимости в глазах ребёнка и переход этой значимости к носителям девиантных моделей поведения – сверстникам, случайным знакомым или СМИ.

Е.М. Кожухова отмечает, основные качества личности формируются в семье [30, с. 85]. По этой причине основным фактором подростковой девиантности выступает дисгармоничность детско-родительских взаимоотношений, проявляющаяся в эмоциональном непринятии, нарушениях стиля семейного воспитания, холодности по отношению к ребенку либо крайней сосредоточенности на нем. Как подтверждает работа Н.В. Власовой, ранняя психокоррекция подобных нарушений является эффективным средством профилактики развития форм девиантного поведения у несовершеннолетних [31, с. 42].

Т.И. Шульга считает, что важной категорией в рамках теории социализации является социальная компетентность, рассматриваемая как навыки, достаточные для выполнения присущих текущему жизненному периоду задач [32, с. 8]. Она является равновесием между актуальными возрастными задачами и наличием требуемых навыков. Если это равновесие нарушается, то человек начинает функционировать неадекватно, что приводит к появлению девиантности в поведении.

По мнению автора, изучение причин и условий, обуславливающих возникновение и развитие девиантного поведения несовершеннолетних показало, что в большинстве случаев девиации носят комплексный характер и обусловлены взаимодействием ряда факторов риска. Представляется возможным выделить следующие особенности возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних: индивидуальные – психобиологические предпосылки; психолого-педагогические – ошибки в семейном и школьном воспитании; социально-психологические – противоправное и преступное взаимодействие школьника в ближайшем окружении; личностные – взаимодействие с несовершеннолетними, обладающими криминальным и асоциальным поведением, отрицание педагогического воздействия, оказываемого семьей и школой; социально-экономические – расслоение общества, переоценка ценностей, цифровизация.

Таким образом, наиболее продуктивным для объяснения причин и условий возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних можно считать социально-личностный подход, базирующийся на применении принципа дополнительности взаимодействия личностных и ситуативных факторов, которые объединяют биологические, психологические, социальные и педагогические причины девиаций. При этом именно личностные факторы детерминируют отклоняющееся поведение, тогда как ситуативные выступают в роли модулятора и определяют вариативность, с которой проявляются личностные особенности.

Стоит отметить, что вклад различных ситуативных факторов неодинаков. Так, в условиях активной цифровой трансформации, затрагивающей все сферы общественной жизни, наблюдается появление новых форм девиаций и увеличе-

ние частоты встречаемости девиантного поведения в подростковой среде. В связи с этим важным представляется изучение влияния условий цифровизации на правосознание и поведение несовершеннолетних.

Литература

1. Шкаев Д.Г. Вирусы разума, цифровая религия и мифология девиаций: социально-философское сопоставление // Социальные и гуманитарные науки. – 2020. – № 3. – С. 49–54.
2. Жадан В.Н. Девиантное поведение несовершеннолетних: формы предупреждения и коррекции // Юридическая наука. – 2021. – № 7. – С. 73–80.
3. Бутова М.В. Причины развития отклоняющегося поведения несовершеннолетних: коррекция и профилактика // Вестник Воронежского института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 271–274.
4. Набойченко Е.С. Психология отклоняющегося поведения подростков: монография. – Екатеринбург: Издатель Калинин Г.П., 2007. – 285 с.
5. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М.: Трикта: Акад. Проект; 2005. – 334 с.
6. Словари и энциклопедии на Академике. Толковый словарь Ожегова. Причина. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/978458> (дата обращения: 21.01.2022).
7. Словари и энциклопедии на Академике. Толковый словарь Ожегова. Условие. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3535/ (дата обращения: 21.01.2022).
8. Словари и энциклопедии на Академике. Толковый словарь Ожегова. Причинность. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/985/ (дата обращения: 21.01.2022).
9. Большой энциклопедический словарь. Фактор. – URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%A4%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0> (дата обращения: 21.01.2022).
10. Чем отличаются причины от условий? – URL: <https://questions.students-library.com/library/lecture/read/126583-cem-otlicayutsya-priciny-ot-uslovii> (дата обращения: 21.01.2022).
11. Шилова Т.А. Психодиагностика и коррекция детей с отклонениями в поведении. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 176 с.
12. Эльконин Б.Д. Психология развития: учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений. – 4-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 144 с.
13. Завражин С.А. Подростковая делинквентность: транскультуральная перспектива // Социологические исследования. – 1995. – № 2. – С. 125–131.
14. Лисина М.И. Формирование личности ребенка в общении. – СПб: Питер, 2009–209 с.

15. Дольто Ф. На стороне ребенка / пер. с франц.: Е.В. Боевская – ч. 1–2, О.В. Давтян – ч. 3–4.; науч. ред. В.Е. Каган. – СПб.: Изд-во «Петербург-XXI век», 1997. – 720 с.
16. Белобрыкина Е.А., Белобрыкина О.А. Специфика мотивации общения подростков с отклоняющимся поведением // Актуальные проблемы психологического знания. – 2014. – № 2. – С. 47–58.
17. Шнейдер Л.Б. Психология девиантного и аддиктивного поведения детей и подростков: учеб. и практ. для вузов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2021. – 219 с.
18. Кириллова Е.Б. Личностные психологические детерминанты предрасположенности подростков к девиантному поведению: дис. ... канд. псих. наук; СПб унт-т МВД России. – СПб, 2019. – 231 с.
19. Подростковый и юношеский возраст: проблемы становления личности / Х. Ремшмидт; пер. с нем. Г.И. Лойдиной; под ред. Т.А. Гудковой. – М.: Мир, 1994. – 319 с.
20. Вилкова А.В. Причины, условия, предпосылки, факторы возникновения и развития девиантного поведения несовершеннолетних // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2018. – № 2. – С. 28–30.
21. Дюркгейм Э. Самоубийство / Пер. с фр. А.Н. Ильинского. – Санкт-Петербург: Союз, 1998. – 494 с.
22. Мертон Р.К. Социальная теория и социальная структура / Пер. с англ. Е.Н. Егоровой и др. – М.: АСТ, Хранитель, 2006. – 873 с.
23. Степанова А.И. Профилактика девиантного поведения у младших школьников, оставшихся без попечения родителей: выпуск. квалиф. работа; Сиб. фед. ун-т. – Лесосибирск, 2019. – 66 с.
24. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учеб. и практ. для вузов. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во Юрайт, 2021. – 290 с.
25. Гофман И. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта / пер. с англ. Р.Е. Бумагина и др. – М.: Ин-т социологии РАН: Ин-т Фонда «Обществ. Мнение», 2003. – 750 с.
26. Воробьева К.А., Мишина М.М. Психологические особенности подростков, склонных к девиантному поведению (на примере российских и узбекских подростков) // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». – 2020. – № 4. – С. 176–139.
27. Смирнова С.И. Особенности образа я несовершеннолетних правонарушителей // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2014. – № 12. – С. 208–214.
28. Тигунцева Г.Н. Психология отклоняющегося поведения: учебник и практикум для вузов. – М.: Изд-во Юрайт, 2020. – 349 с.
29. Хагуров Т.А. Девиантное поведение подростков и молодежи: формы, причины, профилактика: учеб.-метод. пособие / Т.А. Хагуров и др. – Краснодар: Молодежный центр развития личности, КГУ, 2020. – 100 с.
30. Кожухова Е.М. Девиантное поведение как следствие воспитания семьи // Проблемы современной науки и образования. – 2020. – № 6–1 (151). – С. 84–87.
31. Власова Н.В. Гармонизация детско-родительских отношений как фактор профилактики интернет-зависимости в младшем школьном возрасте // Профилактика девиантного поведения детей и молодежи: региональные модели и технологии. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвящается 75-летию Гуманитарно-педагогической академии / под ред. В.В. Коврова. – Симферополь, 2019. – С. 41–45.
32. Шульга Т.И. Методика работы с детьми «группы риска» / Т.И. Шульга, В. Слот, Х. Спаниард. – М.: УРАО, 2001. – 124 с.
33. Kaplan H.B. Social class, self-derogation and deviant response // Soc Psychiatry. – 1978. – Vol. 13. – P. 19–28.

ON THE ANALYSIS OF THE CAUSES AND CONDITIONS THAT CAUSE THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF DEVIANT BEHAVIOR OF MINORS

Zhadan V.N.

Elabuga Institute Kazan (Volga Region) Federal University

The article offers an analysis of the causes and conditions that cause the emergence and development of deviant (deviant) behavior of minors based on the consideration of general theoretical provisions, scientific approaches and other materials on deviation, including individual research results, statistics and examples of socio-pedagogical practice and author's understanding. Scientific terms are defined and the types of causes, factors and conditions, the main mechanisms of the emergence and development of deviant behavior are considered. The material previously published by the author on the topic under consideration is used, the main approaches are given to explain the deviant behavior of minors based on the directions of socio-environmental, stigmatized, personality-flawed and socially incompetent development. According to the results of the study, it is concluded that the most productive for explaining the causes and conditions of the occurrence and development of deviant behavior of minors can be considered a socio-personal approach based on the application of the principle of complementarity of the interaction of personal and situational factors that combine biological, psychological, social and educational causes of deviations. At the same time, it is personal factors that determine deviant behavior, while situational factors act as a modulator and determine the variability with which personal characteristics manifest themselves.

Keywords: analysis, cause, condition, occurrence, development, deviant behavior, minors, consideration, position, approach, example, understanding.

References

1. Shkaev D.G. Mind viruses, digital religion and the mythology of deviations: socio-philosophical comparison // Social and humanitarian sciences. – 2020. – N3. – P. 49–54.
2. Zhadan V.N. Deviant behavior of minors: forms of prevention and correction // Legal Science. – 2021. – N7. – P. 73–80.
3. Butova M.V. Reasons for the development of deviant behavior of minors: correction and prevention // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – N2. – P. 271–274.
4. Naboychenko E.S. Psychology of deviant behavior of adolescents: a monograph. – Yekaterinburg: Publisher Kalinina G.P., 2007. – 285 p.
5. Schneider L.B. Deviant behavior of children and adolescents. – M.: Trikssta: Akad. Project; 2005. – 334 p.

6. Dictionaries and encyclopedias on the Academic. Ozhegov's Explanatory Dictionary. Reason. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/978458> (accessed: 21/01/2022).
7. Dictionaries and encyclopedias on the Academician. Ozhegov's Explanatory Dictionary. Condition. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/3535/ (accessed: 21/01/2022).
8. Dictionaries and encyclopedias on the Academic. Ozhegov's Explanatory Dictionary. Causality. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/985/ (accessed: 21/01/2022).
9. Large Encyclopedic dictionary. Factor. – URL: <https://gufo.me/dict/bes/%D0%A4%D0%90%D0%9A%D0%A2%D0%9E%D0%A0> (date of application: 21/01/2022).
10. What is the difference between the reasons and the conditions? – URL: <https://questions.students-library.com/library/lecture/read/126583-cem-otlicayutsya-priciny-ot-uslovii> (accessed: 21/01/2022).
11. Shilova T.A. Psychodiagnostics and correction of children with behavioral abnormalities. – M.: Iris-press, 2004. – 176 p.
12. Elkonin B.D. Psychology of development: studies. help. for students. higher. studies. establishments. – 4th ed., ster. – M.: Publishing center "Academy", 2008. – 144 p.
13. Zavrazhin S.A. Teenage delinquency: transcultural perspective // Sociological research. – 1995. – N2. – P. 125–131.
14. Lisina M.I. Formation of a child's personality in communication. – St. Petersburg: Peter, 2009. – 209 p.
15. Dolto F. On the side of the child / translated from French: E.V. Boevskaya – part 1–2, O.V. Davtyan – part 3–4.; scientific ed. V.E. Kagan. – St. Petersburg: Publishing house "Petersburg-XXI century", 1997. – 720 p.
16. Belobrykina E.A., Belobrykina O.A. Specifics of motivation of communication of adolescents with deviant behavior // Actual problems of psychological knowledge. – 2014. – N2. – P. 47–58.
17. Schneider L.B. Psychology of deviant and addictive behavior of children and adolescents: studies. and prakt. for universities. – 2nd ed., ispr. and add. – M.: Yurayt Publishing House, 2021. – 219 p.
18. Kirillova E.B. Personal psychological determinants of adolescents' predisposition to deviant behavior: dis. ... cand. psycho. Sciences; St. Petersburg unt-t of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – St. Petersburg, 2019. – 231 p.
19. Adolescence and adolescence: problems of personality formation / H. Remschmidt; trans. with German G.I. Loydina; edited by T.A. Gudkova. – M.: Mir, 1994. – 319 p.
20. VilkoVA A.V. Reasons, conditions, prerequisites, factors of the emergence and development of deviant behavior of minors // Penal enforcement system: law, economics, management. – 2018. – N2. – P. 28–30.
21. Durkheim E. Suicide / Translated from the French by A.N. Ilyinsky. – Saint Petersburg: Soyuz, 1998. – 494 p.
22. Merton R.K. Social theory and social structure / Translated from English by E.N. Egorova et al. – M.: AST, Keeper, 2006. – 873 p.
23. Stepanova A.I. Prevention of deviant behavior in younger schoolchildren left without parental care: issue. qualif. work; Sib. fed. un-T. – Lesosibirsk, 2019. – 66 p.
24. Kleiberg Yu.A. Psychology of deviant behavior: textbook. and prakt. for universities. – 5th ed., reprint. and additional. – M.: Yurayt Publishing House, 2021. – 290 p.
25. Hoffman I. Frame analysis: An essay on the organization of everyday experience / translated from English by R.E. Paperin et al. – M.: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences: Institute of the Foundation "Societies. Opinion", 2003. – 750 p.
26. Vorobyeva K.A., Mishina M.M. Psychological features of adolescents prone to deviant behavior (on the example of Russian and Uzbek adolescents) // Bulletin of the Russian State University. The series "Psychology. Pedagogy. Education". – 2020. – N4. – P. 176–139.
27. Smirnova S.I. Features of the self-image of juvenile offenders // Bulletin of Vyatka State University for the Humanities. – 2014. – N12. – P. 208–214.
28. Tiguntseva G.N. Psychology of deviant behavior: textbook and workshop for universities. – M.: Yurayt Publishing House, 2020. – 349 p.
29. Hagurov T.A. Deviant behavior of adolescents and youth: forms, causes, prevention: studies. – method. manual / T.A. Khagurov et al. – Krasnodar: Youth Center for Personality Development, KSU, 2020. – 100 p.
30. Kozhukhova E.M. Deviant behavior as a consequence of family upbringing // Problems of modern science and education. – 2020. – N6–1 (151). – P. 84–87.
31. Vlasova N.V. Harmonization of child-parent relations as a factor of prevention of Internet addiction in primary school age // Prevention of deviant behavior of children and youth: regional models and technologies. Collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference, dedicated to the 75th anniversary of the Humanitarian Pedagogical Academy / edited by V.V. Kovrov. – Simferopol, 2019. – P. 41–45.
32. Shulga T.I. Methods of working with children of "risk groups" / T.I. Shulga, V. Slot, H. Spaniard. – M.: URAO, 2001. – 124 p.
33. Kaplan H.B. Social class, self-derogation and deviant response // Soc Psychiatry. – 1978. – Vol. 13. – P. 19–28.

Институциональные ограничения расследования незаконного образования юридических лиц

Лапин Вячеслав Олегович,

кандидат юридических наук, доцент, Академия управления МВД России, начальник отдела научно-исследовательского центра
E-mail: lapin78@mail.ru

В настоящей статье рассмотрены **вопросы** использования «фирм-однодневок» как средства совершения и сокрытия преступлений в сфере экономики, так и самостоятельного направления криминального бизнеса. Представлена типичная преступная схема незаконного образования юридических лиц. Сделан вывод о негативном влиянии использования дистанционных способов образования юридических лиц и управления расчетным счетом организации на процесс установления организаторов преступной деятельности и доказывания их причастности. Проанализированы проблемы, возникающие в ходе расследования незаконного образования юридических лиц: при прекращении уголовных дел либо вынесении постановлений об отказе в их возбуждении по нереабилитирующим основаниям; приостановлении производства по уголовным делам; противодействии расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых), а также подставных лиц; организации профилактической работы следователя. На основании проведенного исследования сформулированы практические рекомендации, направленные на повышение эффективности расследованию преступлений рассматриваемой категории и его завершение в разумные сроки.

Ключевые слова: расследование преступлений, незаконное образование юридического лица, «фирма-однодневка», налоговые органы, подставное лицо, электронная подпись.

Значительная часть преступлений в сфере экономики, совершается с использованием незаконно образованных юридических лиц, в том числе для уклонения от уплаты налогов, незаконной банковской деятельности, легализации преступных доходов, хищения бюджетных средств, неправомерного возмещения налога на добавленную стоимость, мошенничества в сфере предпринимательской деятельности, совершения валютных операций и уклонения от репатриации денежных средств, а также сокрытия преступлений коррупционной направленности.

Только в 2020 году зарегистрировано 5805 преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ, по которым выявлено 770 лиц их совершивших. Однако расследованы уголовные дела лишь по 2088 преступлениям и только по 815 преступлениям направлены в суд. По 60% преступлений рассматриваемой категории производство по уголовным делам приостановлено по ч. 1 ст. 208 УК РФ, в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого, что свидетельствует об имеющихся сложностях в изобличении организаторов преступной деятельности.

В качестве негативной тенденции последних пяти лет следует отметить формирование практики выявления и расследования преимущественно незаконной деятельности подставных лиц, а преступная деятельность профессиональных регистраторов, обеспечивающих криминальный спрос на «фирмы-однодневки», нередко остается за рамками расследования.

Сложившаяся ситуация является результатом комплекса как объективных, так и субъективных факторов, среди которых следует отметить: упрощенный порядок регистрации юридических лиц, являющийся важным условием создания благоприятных условий ведения бизнеса в России; активное использование в преступных целях дистанционных способов образования юридических лиц и управления расчетным счетом организации; степень тяжести преступлений (небольшой или средней); система ведомственной оценки, ориентирующая на приоритетное выявление тяжких и особо тяжких экономических и коррупционных преступлений; низкий уровень профессионального мастерства лиц, обеспечивающих выявление и расследование подобных преступлений.

Столь широкое использование подобных организаций в преступной деятельности, а также наличие объективных сложностей, возникающих в процессе следственной практики, вызывает справедливый интерес к проблеме ученых-криминалистов.

К числу авторов, рассматривающих криминалистические аспекты незаконного образования юридического лица на доктринальном уровне следует отнести Милянову К.П.[4] и Назырову Н.А.[10], которые предметно исследовали вопросы расследования преступлений рассматриваемой категории. Имеются так же отдельные публикации и иных авторов, например, Варданяна А.В.[2, с. 56–61], Науменко О.А.[11, с. 36–40] и других[9, с. 191–197]. В рамках методического обеспечения расследования на ведомственном уровне разработаны и внедрены методические рекомендации и проводится анализ правоприменительной практики[1, 6, 7, 8].

Создание «фирм-однодневок» стало выступать не только как условие для сокрытия следов совершения иных более тяжких преступлений в сфере экономики (например, как часть незаконной банковской деятельности), но и как разновидность самостоятельной преступной деятельности. Все чаще выявляются факты массового незаконного образования юридических лиц (десятки и сотни организаций), осуществляемые группами лиц на профессиональной, системной основе в целях последующей продажи незаконно образованных юридических лиц.

Особенностью рассматриваемой категории преступлений выступает групповой характер их совершения, что обусловлено сложностью механизма преступления, его масштабностью и многоэтапностью, необходимостью вовлечения большого количества лиц. Около 60% выявленных лиц, уголовные дела о которых направлены в суд, совершили преступление в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной группы.

Условно типичная преступная схема незаконного образования юридических лиц включает, как правило, реализацию следующих действий:

- приискание (подбор и вербовка) лиц, согласных выступить подставными учредителями (участниками) юридических лиц при их образовании;
- изготовление документов, необходимых для образования (создания, реорганизации) юридических лиц и их государственной регистрации;
- инструктирование подставных лиц о правилах поведения в органе, осуществляющем государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при подаче документов, у нотариуса, и в банковских учреждениях при открытии расчетных счетов на незаконно образованные юридические лица;
- сопровождение подставных лиц в налоговый орган, к нотариусу и контроль их действий при подписании необходимых документов;
- обеспечение передачи документов созданных юридических лиц от подставных лиц организатору и оплаты услуг подставного лица;
- выполнение обеспечивающих работу схемы функций: поиск автотранспорта, подбор офисных помещений, оплата арендных и иных пла-

тежей, приобретение сим-карт и средств мобильной связи;

- обеспечение конспирации преступной деятельности, в том числе задействование курьеров при передаче и получении пакетов документов, легендирование мотивов создания при введении в заблуждение подставных лиц.

Анализ практики работы расследования преступлений рассматриваемой категории свидетельствует о возникновении новых проблемных вопросов, прежде всего, обусловленных использованием дистанционных способов совершения преступлений (поиск и общение с подставным лицом посредством сети Интернет, мессенджеров или телефонной связи (без визуального контакта); предоставление документов в регистрирующий орган через личный кабинет на сайте ФНС России или портал Госуслуг в форме электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью (УКЭП).

Создание «фирм-однодневок» в зависимости от содержания преступного замысла может рассматриваться как средство совершения и сокрытия более тяжких преступлений в сфере экономики либо как вид криминального бизнеса, заключающегося в продаже «фирм-однодневок» лицам, намеревающимся их использовать для организации незаконной банковской деятельности, хищения бюджетных денежных средств, уклонения от уплаты налогов (все чаще выявляются факты массового незаконного образования юридических лиц, осуществляемые группами лиц на профессиональной основе).

1.1. Незаконное образование юридических лиц для последующего использования в качестве средства совершения и сокрытия более тяжких преступлений в сфере экономики

Традиционно незаконное образование юридических лиц является первоначальным этапом организации незаконной банковской деятельности. От количества таких «фирм-однодневок» и открытых счетов в кредитных организациях зависит потенциальный объем обналичиваемых средств.

В качестве положительного примера приведем уголовное дело по обвинению группы лиц в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187, п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, которые в составе организованной группы в период с 2016 года по 2017 год получили доход в размере 29,7 млн рублей от осуществления незаконной банковской деятельности с использованием, изготовленных ими не менее 1699 поддельных распоряжений о переводе денежных средств, путем направления их для исполнения в кредитные учреждения, посредством системы «банк-клиент». В процессе незаконной банковской деятельности вышеуказанные лица, использовали подконтрольные им незаконно образованные 78 юридических лиц и 11 индивидуальных предпринимателей, соз-

данных без намерения осуществлять законную предпринимательскую или банковскую деятельность. Расследование по уголовному делу завершено и 17.08.2018 оно направлено в Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону для рассмотрения по существу [13].

Кроме того, «фирмы-однодневки» используются для хищения бюджетных средств путем совершения мошеннических действий. Так, в производстве СЧ СУ УМВД России по ЯНАО находилось уголовное дело возбужденное СО по г. Ноябрьску ЯНАО по факту совершения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.2, ч. 2 ст. 174.1, п. «а» ч. 3 ст. 174.1, ч. 1 ст. 173.1, ч. 2 ст. 173.2 УК РФ, заключающихся в хищении денежных средств Департамента экономики ЯНАО в сумме 2,9 млн рублей [3].

1.2. Незаконное образование юридических лиц как вид криминального бизнеса (в целях реализации третьим лицам)

Одним из наиболее показательных примеров выступает уголовное дело, возбужденное 15.09.2016 СУ УМВД России по городу Твери по обвинению Д., Л., Е., Ц., К., О. в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ.

Так, в ходе расследования установлено, что в период времени с 30.03.2015 по 26.01.2017 Л., являясь руководителем организованной группы, в состав которой вошли Л2., Е., Ц., К., О., на территории г. Твери осуществляла незаконную деятельность, направленную на образование юридического лица через подставных лиц, а также предоставление в орган, осуществляющий государственную регистрацию юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, данных, повлекших внесение в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставных лицах (всего 101 факт внесения изменений в ЕГРЮЛ на 47 подставных лиц).

В ходе расследования возник серьезный вопрос по квалификации действий лиц, совершивших преступление, организованной группой, хотя квалифицирующий состав ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, предусматривает совершение преступления только в составе группы лиц по предварительному сговору. Для его разрешения было организовано рабочее совещание в прокуратуре Тверской области по результатам которого рекомендовано квалифицировать действия указанных лиц по п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ, при этом в описательной части обвинения расписывая все признаки организованной группы.

Срок следствия составил более полутора лет, что было обусловлено необходимостью направления значительного количества запросов о предоставлении сведений из налоговых органов, находящихся на территории 5 субъектов Российской Федерации, обработкой и анализом большого объема информации и документов, в связи с ис-

следованием деятельности организованной группы за два года, необходимостью допроса более 80 свидетелей, проживающих на территории Тверской области и других субъектов Российской Федерации.

Все участники признаны виновными в совершении преступления в составе организованной группы [14].

Анализ практики расследования дел рассматриваемой категории показал, что остаются проблемы, с которыми продолжают сталкиваться сотрудники органов внутренних дел:

1) Прекращение уголовных дел либо вынесение постановлений об отказе в их возбуждении по нереабилитирующим основаниям.

На практике незаконное образование юридических лиц выявляется и расследуется спустя длительный период времени с момента его совершения. Кроме того, негативным фактором является и невысокая заинтересованность сотрудников подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России в проведении оперативных мероприятий по выявлению указанных преступлений, так как, с учетом критериев ведомственной оценки приоритетом является раскрытие тяжких и особо тяжких составов преступлений экономической и коррупционной направленности.

2) Приостановление производства по уголовным делам о преступлениях.

Основной сложностью, с которой сталкиваются следователи при расследовании указанных преступлений является отсутствие достоверных сведений о лицах, непосредственно организовавших совершение незаконных регистрационных действий через подставное лицо, отсутствие заинтересованности подставных лиц, получивших денежное вознаграждение, в сотрудничестве со следствием и даче правдивых показаний, избличающих организаторов. Зачастую регистрационные действия совершаются без ведома подставного лица, когда организатор преступления или связанные с ним лица, путем обмана, под каким-либо благовидным предлогом завладевают документами, удостоверяющими личность гражданина, которые в дальнейшем используют для образования юридического лица.

Вызывает сложности высокая конспиративность организаторов незаконно образованных юридических лиц, которые фактически совершая более тяжкие преступления (незаконная банковская деятельность, хищение бюджетных средств, уклонение от уплаты налогов), готовятся заранее, инструктируя подставных лиц, контактируют с ними опосредованно, осуществляя оформление и передачу документов подставным лицам через курьеров, либо под вымышленными именами, с использованием абонентских номеров, зарегистрированных на третьих лиц. Кроме этого, отсутствие оперативных разработок, предшествующих возбуждению уголовных дел указанной категории, снижает объем доказательной базы, что приводит к приостановлению расследования.

В отдельных случаях, фигуранты, создают формально-легитимные основания взаимодействия с подставными лицами, заключая с такими руководителями и учредителями договоры оказания юридических или иных услуг, тем самым легализуя свою деятельность.

Сформировалась тенденция к регистрации «фирм-однодневок» на подставных лиц через оформление на них электронных подписей. Получению услуги выдачи электронной подписи, как правило, предшествует лишь направление посредством электронных каналов связи (электронная почта, мессенджеры) сканов или фотографий паспорта и СНИЛСа. Механизм верификации того, что электронная подпись используется исключительно лицом, на которое она оформлена отсутствует, что открывает дополнительные возможности для совершения противоправных действий.

Примером использования электронной подписи, оформленной на подставное лицо, является уголовное дело по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ, возбужденное СЧ СУ УВД по СЗАО ГУ МВД России по г. Москве.

В ходе расследования установлено, что Б. с 03.09.2018 по 20.10.2018 за денежное вознаграждение дал неустановленному лицу согласие выступить в качестве подставного лица при регистрации ООО «В» и передал последнему паспорт для внесения сведений в ЕГРЮЛ. Неустановленным лицом от имени Б. подготовлено заявление на изготовление сертификата ключа проверки электронной подписи и вместе с копиями необходимых документов подано в ООО «А», сотрудники которого 03.09.2018 изготовили квалифицированный сертификат ключа на имя Б. и выдали его неустановленному лицу.

В дальнейшем неустановленное лицо изготовило заявление о государственной регистрации ООО «В», а также другие документы, подписанные электронной подписью, и направило их по электронным каналам связи в налоговый орган. 24.10.2018 осуществлена государственная регистрация ООО «В» с внесением записи в ЕГРЮЛ с указанием Б. как учредителя и генерального директора общества.

20.07.2020 уголовное дело направлено в суд, а Б. признан виновным с назначением ему наказания в виде обязательных работ [12], однако, лицо, совершившее преступление, предусмотренное ст. 173.1 УК РФ, в силу изложенных обстоятельств, установить не удалось.

При отсутствии сведений о лицах, организовавших регистрацию юридического лица на подставное лицо, и доказательств наличия связей между организаторами и подставными лицами, предварительного преступного сговора между ними, привлечь подставных лиц к уголовной ответственности за соучастие в совершении преступлений, предусмотренных ст. 173.1 УК РФ, представляется затруднительным.

Вместе с тем, не смотря на объективные трудности работу по установлению организаторов

незаконного образования юридических лиц целесообразно организовать путем: установления владельца электронной подписи; детального опроса (допроса) номинального учредителя (руководителя); анализа документов регистрационного дела «фирмы-однодневки»; опроса (допроса) нотариуса и сотрудников нотариальной конторы, изучения камер видеонаблюдения и т.п.; опроса (допроса) сотрудниками банков, в которых открыты банковские счета для «фирм-однодневок», изучения камер видеонаблюдения и т.п.

3) Активное противодействие расследованию со стороны подозреваемых (обвиняемых), а также подставных лиц.

Наиболее распространенной проблемой является отказ номинальных учредителей и руководителей организаций от первоначально данных объяснений, а также непризнание заподозренными в незаконном образовании организаций лицами своей вины. Разрешение данных проблем достигается путем производства очных ставок с подставными лицами, арендодателями офисных помещений и др., а также в ходе встречных проверок с контрагентами «фирм-однодневок» и изъятия документов при производстве обысков.

В качестве подставного следует рассматривать то лицо, которое осознает, что будет выступать фиктивным исполнительным органом и соглашается с этим (за денежное вознаграждение) или относится к этому безразлично (по просьбам лиц, состоящих с ним в родственных или дружеских отношениях), или само предложило «услуги» за определенную плату (являясь «массовым руководителем» или «массовым учредителем» и получая стабильный доход от фиктивного руководства несколькими юридическими лицами).

В ситуациях, когда предстоит общение с подставными лицами, необходимо предварительно подготовить план их допроса, разработать тактику его проведения (продумать перечень, последовательность и детализацию вопросов, формулировки полностью должны исключать возможность извлечения из них информации необходимой для ответа, при этом следует сохранить краткость и ясность вопросов, определить перечень уточняющих и поясняющих вопросов, использовать конкретные данные, содержащиеся в изъятых документах, и др.).

При решении вопроса об умысле подставного лица, обращать внимание на типовой, шаблонный характер ответов, его неосведомленность о процедуре регистрации и последующей деятельности организации, несоответствие (противоречие) показаний иным объективным доказательствам, добытым в ходе расследования.

Определенные сложности возникают в случаях, когда лица, организующие регистрацию юридических лиц, не участвуют лично в оформлении пакета документов, предоставляемых в налоговые органы. Как правило, документы оформляются и передаются подставным лицам через курьеров. Кроме того, принятыми мерами не удастся

установить местонахождение ряда граждан, являющихся учредителями и руководителями организаций (состоят на учете, как злоупотребляющие алкоголем и наркотическими средствами), что ведет к необходимости производства прослушивания телефонных переговоров, осмотра электронной почты, проведения дополнительных судебных экспертиз и очных ставок.

Организаторы преступной деятельности, зная внутренние требования налоговых органов к государственной регистрации юридических лиц и нотариальному заверению документов, проводят подробный инструктаж подставных лиц в целях исключения ситуаций разоблачения последних сотрудниками государственных органов.

4) Недостаточная профилактическая работа налоговых и правоохранительных органов, кредитных организаций, нотариусов, удостоверяющих центров, позволяет не только зарегистрировать организацию на подставное лицо, но и длительное время функционировать таким «фирмам-однодневкам», использовать их расчетные счета для обналичивания, транзитирования и незаконного вывода денежных средств за рубеж, сокрытия следов совершения иных экономических и коррупционных преступлений.

Анализ судебных решений показывает, что в отношении подставных лиц назначаются наказания в виде исправительных либо обязательных работ. Соответственно, столь «мягкая» мера наказания, не препятствует лицам совершать вновь преступления рассматриваемой категории, так как полученный таким образом незаконный доход является для них значительным.

В качестве положительного примера межведомственного взаимодействия при проведении проверок и передаче материалов, содержащих признаки незаконного образования юридических лиц, можно привести опыт УМВД России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре и УМВД России по Архангельской области[5, 15].

На основе такого взаимодействия осуществляется: предоставление данных, свидетельствующих о возможном факте незаконного образования юридического лица, в органы внутренних дел; привлечение сотрудников органов внутренних дел к проведению совместных проверочных мероприятий, а также обмен информацией о возбужденных уголовных делах либо принятых решениях о внесении записи о недостоверности сведений о подставном лице в ЕГРЮЛ или ЕГРИП.

Проблемной является ситуация, когда со стороны налогового органа при приеме документов для внесения в ЕГРЮЛ сведений о юридическом лице, не предпринимается достаточных действий, направленных на установление личности заявителя, его намерений осуществлять предпринимательскую деятельность в установленном законом порядке, не разъясняются уголовно-правовые последствия при предоставлении документа, удостоверяющего личность, если эти действия совершены для внесения в ЕГРЮЛ сведений о подставном

лице. Подобная ситуация возникает и у нотариусов, в кредитных организациях и удостоверяющих центрах. Однако в условиях возрастания роли дистанционных технологий, используемых при регистрации юридического лица и управлении его расчетным счетом традиционные формы профилактики имеют весьма ограниченный предел действия.

Анализ внесенных представлений показывает, что основными причинами, способствующими совершению преступлений, явилось формальное отношение к регистрационным действиям со стороны нотариусов и сотрудников налоговых инспекций.

Как правило, в целях профилактики таких преступлений следователями предлагается налоговым инспекциям проверять «подставных лиц» по базам данных, для выявления фирм, в которых данные лица уже являются участниками (учредителями) и директорами. При выявлении таких фактов проводить с подставными лицами более углубленное общение по разъяснению последствий регистрации их в качестве руководителей.

Кроме того, прослеживается негативная тенденция, в соответствии с которой при удостоверении подписей подставных лиц участвует одни и те же нотариусы. Также, из допросов подставных лиц следует, что нотариусы не разъясняют права и обязанности, не предупреждают о последствиях совершаемых нотариальных действий, что приводит к юридической неосведомленности лиц о последствиях, также при нотариальных действиях участвуют третьи лица, не являющиеся участниками удостоверяемых сделок. В связи с выявленными фактами, представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступлений, вносятся непосредственно нотариусам.

Проблемным остается факт массовой регистрации «фирм-однодневок» по одним и тем же юридическим адресам. То есть физические, юридические лица, индивидуальные предприниматели, сдающие помещения для получения коммерческой выгоды, имеют связи с представителями криминальных структур, занимающихся образованием юридических лиц через подставных лиц и получающих за это денежное вознаграждение.

В ходе допросов таких лиц, последние указывают на то, что к ним обращаются по объявлениям неизвестные им лица, данные которых, они не запоминают, с вопросом аренды нежилых помещений. После чего они выдают обратившемуся лицу гарантийное письмо, в котором указывается гарантия предоставления юридическому лицу нежилого помещения и заключения с ним договора аренды.

Поэтому требуется активизация профилактической работы с лицами, предоставляющими адреса для массовой регистрации, а именно: внесение в их адрес представлений о недопустимости заключения договоров аренды с неустановленными лицами в обход лиц, на имя которых регистри-

руются юридические лица; проведение обысков по месту нахождения офисов таких лиц для установления их аффилированности с организаторами преступной деятельности и привлечению к уголовной ответственности за соучастие; внесение представлений в налоговые органы для принятия мер налогового контроля в отношении указанных лиц.

Кроме того, профилактический эффект имеют следующий комплекс мер: своевременное выявление лиц, которые осуществляют подбор подставных лиц и профессионально на возмездной основе, оказывают услуги по обналачиванию денежных средств для представителей коммерческих, муниципальных, государственных организаций; изъятие всей документации, электронных носителей информации (системных блоков, ноутбуков, внешних накопителей информации, электронных подписей); анализ полученной информации и её направление в Росфинмониторинг для внесения организаций в соответствующие реестры в целях воспрепятствования возможным хищениям денежных средств (как в коммерческом, так и в государственном секторе), а также в налоговый орган для принятия мер налогового контроля, как в отношении «фирм-однодневок», выявленных в ходе вышеперечисленных мероприятий, так и в отношении организаций для пресечения незаконных финансовых операций, блокирования счетов «фирм-однодневок»; по результатам рассмотрения дел в судах, направление копий обвинительных приговоров в налоговый орган для принятия решения о ликвидации «фирм-однодневок».

Предложения и рекомендации по совершенствованию практики расследования незаконного образования юридических лиц. С целью повышения эффективности работы правоохранительных органов предлагается:

1. На системной основе осуществлять межведомственный информационный обмен по имеющимся проблемным вопросам профилактики и расследования преступлений, в том числе в рамках совещаний с участием сотрудников следственных и оперативных подразделений, отделов контроля регистрации и учета налогоплательщиков налоговых органов.
2. Рассматривать в качестве приоритета выявление «регистраторов», то есть лиц, на системной основе различными способами осуществляющих подбор подставных лиц – руководителей, в целях проверки их на причастность к совершению иных экономических преступлений, а также отработки их устойчивых связей.

В целях активизации работы по установлению лиц, выступающих в качестве профессиональных регистраторов и сбору максимально возможной информации, позволяющей установить их личности, необходимо на региональном уровне организовать обобщение информации (приметах лиц, автомобилях, местах встреч, используемых средствах мобильной связи, электронной почты, реквизитах банковских карт, ip-адресов с которых,

осуществлялось направление заявлений о регистрации, либо дистанционное управление расчетным счетом вновь созданной организации; адресах офисов и др. данные), получаемой при расследовании уголовных дел в отношении подставных лиц. Проводить эту работу в тесном взаимодействии с налоговыми органами.

3. Активно использовать возможности Росфинмониторинга по федеральным округам, направляя запросы о проведении анализа движения денежных средств по банковским счетам незаконно образованных юридических лиц, в том числе реорганизованных.
4. Уделять особое внимание сведениям, полученным в ходе расследования, об осуществлении мнимых операций с «фирмами-однодневками» бюджетными учреждениями, муниципальными унитарными предприятиями. Проводить проверочные мероприятия по данным фактам в установленном законом порядке.
5. С целью повышения профессионального уровня следователей проводить учебно-методические семинары по вопросам раскрытия и расследования преступлений указанной категории, а также обсуждению и обмену положительным опытом работы.
6. Принимать меры к установлению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений, вносить в порядке ч. 2 ст. 158 УПК РФ соответствующие представления, обеспечить направление представлений по всем окончанным уголовным делам и контроль их исполнения. В случае невыполнения законных требований следователя, инициировать процедуру привлечения виновных лиц к ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ.
7. Активизировать профилактическую работу участковых уполномоченных полиции на предмет разъяснения подучетному контингенту ответственности за участие в незаконной организации юридических лиц, а также недопустимости передачи третьим лицам оформленных электронных подписей. На системной основе проводить аналогичную работу в средних специальных образовательных учреждениях и образовательных организациях высшего образования ввиду вовлечения в незаконную деятельность представителей молодежи под предлогом обещаний ведения ими независимой предпринимательской деятельности, а также получения сверхдоходов, в ходе которой предупреждать о преступности подобных действий.

В завершении отметим, что выявленные особенности незаконного образования юридических лиц, рассмотренный положительный опыт и сформулированные рекомендации по повышению эффективности расследования позволят заинтересованными лицам глубже разобраться в проблеме и добиться положительных результатов работы в расследовании уголовных дел о преступлениях рассматриваемой категории.

Литература

1. Аналитический обзор с предложениями «Практика расследования преступлений, связанных с незаконным образованием юридического лица (ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ)». М.: Академия управления МВД России, Следственный департамент МВД России, 2019. 29 с.
2. Варданян А.В. Фиктивные организации как специфические криминальные средства совершения преступлений в сфере экономики: правовые и криминалистические аспекты // Вестник УЮИ. 2019. № 3 (85). С. 56–61.
3. Дело № 1–12/2022 по обвинению группы лиц, в совершении преступлений по ч. 4 ст. 159, ч. 4 ст. 159.2, ч. 2 ст. 174.1, п. «а» ч. 3 ст. 174.1, ч. 1 ст. 173.1, ч. 2 ст. 173.2 УК РФ. Салехардский городской суд Ямало-Ненецкого автономного округа // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
4. Малянова К.П. Методика расследования преступлений, связанных с незаконным образованием (созданием, реорганизацией) юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2018. 264 с.
5. Межведомственные методические рекомендации об организации взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов по вопросам пресечения деятельности «фирм-однодневок», связанной с осуществлением сомнительных финансовых операций. Ханты-Мансийск, 2018. 13 с.
6. Методические рекомендации «Особенности квалификации и расследования преступлений, предусмотренных статьями 173.1 УК РФ «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица» и 173.2 УК РФ «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица». М.: ВНИИ МВД России, 2017. 30 с.;
7. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных ст.ст. 173.1, 173.2 УК РФ. Уфа: ГСУ МВД по Республике Башкортостан, 2018. 12 с.;
8. Методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных ст.ст. 173¹ и 173² УК РФ. М.: Следственный департамент МВД России, 2013. 18 с.;
9. Можная А.А. Особенности обнаружения и изъятия цифровых следов в целях установления лиц, организующих незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица // В сборнике статей XI Международной научно-практической конференции: Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты. Пенза, 2021. С. 191–197.
10. Назырова Н.А. Совершенствование методики раскрытия, расследования и предупреждения незаконного образования (создания, реорганизации) юридического лица: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2021. 246 с.
11. Науменко О.А. Особенности возбуждения уголовного дела по факту незаконного образования юридического лица // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 1 (39). С. 36–40.
12. Приговор мирового судьи Судебного участка № 164 района Южное Тушино г. Москвы от 25.08.2020 по делу № 1–25/20 по обвинению Б. в совершении преступления по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ // Портал Единого информационного пространства мировых судей города Москвы. URL: <https://mos-sud.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
13. Приговор Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону по делу № 1–423/2018 в отношении группы лиц, обвиняемых в совершении преступлений по п.п. «а», «б» ч. 2 ст. 172, ч. 2 ст. 187, п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
14. Приговор Пролетарского районного суда г. Твери от 27.07.2018 по делу № 1–109/2018 по обвинении Л., Л2., Е., Ц., К., О. в совершении преступления по п. «б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ // ГАС «Правосудие». URL: <https://sudrf.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).
15. Приказ СУ СК России по Архангельской области и Ненецкому автономному округу, УМВД России по Архангельской области, УФСНС России по Архангельской области и Ненецкому автономному округу от 06.09.2021 № 110/709/01–04/142 «Об организации межведомственного взаимодействия при проведении проверок, передаче материалов, содержащих признаки налоговых преступлений и имеющих признаки незаконного образования юридических лиц».

INSTITUTIONAL LIMITATIONS ON THE INVESTIGATION OF ILLICIT FORMATION OF LEGAL ENTITIES

Lapin V.O.

Management academy of the Ministry of the interior of Russia

This article discusses the use of «fly-by-night companies» as a means of committing and concealing crimes in the economic sphere, as well as an independent direction of criminal business. A typical criminal scheme of illegal formation of legal entities is presented. The conclusion is made about the negative impact of the use of remote methods of formation of legal entities and management of the organization's settlement account on the process of identifying the organizers of criminal activity and proving their involvement. The problems that arise during the investigation of the illegal formation of legal entities are analyzed: when criminal cases are terminated or decisions are made to refuse to initiate them on non-rehabilitating grounds; suspension of criminal proceedings; opposition to the investigation by the suspects (accused), as well as nominees; organization of preventive work of the investigator. On the basis of the study, practical recommendations are formulated aimed at improving the efficiency of the investigation of crimes in this category and its completion within a reasonable time.

Keywords: investigation of crimes, illegal formation of a legal entity, «one-day firm», tax authorities, figurehead, electronic signature.

References

1. Analytical review with proposals «The practice of investigating crimes related to the illegal formation of a legal entity (Articles

- 173.1, 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation)». M.: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 29 p.
2. Vardanyan A.V. Fictitious organizations as specific criminal means of committing crimes in the economic sphere: legal and forensic aspects // Bulletin of the UJI. 2019. No. 3 (85). pp. 56–61.
 3. Case № . 1–12/2022 on charges against a group of persons of committing crimes under Part 4 of Art. 159, part 4 of Art. 159.2, part 2 of Art. 174.1, paragraph «a» part 3 of Art. 174.1, part 1 of Art. 173.1, part 2 of Art. 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Salekhard City Court of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug // GAS «Pravosudie». URL: <https://sudrf.ru/> (date of access: 01.10.2022).
 4. Malyanova K.P. Methodology for investigating crimes related to the illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity: dis. ... cand. legal sciences. Rostov-on-Don, 2018. 264 p.
 5. Interdepartmental guidelines on the organization of interaction between regulatory and law enforcement agencies on the suppression of the activities of «one-day firms» related to the implementation of dubious financial transactions. Khanty-Mansiysk, 2018. 13 p.
 6. Methodological recommendations «Peculiarities of qualification and investigation of crimes provided for by articles 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity» and 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation «Illegal use of documents for the formation (creation, reorganization) of a legal entity». M.: VNII MIA of Russia, 2017. 30 p.;
 7. Guidelines for the detection and investigation of crimes under Art. 173.1, 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Ufa: GSU MIA for the Republic of Bashkortostan, 2018. 12 p.;
 8. Guidelines for the investigation of crimes under Art. 173.1 and 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. M.: Investigative Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013. 18 p.;
 9. Mozhnaya A.A. Features of detection and seizure of digital traces in order to identify persons organizing the illegal use of documents for the formation (creation, reorganization) of a legal entity // In the collection of articles of the XI International scientific and practical conference: Jurisprudence in theory and practice: topical issues and modern aspects. Penza, 2021, pp. 191–197.
 10. Nazyrova N.A. Improving the methodology for disclosing, investigating and preventing illegal formation (creation, reorganization) of a legal entity: dis. ... cand. legal sciences. Irkutsk, 2021. 246 p.
 11. Naumenko O.A. Features of initiating a criminal case on the fact of illegal formation of a legal entity // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1 (39). pp. 36–40.
 12. Sentence of the Justice of the Peace of Judicial District № 164 of the Yuzhnoye Tushino District of Moscow dated 08.25.2020 in case № 1–25/20 on B.'s charge of committing a crime under Part 1 of Art. 173.2 of the Criminal Code of the Russian Federation // Portal of the Single Information Space of Magistrates of the City of Moscow. URL: <https://mos-sud.ru/> (date of access: 01.10.2022).
 13. Sentence of the Oktyabrsky District Court of Rostov-on-Don in case № 1–423/2018 against a group of persons accused of committing crimes under paragraphs. «a», «b» part 2 of Art. 172, part 2 of Art. 187, paragraph «b» part 2 of Art. 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // GAS «Justice». URL: <https://sudrf.ru/> (date of access: 10.01.2022).
 14. Sentence of the Proletarsky District Court of Tver dated July 27, 2018 in case № 1–109/2018 on charges of L., L2., E., Ts., K., O. of committing a crime under paragraph «b» part 2 tbsp. 173.1 of the Criminal Code of the Russian Federation // GAS «Pravosudie». URL: <https://sudrf.ru/> (date of access: 10.01.2022).
 15. Order of the Investigative Committee of the Investigative Committee of Russia for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug, the Russian Ministry of Internal Affairs for the Arkhangelsk Region, the Federal Tax Service of Russia for the Arkhangelsk Region and the Nenets Autonomous Okrug of 06.09.2021 № 110/709/01–04/142 inspections, transfer of materials containing signs of tax crimes and having signs of illegal formation of legal entities.

Совершенствование нормативного регулирования идентификации человека по признакам измененной внешности

Матюшкина Анастасия Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: m.valli79@mail.ru

Улайкина Юлия Сергеевна,

студент, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
E-mail: ul.1995@list.ru

Правовые последствия изменения внешности не получили широкого освещения в отечественной юридической науке. Предметом исследования стали ситуации правового и криминалистического вакуума, когда речь идет о необходимости поиска человека по признакам внешности в ситуации ее изменения с применением современных пластико-хирургических процедур. В качестве цели обозначена разработка предложений по внесению возможных изменений в действующее законодательство, криминалистические и судебно-экспертные методики, касающиеся регламентации действий и ожидаемых последствий по изменению внешности.

В качестве выводов авторами предложено следующее. Во-первых, закрепить законодательно и на уровне методик экспертных исследований понятие «существенного изменения внешности». Во-вторых, разработать саму методику оценки изменений внешности. В-третьих, нормативно закрепить положение о том, что в случае изменения внешности более чем на 75% проводить медицинскую экспертизу с целью идентификации лица, заключение которой может служить основным документом при решении вопроса о замене паспорта по данному основанию.

Методологической базой исследования стали методы сравнительного, статистического, правового анализа, а также метод ситуационно-криминалистического поиска.

Ключевые слова: габитоскопия, идентификация человека по признакам внешности, измененная внешность, замена паспорта, портретная идентификация.

В современном мире процедуры по изменению внешности уже не являются чем-то новым и удивительным. Если раньше людям было чуждо и страшно ложиться под нож хирурга, то в современных условиях изменение внешности приобрело массовый характер, что подтверждается огромным количеством статистических данных.

В настоящее время основным «поставщиком» статистической информации по исследуемой теме является Международное общество пластической и эстетической хирургии (ISAPS), по данным которого ежегодно в мире проводится около 17 млн операций по изменению внешности, при этом более половины из них подразумевают существенное изменение внешности посредством хирургического вмешательства. Кроме того, ISAPS отмечает, что с 2016 по 2019 год количество манипуляций с внешностью увеличилось более чем на 33% [5]. Разумно было бы предположить, что в период пандемии Covid-19 (2020–2021 г.), количество манипуляций с внешностью уменьшилось. Однако, как показывает статистика, этого не произошло. Более того, в период пандемии спрос на процедуры по изменению внешности вырос еще на 20%. Видя такую статистику невольно задаешься вопросом, чем же обусловлен рост операций по изменению внешности?

В научной литературе и в Интернет-пространстве есть огромный массив предполагаемых причин роста количества пластических операций, начиная от навязанного соцсетями стандарта красоты и заканчивая внутренними переживаниями человека относительно своей внешности. Хотелось бы остановиться на причинах, которые изложила в своей работе Т.А. Солодова. В качестве таковых автор рассматривает 1) относительную доступность операций по изменению внешности; 2) стремительное развитие этого направления медицины; 3) возрастающий спрос на услуги такого рода, причинами которого чаще всего является желание устранить либо свести к минимуму последствия перенесенной травмы; 4) психологические проблемы, связанные с недовольством собственной внешностью; 5) потребность публичных людей сохранить привлекательную внешность и т.д. Кроме того, она подчеркивает, что для криминалистики важной причиной изменения внешности является тот факт, что с помощью таких манипуляций повышается возможность преступника избежать уголовного преследования [9, с. 204]. По мнению же самих пластических хирургов, популярность процедур по изменению внешности возросла в связи с «желанием людей инвестировать в свой имидж».

Как уже можно было заметить, изменение внешности в настоящее время не является редким явлением. Изменяя внешность человек пытается решить ряд проблем, однако не всегда задумывается над предполагаемыми последствиями. Например, человек с измененной внешностью может столкнуться с проблемами, связанными с идентификацией его личности, а правоохранительные органы – с поиском и опознанием преступников. Следует отметить, что правовые последствия изменения внешности не получили широкого освещения в отечественной юридической науке. В связи с этим их рассмотрение является особо актуальным.

Прежде чем переходить к рассмотрению обозначенных проблем, необходимо определить, что подразумевает под собой изменение внешности.

Т.А. Солодова под изменением внешности понимает «совокупность индивидуальных, устойчивых, изменённых под влиянием естественных процессов либо в результате целенаправленного воздействия, характеристик внешности конкретного человека, способная отображаться в памяти людей и на материальных средствах фиксации» [9, с. 201].

В медицине операции по изменению внешности разграничены на 3 категории: 1) операции, связанные с исключительно медицинскими показаниями (к данной категории относятся операции, связанные, например, с восстановлением кожных покровов лица после обширных ожогов.); 2) операции, связанные с исключительно эстетическими представлениями пациента о собственной внешности (например, изменение контуров лица с эстетическими целями); 3) операции комплексного типа, производимые как по медицинским показаниям, так и с эстетическими целями (например, протезирование ушной раковины, ринопластика) [6, с. 17].

В криминалистике изменение внешности делят на два вида: патологическое и косметическое. Патологическое изменение внешности означает безвозвратное изменение лица, вызванное различными видами заболеваний организма. К таким заболеваниям относят: 1) акромегалию (проявляется в увеличении носа, ушей, нижней челюсти, толщины губ, надбровных дуг, скул и лица в целом); 2) стедиострофию (проявляется в виде опухоли, способной сместить глазное яблоко); 3) ринофиму (проявляется в виде значительного увеличения нижней части носа, появления на ней бугров, вследствие чего эта часть носа принимает уродливые очертания) [11, с. 115].

Косметическое изменение внешности означает искусственное изменение лица с целью скрыть врождённые аномалии лица или устранения последствий заболеваний, искажающих лицо человека. Косметическое изменение внешности предполагает применение методов косметической (пластической) операции, с помощью которых могут быть удалены морщины на лбу, веках, щеках, исправлены формы ушных раковин, изменена

форма носа, хирургически устранена «заячья губа» и т.д. Для данной работы интерес будут представлять именно косметические изменения.

В целях исследования проблем, связанных с изменением внешности человека, представляется целесообразным поделить их на две группы: первую группу будут составлять проблемы, связанные с защитой прав граждан, изменивших внешность, вторую группу – проблемы, связанные с поиском и опознанием преступников с измененной внешностью. Начать хотелось бы именно с первой группы проблем.

Как уже было отмечено, человек изменивший свою внешность, может даже не предполагать какие последствия принесет этот факт в его жизнь. При этом последствия могут быть как безобидными, так и весьма серьезными. Представим такую ситуацию: человек изменил внешность посредством пластической операции в другой стране, прошел реабилитацию, и, наконец, пришло время лететь домой, в свою страну. Однако все мы знаем, что для того, чтобы пересечь границу необходимо пройти стандартную процедуру, а именно паспортно-визовый контроль, суть которого заключается в проверке документов и удостоверении личности. Человек, изменивший внешность может не пройти данную процедуру, поскольку фото в его загранпаспорте не будет совпадать с действительной внешностью, в результате чего человек может быть задержан. В предложенных обстоятельствах человеку будет необходимо обратиться в российское консульство, находящееся на территории страны пребывания и ждать замены документов. В данном случае мы видим пример безобидного, но неприятного последствия. Стоит отметить, что такая ситуация в законодательстве никак не урегулирована.

Рассмотрим еще одну ситуацию, которая в том числе может вытекать и из первой проблемы. Данная ситуация связана с заменой паспорта гражданина Российской Федерации.

В настоящее время основным нормативно-правовым актом, регулирующим отношения по поводу выдачи, замены и утраты паспорта является Постановление Правительства РФ от 8 июля 1997 г. № 828 «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации». В данном акте закреплено, что основаниями для замены паспорта является: 1) достижение 20-летнего или 45-летнего возраста; 2) изменение гражданином в установленном порядке фамилии, имени, отчества, изменение сведений о дате (число, месяц, год) и/или месте рождения; 3) изменение пола; 4) непригодность паспорта для дальнейшего использования вследствие нарушения элементов защиты бланка паспорта, в результате которого невозможно установить подлинность такого бланка и обеспечить защиту от изменения нанесенной на него информации, повреждения, нарушающего целостность бланка паспорта (отсутствие страницы или

ее части, предназначенной для внесения отметок и (или) записей), и (или) износа (повреждения), при котором невозможно однозначно визуально определить наличие или содержание всех или отдельных указанных в паспорте сведений и реквизитов (фамилия, имя, отчество, дата (число, месяц, год) и (или) место рождения, пол, наименование органа, выдавшего документ, номер или серия документа, дата выдачи документа), машиночитаемой записи либо фотографии; 5) обнаружение неточности или ошибочности произведенных в паспорте записей; 6) и иные случаи, предусмотренные нормативными правовыми актами Российской Федерации [2].

Как можно заметить, изменение внешности как основание замены паспорта в данном акте не предусмотрено. Однако если зайти на официальный сайт МВД в сети Интернет или на портал «Госуслуги», то можно увидеть, что изменение внешности как основание замены паспорта гражданина РФ там предусмотрено. При этом указывается, что изменение внешности должно быть существенным. Возникают следующие вопросы: в каком нормативном акте предусмотрено данное основание и что подразумевает под собой существенное изменение внешности? Разберемся с поставленными вопросами.

В настоящее время существенное изменение внешности как основание для замены паспорта гражданина РФ предусмотрено подп. 11 п. 85 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации (утв. Приказом МВД России от 16.11.2020 № 773, зарегистрирован в Минюсте России 31.12.2020 № 62009) [3]. Несмотря на то, что в данном акте указанное основание закреплено, никакой его конкретизации там нет, а именно не указаны точные критерии существенного изменения внешности человека, которые могут или должны послужить причиной для замены паспорта. Отсутствие таких критериев означает, что только сам обладатель указанного документа может решить, следует ли его заменить по данному основанию или нет. Возникает некая коллизия.

При сложившейся ситуации сотрудники, занимающиеся вопросами замены паспорта гражданина РФ, не могут отказать лицу в замене паспорта по данному основанию. Тем не менее российское законодательство устанавливает уголовную ответственность для сотрудников паспортно-визовой службы за незаконную выдачу паспорта (ст. 292.1 УК РФ) [1], поэтому при оформлении паспорта они всегда должны быть уверены, что меняют паспорт именно тому человеку, который за данной услугой обращается. Возникает вопрос: как же сотруднику понять, что пришел именно Иванов И.И. (условно), а не Петров П.П., ведь внешность изменена, причем существенно?

Чтобы разобраться с данным вопросом необходимо снова обратиться к вышеуказанному Административному регламенту. Данный акт приводит исчерпывающий перечень документов, необходимых для предоставления государственной услуги по замене паспорта. К ним относятся: заявление, свидетельство о рождении, две личные фотографии, а также документы, необходимые для предоставления обязательных отметок в паспорте (например, документы воинского учета; свидетельства о заключении/ расторжении брака; свидетельства о рождении детей, не достигших 14-летнего возраста), реквизиты квитанции об уплате государственной пошлины [3].

Логично было бы предположить, что для того, чтобы удостовериться действительно ли человек изменил внешность, сотрудникам необходимо требовать от таких лиц медицинские документы (в частности, в них могут быть указаны отличительные особенности, наличие шрама и т.д., то есть то, что помогло бы им идентифицировать человека). Однако, как можно заметить, медицинские документы не входят в вышеуказанный перечень. Более того, документы медицинского характера не упомянуты и в перечне документов, представление которых отнесено Административным регламентом на усмотрение самого заявителя.

Подобный пробел в законодательстве порождает последствия как для самого лица, чей паспорт подвергается замене, так и для сотрудника, занимающегося заменой указанного документа.

Представим следующую ситуацию: человек пришел менять паспорт в связи с изменением внешности, при этом он предоставил только те документы, которые необходимы с точки зрения вышеуказанного Административного регламента. Сотрудник ему документ заменил, а в результате выяснилось, что этот человек – мошенник, а все документы (в том числе паспорт, который в дальнейшем заменили), который он предоставил были найдены им на улице. В результате такой замены, он оформил множество кредитов на лицо, чей паспорт был заменен.

В данном примере мы видим, что последствия будут как для лица, чей паспорт подвергся замене, так и для сотрудника, который осуществил такую замену, весьма неприятными. И вызваны они отсутствием в законодательстве точных критериев существенного изменения внешности человека и необходимости предоставления медицинских документов.

Решение данной проблемы видится в следующем. Во-первых, закрепить понятие «существенного изменения внешности». Во-вторых, определить методику оценки изменений внешности. В-третьих, в случае изменения внешности более чем на 75% проводить медицинскую экспертизу с целью идентификации лица, заключение которой может служить основным документом при решении вопроса о замене паспорта по данному основанию.

Разобравшись с первой группой проблем, необходимо перейти к рассмотрению проблем вто-

рой группы. Напомним, что вторую группу составляют проблемы поиска и опознания преступников с измененной внешностью. В рамках данной группы будут раскрыты два вопроса – предъявление для опознания лиц с измененной внешностью и портретная идентификация лиц с измененной внешностью.

Относительно вопроса о предъявлении для опознания лиц с измененной внешностью поясним следующее. Несмотря на то, что данная тема изучена в научной литературе практически до мельчайших подробностей, один момент остался незатронутым.

Когда мы говорим об осуществлении соответствующего следственного действия с лицом, не подвергшимся пластическим операциям (или с наличием небольших пластических изменений, не меняющих внешность существенно), то никаких вопросов и затруднений по поводу проведения такого следственного действия у квалифицированных дознавателей и следователей не возникает. Однако когда лицо меняет свою внешность существенно даже у опытных специалистов может возникнуть ряд вопросов и трудностей, о чем и будет сказано в рамках исследования данной проблемы.

Как отмечает в своей работе И.Н. Усков, такая проблема может быть вызвана ситуацией, когда опознающее лицо не сможет узнать субъекта, причастного к событию преступления [10, с. 135]. В этом случае, достоверность результатов опознания будет сомнительна, тем самым негативно скажется на результатах предварительного следствия и может привести к прекращению расследования данного уголовного дела.

Решение подобной проблемы видится в разработке методических рекомендаций по производству опознания лиц, изменивших внешность.

Т.А. Солодова, например, предлагает в качестве одной из рекомендаций рассмотреть возможность введения дополнительных этапов на подготовительной стадии производства опознания [9, с. 201].

Одним из таких этапов является этап «изучения обстоятельств, свидетельствующих о виде и уровне изменения внешности», который будет предшествовать допросу опознающего и результатом которого будет являться определение наличия либо отсутствия оснований производства предъявления для опознания. Субъект расследования на данном этапе должен определить изменялись ли элементы, которые наиболее отчетливо запомнились наблюдателю. Для этого, по мнению Т.А. Солодовой, ему необходимо совершить ряд действий: 1) оценить возможность возникновения естественных изменений внешности опознаваемого лица (в случае, если прошло значительное количество времени после совершения преступления); 2) провести освидетельствование опознаваемого с целью выявления возможного наличия признаков, свидетельствующих об изменении внешности; 2.1) в случае их наличия провести допрос с целью выявления фактов, свидетельству-

ющих об обнаруженных признаках измененной внешности, а также запросить медицинские документы из учреждения, оказавшего данному лицу услуги по изменению внешности о проведенных процедурах; 3) осуществить поиск фотографии лица до момента изменения внешности и приобщить его к уголовному делу [9, с. 206]. Указанный подход позволит получить необходимую и процессуально зафиксированную информацию для реализации следующего этапа рассматриваемой стадии.

Второй этап, который выделил автор – «соотнесение содержания показаний потенциального опознающего с информацией о виде и степени изменения внешности». По задумке Т.А. Солодовой, он будет проводиться после допроса опознающего и будет заключаться в сравнении содержания описанного в показаниях опознающего лица мысленного образа с видом изменения и его закономерными последствиями. Результатом такого сравнения может быть установление следующих ситуаций: 1) изменению подвергались элементы, не упомянутые опознающим лицом в ходе допроса; 2) изменялись элементы внешности как названные, так и не названные в процессе допроса; 3) осуществлены изменения тех элементов внешности, которые наиболее полно запомнились опознающему. Установления результата весьма важно, так именно от него будет зависеть доказательственное значение данного следственного действия [9, с. 205].

Мы поддерживаем предложение Т.А. Солодовой по внесению данных этапов, поскольку их внедрение действительно предостережет субъектов расследования от вышеуказанной ситуации и значительно поспособствует в расследовании уголовного дела. Кроме того, предлагаем дополнить ее предложение привлечением специалиста в области габитоскопии и портретной экспертизы, специальные познания которого могут сыграть ключевую роль в идентификации лица с измененной внешностью.

Однако и у специалиста в области распознавания признаков внешности человека могут возникнуть объективные трудности при работе с измененной внешностью. Например, проблема связана с составлением фоторобота. В настоящее время, как отмечает Т.С. Растатурова, методика составления фоторобота устарела и не соответствует современным реалиям. В частности, она указывает на то, что фотороботы составляются без учета современных возможностей изменения внешности, что негативно влияет на процесс поиска лица на основании указанного портрета [8, с. 1098].

В данном случае речь идет о следующих ситуациях: представим, что необходимо найти преступника, заведомо зная, что у него вследствие пластической операции на подбородок появилась ярко выраженная асимметрия лица. При составлении словестного портрета у лица его составляющего просто не будет такой характеристика (наброска, макета элемента такой внешности) чтобы составить портрет, в результате чего он не будет достоверным.

Решение вышеуказанной проблемы видится в более широком использовании современных достижений медицины в габитоскопии и их внешнего проявления в анатомических признаках. В частности, необходимо дополнять программы фотороботов макетами изменившихся в ходе пластических операций и косметических процедур (например, контурная пластика губ) элементов внешности человека.

Хотелось бы еще затронуть проблему, связанную с внедрением высокотехнологичных процессов в криминалистическую действительность. Ни для кого не секрет, что в настоящее время весьма успешно функционируют системы автоматического распознавания лиц, более того, они активно внедряются в повседневную жизнь человека. Автоматическая система распознавания лица представляет собой систему, позволяющую автоматически идентифицировать или верифицировать человека по фото, видео или вживую. Для распознавания используют искусственные нейросети, которые считывают и анализируют уникальные черты человеческого лица, а затем сверяют их с базой. Такие системы, как правило, используются правоохранительными органами для поиска преступников, их устанавливают в местах массового скопления людей (метро, аэропорты и т.д.) с целью обеспечения безопасности, а также применяют для поиска пропавших детей. Это только лишь часть задач, которые решаются с помощью данных систем. Тем не менее для данного исследования интерес составляет применение таких систем именно для поиска преступников.

Во многих исследованиях, в частности, в работах С. Филатовой и Е. Быкадоровой, подчеркивается неэффективность систем «умного» видеонаблюдения для поиска преступников с измененной внешностью. По мнению авторов, для того, чтобы автоматическая система распознавания лица тебя не идентифицировала достаточно изменить всего один элемент внешность – нос (расширить его или же изменить спинку носа) [4, с. 68].

Кроме того, с внедрением подобных систем встал вопрос, как можно «обойти» видеораспознавание без применения пластических операций. Так, например, IT-специалистом компании «Яндекс» был разработан грим, который помогает обмануть такую систему, а вьетнамские специалисты установили, что обмануть видеораспознавание можно надев всего лишь 3D-маску. Такие маски разработаны специалистами из Великобритании и Японии. Они были названы «гиперреалистичными», поскольку в точности копировали человеческое лицо. Интересным является тот факт, что в 2015 году в такой маске преступник из Великобритании обманул людей на миллионы фунтов. В настоящее время отмечают, что продажа гиперреалистичных масок может привести к их использованию не только для сокрытия лица от вышеназванных систем, но и в преступных целях [4, с. 69].

Подводя итог, хотелось бы еще раз отметить, что изменение внешности посредством медицинских операций уже не новелла современного ми-

ра, а обыденная реальность. Потребность в пластической хирургии возросла так быстро, что правовая регламентация этой сферы деятельности человека в который раз осталась позади.

С последствиями измененной внешности сталкиваются как сами люди, прибегшие к медицинскому вмешательству (например, при замене паспорта или прохождении паспортно-визового контроля), так и правоохранительные органы (например, субъекты расследования при проведении следственного действия). Не справляются с задачей идентификации человека по признакам измененной внешности и современные системы автоматического распознавания лиц. Пути решения указанных проблем есть, и отдельные из них нами указаны, а значит, решить их можно, и разработать соответствующие механизмы регламентации изученных процессов должны ведомственные органы и сам законодатель.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021) // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Постановление Правительства РФ от 08.07.1997 № 828 (ред. от 15.07.2021) «Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации, образца бланка и описания паспорта гражданина Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ. 1997». № 28. Ст. 3444.
3. Приказ МВД России от 16.11.2020 № 773 «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 31.12.2020 № 62009)
4. Быкадорова Е.В. Влияние следов пластических операций на лице при розыске преступников // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 3. С. 67–71.
5. Глобальная статистика ISAPS// ISAPS [Электронный ресурс]. URL: <https://www.isaps.org/medical-professionals/isaps-global-statistics/> (дата обращения: 23.10.2021).
6. Карпов О.Э., Епифанов С.А., Христофорова Е.И. Цифровые технологии идентификации личности: правовые последствия изменения внешности вследствие медицинских процедур // Вестник Национального медико-хирургического Центра им. Н.И. Пирогова. 2018. № 1. С. 16–18.
7. Не только девушки: Что главное в пластической хирургии – бизнес, красота, медицина? //

Коммерсантъ, 03.12.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4576823> (дата обращения: 28.10.2021)

8. Растатурова Т.С. Особенности криминалистического исследования внешности человека / Т.С. Растатурова // Молодой ученый. 2015. № 11 (91). С. 1098–1100.
9. Солодова Т.А. Особенности следственной идентификации лиц с измененной внешностью // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 201–207.
10. Усков И. Н. О влиянии косметической коррекции внешности на идентификацию личности при производстве опознания и судебно-портретной экспертизы. // Энциклопедия судебной экспертизы: Научно-практический журнал. 2017. № 2 (13) С. 131–136.
11. Фокин Е.С. Влияние фотографических факторов на отображение признаков внешности // Вестник ХГУ им. Н.Ф. Катанова. 2017. № 19. С. 114–116.

IMPROVING THE NORMATIVE REGULATION OF HUMAN IDENTIFICATION ON THE BASIS OF ALTERED APPEARANCE

Matyushkina A.V., Ulaykina Yu.S.

Middle Volga Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The legal consequences of a change in appearance have not received wide coverage in domestic legal science. The subject of the study was the situation of a legal and forensic vacuum when it comes to the need to search for a person by signs of appearance in a situation of its change using modern plastic-surgical procedures. The goal is to develop proposals for introducing possible changes to the current legislation, forensic and forensic methods related to the regulation of actions and the expected consequences of changing the appearance.

The authors suggest the following as conclusions.

First, to legislate and at the level of expert research methods the concept of "significant change in appearance". Secondly, to develop the very methodology for assessing changes in appearance. Thirdly, to fix the normative provision that in case of a change in appearance by more than 75%, conduct a medical examination in order to identify a person, the conclusion of which can serve as the main document when deciding whether to replace a passport on this basis.

The methodological basis of the study was the methods of comparative, statistical, legal analysis, as well as the method of situational forensic search.

Keywords: habitoscopy, identification of a person based on appearance, altered appearance, replacement of a passport, portrait identification.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on July 1, 2021) (as amended and supplemented, effective from August 22, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 06/17/1996, No. 25, art. 2954.
2. Decree of the Government of the Russian Federation of July 8, 1997 No. 828 (as amended on July 15, 2021) "On approval of the Regulations on the passport of a citizen of the Russian Federation, a sample form and description of a passport of a citizen of the Russian Federation" // "Collected Legislation of the Russian Federation. 1997". No. 28. Art. 3444.
3. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated November 16, 2020 No. 773 "On approval of the Administrative Regulations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for the provision of public services for the issuance, replacement of passports of a citizen of the Russian Federation, proving the identity of a citizen of the Russian Federation on the territory of the Russian Federation" (Registered with the Ministry of Justice of Russia on December 31 .2020 No. 62009)
4. Bykadorova E.V. Influence of traces of plastic surgery on the face in the search for criminals // Interdisciplinary research: the experience of the past, the possibilities of the present, the strategies of the future. 2021. № 3. pp. 67–71.
5. Global statistics ISAPS// ISAPS [Electronic resource]. URL: <https://www.isaps.org/medical-professionals/isaps-global-statistics/> (accessed 23.10.2021).
6. Karpov O.E., Epifanov S.A., Khristoforova E.I. Digital technologies for personal identification: legal consequences of changes in appearance due to medical procedures. Bulletin of the National Medical and Surgical Center. N.I. Pirogov. 2018. No. 1. pp. 16–18.
7. Not only girls: What is the main thing in plastic surgery – business, beauty, medicine? // Kommersant, 03.12.2020. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4576823> (date of access: 28.10.2021).
8. Rastaturova T.S. Features of forensic research of human appearance / T.S. Rastaturova // Young scientist. 2015. No. 11 (91). pp. 1098–1100.
9. Solodova T.A. Features of the investigative identification of persons with a changed appearance // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 1. pp. 201–207.
10. Uskov I.N. On the influence of cosmetic correction of appearance on the identification of a person in the production of identification and forensic portrait examination. // Encyclopedia of Forensic Science: Scientific and Practical Journal. 2017. No. 2 (13) pp. 131–136.
11. Fokin E.S. Influence of photographic factors on the display of signs of appearance // Bulletin of KhGU im. N.F. Katanov. 2017. No. 19. pp. 114–116.

Правовое регулирование сокращения выбросов от автотранспорта в атмосферу (на примере Норвегии)

Джандубаева Татьяна Зурабовна,

кандидат географических наук, кафедра земельного и экологического права, Российский университет дружбы народов
E-mail: dzhandubaeva_tz@rudn.ru

Ерофеева Карина Юрьевна,

ассистент, кафедра земельного и экологического права, Российский университет дружбы народов
E-mail: erofeeva_kyu@rudn.ru

Мовсесова Виктория Валерьевна,

кандидат географических наук, кафедра земельного и экологического права, Северо-Кавказской федеральный университет
E-mail: viktoriya-movsesova@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению правового регулирования сохранения качества окружающей среды, в частности проблеме изменения климата в Норвегии. Актуальность решения проблемы постоянной нагрузки на атмосферу и, как следствие, климатических изменений, является основной для всех стран, поскольку затрагивает государственную и общественную безопасность. Нагрузка, оказываемая транспортными средствами на атмосферу, несет разрушительный характер и представляет угрозу для устойчивого развития территории и требует четких решений по этому вопросу. В тексте статьи охарактеризована правовая модель национального регулирования выбросов в атмосферу в Норвегии, включая Национальный транспортный план Норвегии и План действий Норвегии по борьбе с изменением климата. Анализ которых дает понимание целей, задач, методов реализации, ограничений на выбросы, мониторинг и контроль качества атмосферного воздуха, правовые последствия несоблюдения норм документов на период до 2033 года.

Ключевые слова: нормативный акт, изменение климата, Норвегия, загрязнение, окружающая среда, транспорт.

Тенденция стремительного увеличения антропогенной нагрузки на компоненты окружающей среды становится все более значимой в современном мире, в связи с чем актуальность регулирования этих процессов в правовом поле крайне важна как на международном, так и национальном уровне. Хозяйственная деятельность человека оказывает огромное влияние на изменение состава воздуха, в результате чего происходит нарушение природного соотношения кислорода и углекислого газа.

Проблема изменения климата рассматривается большинством государств, как приоритетная задача, для решения которой применяются различные механизмы, однако основа регулирования этого вопроса-нормативный акт.

Климатические изменения могут нести разрушительный характер и необратимые последствия для экологической, экономической, социальной, политической и иных сфер жизни общества. Повышение температур приводит к смещению границ природных зон, затоплению прибрежных населенных пунктов, увеличению миграционных потоков населения, ущербу для сельского хозяйства, нехватке пресной воды и продовольствия, изменению флоры и фауны и иным неблагоприятным последствиям на глобальном и региональном уровне.

Изменение газового состава атмосферы, озонового слоя, радиационное загрязнение приобретают неоспоримую значимость для всего населения земного шара и не зависят от национальных границ государств, но нельзя преуменьшать высокое значение действий, предпринимаемыми каждой страной в рамках внутреннего решения проблемы.

Антропогенные процессы в атмосфере обусловлены различными факторами, высокий процент в увеличение выбросов углекислого газа вносит автомобильный транспорт в результате сжигания топлива. При работе автомобильного двигателя в воздух с выхлопными газами поступает огромное количество вредоносных примесей: углекислый газ, угарный газ, оксиды азота, альдегиды, углеводороды и другие. Все это приводит к тому, что многие страны уже сейчас столкнулись с неблагоприятными последствиями изменения климата. Эта проблема характерна и для Норвегии, особенно ярко это проявляется в северных ре-

гионах. Однако действия государства для минимизации такого негативного воздействия носят незамедлительный характер и представлены рядом эффективно работающих документов [3].

Согласно исследованиям, проведенным в Норвегии в 2020г, одним из крупнейших источников выбросов парниковых газов по стране является транспорт. В Климатическом плане на 2021–2030 г. на транспортный сектор отводится почти 1/3 всех выбросов парниковых газов в Норвегии. В данный показатель были отнесены выбросы от транспортных средств, в том числе от внутреннего судоходства и рыболовства, внутренней авиации и железных дорог.

К основным нормативно-правовым документам в данной сфере можно отнести: Национальный транспортный план на 2022–2033г, План действий по борьбе с изменением климата (он же Климатический план).

В соответствии с Планом действий по борьбе с изменением климата Правительство к 2030[1] предполагает ряд конкретных мер в отношении автомобильного, водного, воздушного и железнодорожного транспорта. К таким мерам можно отнести повышение налогов на не квотируемые выбросы в транспортном секторе, обеспечение стимулирующей политики для поэтапного внедрения решений с нулевым уровнем выбросов автотранспортных средств. В рамках поэтапного перехода на нулевой или около нулевые уровни к 2025 г. запланирован переход на соответствующие автомобильные транспортные средства. Так, согласно статистическим данным, в 2020 году впервые более 50% проданных новых автомобилей были электромобилями [1]. В общей сложности примерно 10% автомобилей на норвежских дорогах являются электромобилями, и планируется, что это число будет продолжать расти по мере роста продаж электромобилей.

В 2021г Правительство Норвегии одобрило новый Национальный транспортный план на 2022–2033 [1]. Для разработки действующего транспортного плана привлекались транспортные компании, Норвежская железнодорожная организация, Норвежская береговая администрация и ряд других. К особенности нового национального транспортного плана можно назвать его экологическую направленность, которая способствуют достижению климатических и экологических целей страны. Руководящие принципы, изложенные в Плане действий по борьбе с изменением климата приняты в качестве основы для работы по сокращению выбросов парниковых газов в транспортном секторе.

Действующий национальный транспортный план пришел на смену Национальному транспортному плану на 2018–2029, в котором уже были закреплены целевые показатели для различных транспортных средств. Целевые показатели Национального транспортного плана на 2018–2029 годы сохранились:

- к 2025 году новые легковые автомобили и легкие фургоны должны стать автомобилями с нулевым уровнем выбросов;
- новые городские автобусы будут с нулевым уровнем выбросов или будут работать на биогазе в 2025 году;
- к 2030 году 75% новых автобусов дальнего следования и 50% новых грузовиков должны быть с нулевым уровнем выбросов.

Особенное внимание уделяется развитию автомобильного сектора, на который в текущий период приходится большая часть перевозок внутри страны. Прогнозируется, что к 2050 г. рост автомобильного транспорта возрастет на 28%, а общий рост общественного транспорта, к которому отнесли автобусы, поезда и водные средства, на 18%.

К дополнительным мерам можно отнести реализацию политики по стимулированию населения к выбору экологически безопасных видов транспорта. В Норвегии покупка автомобилей с нулевым уровнем выбросов должна быть экономически более выгодной, чем покупка обычных автомобилей.

Необходимо отметить значение общественного транспорта в Плане [2], а также районное и транспортное планирование. В 2020 г зафиксировано значительное количественное увеличение электрических городских автобусов, несмотря на несовершенство технологий в отношении автобусов дальнего следования. Развитие сетей общественного транспорта, закупка транспортных средств с около нулевыми или нулевыми выбросами, должно позитивно сказаться на показателях, направленных на снижение парниковых газов.

Несколько городов (например, Осло и Берген) в форме пилотных проектов также хотят создать зоны с нулевым уровнем выбросов, чтобы сократить выбросы парниковых газов. В зонах с нулевым уровнем выбросов будет запрещено движение по дорогам автомобилей, работающих на ископаемом топливе, но будет разрешено использование транспортных средств, работающих на альтернативных двигателях (работа на водороде, биогазе или электричестве).

Литература

1. Национальный транспортный план на 2022–2033 г <https://www.regjeringen.no/contentassets/fab417af0b8e4b5694591450f7dc6969/no/pdfs/stm202020210020000dddpdfs.pdf> (Дата обращения 01.02.2022)
2. План действий по борьбе с изменением климата <https://www.regjeringen.no/contentassets/202fec60ac844d4ca7d53d65b6b9ac9c/alle-regjeringa-vil-punkt-i-meldinga.pdf> (Дата обращения 01.02.2022)
3. Авдеева Т.Г. Международно-правовые проблемы в связи с изменением климата// Международное экологическое право.-М.: СТАТУТ, 2012.

LEGAL REGULATION OF REDUCING EMISSIONS FROM VEHICLES INTO THE ATMOSPHERE (USING THE EXAMPLE OF NORWAY)

Dzhandubaeva T.Z., Erofeeva K. Yu., Movsesova V.V.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), North-Caucasus Federal University

The article is devoted to the consideration of the legal regulation of environmental quality preservation, in particular, the problem of climate change in Norway. The urgency of solving the problem of constant pressure on the atmosphere and, as a consequence, climate change, is the main one for all countries, since it affects state and public security. The load exerted by vehicles on the atmosphere is destructive and poses a threat to the sustainable development of the territory and requires clear decisions on this issue. The text of the article describes the legal model of national regulation of emissions into the atmosphere in Norway, including the Norwegian National Transport Plan and the Norwegian Action Plan to Combat Climate

Change. The analysis of which gives an understanding of the goals, objectives, methods of implementation, restrictions on emissions, monitoring and control of atmospheric air quality, the legal consequences of non-compliance with the norms of documents for the period up to 2033.

Keywords: regulatory act, climate change, Norway, pollution, environment, transport.

References

1. National Transport Plan for 2022–2033 <https://www.regjeringen.no/contentassets/fab417af0b8e4b5694591450f7dc6969/no/pdfs/stm202020210020000dddpdfs.pdf>
2. Action plan to combat climate change <https://www.regjeringen.no/contentassets/202fec60ac844d4ca7d53d65b6b9ac9c/alle-regjeringa-vil-punkt-i-meldinga.pdf>
3. Avdeeva T.G. International legal problems in connection with climate change// International Environmental Law.-M.: STATUTE, 2012.

Процессы цифровизации в международном арбитраже: на примере Индонезии

Купчина Екатерина Валентиновна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов
E-mail: belousova_ev@pfur.ru

Современные достижения в области науки и технологий внесли множество изменений в образ жизни современного человека. Рядовые бизнес-операции, которые выполняются вручную, заменяются онлайн-транзакциями, которые могут быть выполнены мгновенно с использованием Интернета.

В настоящее время процесс коммуникации может осуществляться путем простого прикосновения к экрану. Однако использование большинства современных технологических достижений способствует увеличению числа юридических споров, в том числе, разрешаемых при помощи процедур арбитража. Одним из прорывных направлений в области технологических достижений является разработка и применение технологии искусственного интеллекта. Активное использование данной технологии в системе урегулирования споров способствует значительному снижению нагрузки на юристов-практиков, в том числе, в международном арбитраже. Использование цифровых технологий в процедурах арбитража, в том числе искусственного интеллекта, способствует не только сокращению времени на подготовку документов, но также может оказать широкое юридическое воздействие на процедуры урегулирования споров посредством арбитража. Однако, несмотря на широкое распространение цифровых технологий в системе урегулирования споров гражданско-правового характера, далеко не все юрисдикции оказались готовы к полномасштабной оцифровке существующих процедур арбитража, а также внесению соответствующих поправок в действующее законодательство. Опыт Индонезии показывает, что, несмотря на высокий уровень применения технологических достижений в целом по стране, основные арбитражные институты способны оказывать услуги в цифровом формате не в полном объеме. Основными задачами, решаемыми в рамках настоящего исследования, являются: определение технологий и подходов к процедурам онлайн-разрешения споров в арбитраже; определение механизмов и подходов по совершенствованию законодательной базы в сфере арбитражного разбирательства с целью эффективной работы систем искусственного интеллекта в Индонезии. На основе анализа полученных теоретических данных, в настоящей работе автором анализируются современные тенденции по внедрению цифровых технологий в арбитраже, а также освещаются некоторые, связанные с этим, проблемы.

Ключевые слова: арбитраж, искусственный интеллект, цифровые технологии, онлайн разрешение споров, видеоконференцсвязь.

Работа выполнена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ № НШ-3270-2022.2 «Эволюция или революция гражданского судопроизводства: цифровизация через призму искусственного интеллекта»

Введение

В настоящее время в мире происходит технологическая революция, которая приносит значительные изменения во все сферы человеческих взаимоотношений. В частности, новые технологии изменили способы и подходы к разрешению конфликтов между сторонами. Если альтернативное разрешение споров понималось как более эффективный метод разрешения споров, чем через суд, то в соответствии с развитием технологий, онлайн-разрешение споров считается наиболее эффективным механизмом. Благодаря системе цифровых судебных инструментов и онлайн разрешению споров уменьшаются барьеры доступа к отправлению правосудия, повышается эффективность судебного разбирательства, программное обеспечение становится умнее [1; с. 24].

Эволюция онлайн разрешения споров была вызвана двумя основными прагматическими и идеологическими силами. Первой и основной причиной возникновения системы онлайн разрешения споров в арбитраже стал рост онлайн-активности и услуг, во главе которого стояла электронная коммерция и беспрецедентные достижения в области онлайн-коммуникации, вычислений, технологии искусственного интеллекта и т.д. Вторым катализатором стала необходимость обеспечения более эффективного доступа к правосудию [2; с. 635]. Иными словами, многогранный процесс, посредством которого цифровые инструменты, способствовавшее развитию систем онлайн разрешения споров, в том числе посредством процедур арбитража, можно кратко резюмировать следующим образом: возник новый класс онлайн-споров, и существующие аналоговые инструменты оказались неуместными или непрактичными для их разрешения; онлайн-технологии предоставили беспрецедентные возможности для динамической адаптации существующих механизмов арбитражного разбирательства; требования по улучшению доступа к правосудию, возмещению ущерба и снижению стоимости разрешения споров стало возможным частично удовлетворить за счет предложения услуг в Интернете; поставщики электронных услуг по разрешению споров, как и другие поставщики услуг, стремились к привлечению более широкой аудитории к своим системам.

Распространение интернет-коммуникаций в системе отправления правосудия может рассматриваться в двух ключевых аспектах. С одной стороны, оцифровка судебных систем, в том числе процедур арбитража, может порождать новые про-

блемы для доступа к правосудию. С другой стороны новые технологии создают новые возможности для снижения барьеров на пути к правосудию [3; с. 48]. Влияние этого явления, возникновение растущего числа споров, для которых суды и процедуры альтернативного разрешения споров не обеспечивают приемлемого пути разрешения конфликтов. В то же время новые технологии и онлайн-коммуникация также стали средством для того, чтобы сделать существующие способы разрешения споров более доступными и для разработки новых онлайн-процессов и институтов для отправления правосудия. Создание процедур разрешения споров, которые в значительной степени зависят от технологий, в этом отношении не являются спонтанными инновациями, это просто следующий шаг в истории того, как технологии проникают в действующие механизмы разрешения споров [4; с. 103].

Современные тенденции применения цифровых технологий в арбитраже

Появление технологии онлайн-разрешения споров (Online Dispute Resolution – ODR) является одним из продуктов взаимоотношений между юридическим и технологическим аспектами. Интернет и информационные технологии порождают циркуляцию информации, в том числе юридической, которая, в свою очередь, становится движущим фактором экономической и правовой глобализации. Иными словами, ODR можно назвать продуктом информационных технологий, который является символом глобального процесса разрешения споров [8; с. 244].

В свою очередь технологии способствуют глобализации альтернативного разрешения споров (Alternative Dispute Resolution – ADR). Технология используется как инструмент для распространения информации и знаний как на национальном, так и на международном уровне. В рамках процедур ODR задействовано множество инструментов, начиная от электронных посредников до онлайн-платформ и автоматического управления делами в судебных программах [9; с. 26].

Урегулирование споров в режиме онлайн – это реализация существующих форм альтернативного урегулирования споров, и, в первую очередь, арбитража. Первые попытки разрешения споров с помощью информационных технологий были предприняты в начале 2000-х годов [10]. При ODR применяются информационные и коммуникационные технологии для разрешения спора, частично или полностью в режиме онлайн. Технологии, задействованные в разрешении споров в данном случае больше ориентированы на такие технологии, как видеоконференцсвязь, онлайн-платформы, сложные системы управления делами и искусственный интеллект [11; с. 94].

С точки зрения современной коммуникации, ODR делится на два типа. Первый тип – это ODR с синхронным подходом к коммуникации, при котором стороны спора могут общаться друг с другом

в реальном времени при помощи таких средств как Skype, MS TEAMS, Zoom и т.д. В то время как второй тип – это ODR с несинхронизированным подходом к обмену данными, когда взаимодействие сторон осуществляется в разное время [12; с. 334].

Более того, цифровые инструменты, применяемые при урегулировании споров, можно разделить на категории в соответствии с функцией, которую они выполняют. К первой категории следует относить такие инструменты, как: обмен мгновенными сообщениями, форумы, видео и телефонные звонки, видеоконференции. Ко второй категории относятся цифровые инструменты, обеспечивающие упрощение доступа к информации, а также применяемые для выработки идей, организации, создания стратегий и процессов принятия решений [13; с. 625]. Технологии, используемые в этом новом поколении ODR-системы, будут включать не только коммуникационные технологии, используемые в настоящее время, но и искусственный интеллект, нейронные сети, интеллектуальных агентов и методы обучения.

Современные разработки в сфере информационно-коммуникационных технологий обуславливают переход к так называемому цифровому правосудию, а также переопределяют способы отправления правосудия. Цель цифрового правосудия состоит в том, чтобы прояснить не только то, как технология порождает споры всех типов, но и то, как технологии могут быть использованы для разрешения и предотвращения споров. Процедуры разрешения споров оказывают непосредственное влияние на восприятие справедливости участниками судебного разбирательства. Удовлетворенность сторон процессуальной справедливостью влияет на их восприятие легитимности желаемого результата. Таким образом, благоприятное восприятие гражданами справедливости процесса отправления правосудия увеличивает вероятность того, что они с большей вероятностью примут результаты [14].

По мере развития технологий и алгоритмов, которые могут играть важную роль в адаптации процесса разрешения споров к потребностям, предпочтениям и интересам сторон, ODR представляет собой глубокий отход от традиционного разрешения споров, закладывая основу для реализации цифрового правосудия, предлагая справедливые и эффективные процессы, которые созданы для цифровой эпохи. Со временем стало ясно, что процессы ODR нового поколения призваны отметить уникальные качества онлайн-взаимодействия и сдвиги, связанные с переходом к цифровым средствам разрешения конфликтов. В первую очередь это связано с переходом от традиционных способов общения к онлайн-коммуникациям. Изначально отсутствие физического взаимодействия воспринималось участниками спора как отрицательный фактор, снижающий насыщенность общения. Однако со временем применение цифровых инструментов коммуникации стало оцениваться как преимущество [15; с. 124]. Тоже самое

касается использования специальных программ и онлайн платформ для подачи и хранения судебных документов. Цифровые технологии способствуют повышению эффективности процесса урегулирования споров в арбитраже за счет автоматизации, позволяя системам ODR справляться с огромным количеством данных.

Применение цифровых инструментов при разрешении споров в арбитраже имеет огромный потенциал для расширения доступа к правосудию. С одной стороны, эффективность и справедливость могут быть повышены за счет обеспечения простого, удаленного и круглосуточного общения без необходимости пропускать работу и оплачивать поездки. Простой язык и индивидуальные параметры, предлагаемые в недавно разработанных платформах, также позволяют сторонам лучше понять свои права и возможности, а также выяснить свои интересы и потребности [16]. Кроме того, предварительно разработанные алгоритмические параметры и предварительная конфигурация, связанная с программным обеспечением, могут помочь обуздать некоторые из предрассудков, связанных с принятием решений человеком, что, возможно, приведет к более справедливым результатам для различных сторон.

Особенности применения цифровых технологий в арбитраже Индонезии

Арбитражное разбирательство в Индонезии регулируется Законом № 30 от 1999 года об арбитраже и альтернативном разрешении споров [5] (далее – Закон об арбитраже). Закон об арбитраже определяет арбитраж как метод урегулирования споров гражданско-правового характера вне системы судов общей юрисдикции на основе арбитражного соглашения, которое заключается между сторонами спора в письменной форме. При этом окружные суды не обладают юрисдикцией рассматривать споры между сторонами, которые связаны арбитражным соглашением (статья 3 Закона об арбитраже).

Многие крупные коммерческие споры (особенно имеющие международный характер) разрешаются в арбитраже. Однако, количество коммерческих споров, урегулированных в арбитражном порядке в Индонезии, по-прежнему меньше количества коммерческих споров, урегулированных в судебном порядке.

Наиболее часто используемым арбитражным учреждением является Индонезийский национальный арбитражный совет (Badan Arbitrase Nasional Indonesia – BANI).

В случае, если стороны соглашаются использовать Регламент BANI в качестве арбитражной процедуры, концепция kompetenz-kompetenz принимается в соответствии со статьей 17 арбитражного регламента, которая предусматривает, что суд имеет право вынести решение по любому возражению, не имеющему юрисдикции, включая любые возражения относительно существования или действительности соглашения об арбитраже [7].

Индонезия представляет собой государство отличающееся прогрессивным подходом в сфере цифровых технологий. Однако до недавнего времени использование цифровых инструментов в процедурах арбитража являлось скорее исключением, чем обычной практикой. В настоящее время процесс оцифровки процедур арбитражного разбирательства в Индонезии обусловлен результатом текущего кризиса в области здравоохранения, связанном с распространением коронавирусной инфекции, а также необходимостью, основанной на технологических достижениях и широком спросе общественности. Даже без Covid-19 преимущества онлайн-арбитража с точки зрения затрат и времени сделали бы его более привлекательным вариантом по сравнению с традиционным арбитражем.

Кроме того, будучи страной-архипелагом, Индонезия сталкивается с проблемами, связанными с обеспечением доступа к технологиям. Основная проблема заключается в доступе к Интернету и его доступности для населения Индонезии. Показатель индекса подключения Индонезии составляет 62,9% на 2020 год в категории стран с переходной экономикой. Данный показатель является существенно ниже, чем в ряде соседних, таких как Сингапур – 89,3%, Таиланд – 70,9%, Малайзия – 69,2%, Бруней-Даруссалам – 67,4% и Вьетнам – 64,6% [6].

Также весьма острым вопросом при применении цифровых технологий в системе альтернативного урегулирования споров в Индонезии является уровень цифровой грамотности населения. Согласно рейтингу цифровой грамотности Индонезия занимает 56-е место из 63 стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Национальный арбитражный совет Индонезии (Badan Arbitrase Nasional Indonesia – BANI) пересматривает свой подход к использованию информационных технологий. В разгар кризиса с коронавирусом в марте 2020 года Национальный арбитражный совет Индонезии издал Постановление № 20.007 / III / SK-BANI / HU [18] о временной приостановке всех арбитражных разбирательств в целях борьбы с распространением инфекции. Эта вынужденная мера привела к увеличению сроков рассмотрения споров. Однако 28 мая 2020 года BANI издало еще одно Постановление № 20.015 / V / SK-BANI / HU (Постановление об электронных слушаниях), которое отменило Постановление об отсрочке [19]. Согласно данному Постановлению BANI позволяет проводить онлайн-арбитраж с использованием любых сетевых телекоммуникационных платформ, включая телеконференцию, видеоконференцию или виртуальную конференцию по согласованию сторон в случае чрезвычайной ситуации, связанной с бедствием и особых ситуациях. Согласно Постановлению об электронных слушаниях, арбитраж в электронном виде может проводиться в случаях:

- Отсутствия возможности нормального осуществление арбитража, связанного с обсто-

ательствами, включающими стихийные бедствия, эпидемии, пандемии, крупные наводнения, национальные чрезвычайные ситуации, беспорядки, восстания, условия боевых действий, войну, саботаж или демонстрации, существование которых заявлено уполномоченным учреждением.

- В случаях невозможности присутствия арбитров или сторон, связанных с запретом со стороны медицинских работников.
- Производство по делу с использованием правил и процедур электронного арбитража считается проводимым в Национальном арбитражном совете Индонезии в Джакарте или в офисе представителя BANI, где проводится слушание (ст. 1 Постановления).

В соответствии с Постановлением об электронных слушаниях правила и процедуры электронного арбитража должны соответствовать следующим критериям:

- Правила и процедуры электронного арбитража будут применяться в том случае, если стороны соглашаются использовать правила и процедуры для дел, которые должны быть выполнены, или тех, которые выполняются. Соглашение сторон должно осуществляться добросовестно на основе совместных и неконфронтационных процедур (ст. 2 Постановления).
- В случае, если стороны соглашаются применять Правила и процедуры электронного арбитража, судебное разбирательство может проводиться с использованием средств связи на базе Интернета, включая, помимо прочего, видеоконференции, телеконференции или виртуальные конференции с использованием платформ, согласованных сторонами (ст. 4 Постановления).
- Стороны должны согласиться с тем, что лица, которые могут присутствовать и участвовать в разбирательстве в соответствии с Правилами и процедурами электронного арбитража, являются принципалом и их поверенным. Стороны договорились сохранить конфиденциальность арбитража, учитывая, что арбитражное разбирательство было закрытым. Стороны соглашаются не записывать судебные разбирательства, которые регулируются правилами и процедурами (ст. 5 Постановления).
- За три дня до проведения арбитража в соответствии с правилами и процедурами этого электронного арбитража стороны должны провести техническую подготовку арбитража. Техническую реализацию арбитража осуществляют стороны и секретарь Арбитражного совета (ст. 6 Постановления).
- Доказательства и / или документы, которые должны быть представлены сторонами, могут быть отправлены по электронной почте в формате PDF или представлены физически (ст. 8 Постановления).
- Решение было оглашено арбитром в электронном виде путем представления копии электронного решения сторонам через электронные

средства массовой информации с учетом статьи 58 Закона № 30 от 1999 года в сочетании со статьей 35 Регламента BANI (ст. 10 Постановления).

До начала онлайн-арбитража Национальный арбитражный совет Индонезии по-прежнему разрешает сторонам присутствовать на медиации для достижения соглашения по возникшему спору.

Несмотря на явные преимущества электронного арбитража, это Постановление об электронных слушаниях не лишено недостатков. Например, для инициирования электронного арбитража по-прежнему требуется согласие сторон. Может случиться так, что одна сторона сталкивается с невозможностью физического участия в слушаниях, а противоположная сторона просто использует эту возможность, чтобы отказать в электронном разбирательстве, с целью помешать первой должным образом изложить свою позицию.

Кроме того, до настоящего времени в законодательстве Индонезии о проведении процедур арбитражного разбирательства отсутствует четкое закрепление возможности применения технологий искусственного интеллекта. Несмотря на действующее Постановление № 19 от 2016 года, касающееся электронной информации и транзакций, которое является имплементацией в национальное законодательство Индонезии положений Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной торговле, а также Типового закона ЮНСИТРАЛ об электронной подписи, прямо не регулирует использование искусственного интеллекта.

В этой связи, единственной привязкой к возможности применения искусственного интеллекта в арбитраже Индонезии является положение статьи 1 Постановления № 19 от 2016 года, которая раскрывает определение электронной информации, а также способов ее получения, хранения и передачи.

Приведенные выше примеры являются лишь набросками законодательства, регулирующего использование искусственного интеллекта в арбитражной практике Индонезии, а также демонстрируют определенную степень готовности законодателя к внесению соответствующих поправок в действующую нормативную базу. Создание этой правовой базы представляет собой объединение двух разных подходов – юридического и технологического подхода.

Принимая во внимание эти вопросы, BANI как арбитражный орган, который по своей сути должен быть более эффективным и действенным судебным органом, чем традиционный суд, должен рассмотреть возможность предоставления трибуналу права проводить слушания в формате электронной телеконференции, когда он сочтет это необходимым, независимо от несогласия одной из сторон, а также применение существующих инновационных подходов к ведению арбитражного разбирательства [17]. В случае отсутствия подобного положения в Правилах арбитража, арбитражные суды Индонезии могут потерять свое преимуще-

щество в качестве альтернативного судебного органа, поскольку государственные суды, несмотря на существующие недостатки, стремятся модернизировать свой подход к электронным слушаниям и существенно продвинулись в данном вопросе.

Заключение

По мере развития технологий и алгоритмов, которые могут играть важную роль в адаптации процесса разрешения споров к потребностям, предпочтениям и интересам сторон, процедуры онлайн арбитража представляют собой глубокий отход от традиционного разрешения споров, закладывая основу для реализации цифрового правосудия, предлагая справедливые и эффективные процессы, которые созданы для цифровой эпохи. Онлайн арбитраж возник в среде, которая была полна недоразумений и споров, но не имела возможностей для их эффективного решения. Первоначально разработчики механизмов онлайн разрешения споров стремились имитировать традиционные процессы альтернативного урегулирования споров и предлагать онлайн-эквиваленты этих каналов для их разрешения. Однако со временем стало ясно, что процессы онлайн разрешения споров нового поколения призваны отметить уникальные качества онлайн-взаимодействия и сдвиги, связанные с переходом к цифровым средствам разрешения конфликтов.

В целом онлайн арбитраж представляет собой глубокий отход от традиционного разрешения споров, закладывая основу для реализации цифровой справедливости, предлагая справедливые и эффективные процессы, разработанные для цифровой эпохи. Различные функции онлайн разрешения споров, включая технологии искусственного интеллекта, которые изначально рассматривались как недостатки, теперь рассматриваются как потенциально выгодные, способствующие улучшению мониторинга, контроля качества, согласованности и большей степени прозрачности при неформальном разрешении споров.

Литература

1. Ермакова Е.П. Реформы гражданского судопроизводства, арбитража и медиации в зарубежных странах 2014–2018 гг. (Австралия, Англия, Германия, Канада, США, Франция). М., 2018. С. 24
2. Ayelet Sela. The Effect of Online Technologies on Dispute Resolution System Design: Antecedents, Current Trends and Future Directions. *Lewis & Clark Law Review*. 2017. 21 (3), 635–636.
3. Ethan Katsh and Orna Rabinovich-Einy, *Digital Justice: Technology and the Internet of Dispute* (Oxford University Press, 2017), 45–54.
4. Русакова Е.П. Интегрирование современных цифровых технологий в судопроизводство Китайской Народной Республики и Сингапура // Государство и право. 2020. № 9.
5. Law No. 30 of 1999 on Arbitration and Alternative Dispute Resolution. Электронный ресурс: [http://www.flevin.com/id/lgso/translations/Laws/Law%20No.%2030%20of%201999%20on%20Arbitration%20and%20Alternative%20Dispute%20Resolution%20\(no%20elucidation\).pdf](http://www.flevin.com/id/lgso/translations/Laws/Law%20No.%2030%20of%201999%20on%20Arbitration%20and%20Alternative%20Dispute%20Resolution%20(no%20elucidation).pdf) (Дата обращения 25.01.2022)
6. Eri Hertawan and Simon Barie Sasmoyo. Indonesia: International Arbitration Comparative Guide. 2021. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mondaq.com/litigation-mediation-arbitration/989142/international-arbitration-comparative-guide> (Дата обращения 27.01.2022)
7. Badan Arbitrase Nasional Indonesia. Rules and Procedures Arbitration of BANI 2021. Электронный ресурс. Режим доступа: https://baniarbitration.org/library/berkas/pustaka/1625732464_d93195d8ee5de9c8350f.pdf (Дата обращения 25.01.2022)
8. Nadja Alexander. Mobile Mediation: How Technology is Driving the Globalization of ADR. *Hamline Journal of Public Law and Policy*. 2006. 27 (2) 244–245. Электронный ресурс. Режим доступа: http://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/1879 (Дата обращения 20.01.2022)
9. Ермакова Е. П., Фролова Е.Е. Искусственный интеллект в гражданском судопроизводстве и арбитраже: опыт США и КНР. Москва, 2021. Сер. Гражданский и арбитражный процесс. С. 26
10. Ethan M. Katsh. The Online Ombuds Office: Adapting Dispute Resolution to Cyberspace. 1996. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.umass.edu/dispute/ncair/katsh.htm#fn1> (Дата обращения 24.01.2022)
11. Riikka Koulu. Dispute Resolution and Technology: Revisiting the Justification of Conflict Management (University of Helsinki Conflict Management Institute). 2016. P. 94
12. Ситкарева Е.В. Проблемы использования арбитража в групповых исках при разрешении финансовых споров в США // Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире: сб. статей Международной науч.-практ. конференции памяти проф. В.К. Пучинского (12 октября 2018 г.). М.: РУДН, 2018.
13. Rusakova E.P. Integration of “Smart” Technologies in the Civil Proceedings of People’s of China. *RUDN Journal of Law*. 2021. Т. 25. № 3. С. 622–633.
14. Ekaterina Kupchina. Implementation of the digital agenda by international commercial arbitrations. II International Scientific and Practical Conference “Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth” (MTDE2021). <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110602011>
15. Gauthier Vannieuwnhuysse. Arbitration and New Technologies: Mutual Benefits. *Journal of International Arbitration*. 2018. 35(1) p. 119–129.

16. Mohammed S. Abdel Wahab, Ethan Katsh, and Daniel Rainey. *Online Dispute Resolution: Theory and Practice. A Treatise on Technological and Dispute Resolution* (Eleven International Publishing). 2012.
17. Eri Hertiawan. *Indonesia: Recognition And Support For Arbitration Under Indonesian Law*. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mondaq.com/arbitration-dispute-resolution/982542/recognition-and-support-for-arbitration-under-indonesian-law?type=related> (Дата обращения 25.01.2022)
18. Teleconference Hearing: Modernization of Indonesia's Adjudicative System. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.ashurst.com/en/news-and-insights/legal-updates/teleconference-hearing-modernization-of-indonesias-adjudicative-system/> (Дата обращения 29.01.2022)
19. Chandra M. Hamzah and Eri Hertiawan. *Indonesia: BANI Moves Arbitration Online*. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mondaq.com/arbitration-dispute-resolution/948320/bani-moves-arbitration-online> (Дата обращения 21.01.2022)
2. Ayelet Sela. The Effect of Online Technologies on Dispute Resolution System Design: Antecedents, Current Trends and Future Directions. *Lewis & Clark Law Review*. 2017. 21(3), 635–636.
3. Ethan Katsh and Orna Rabinovich-Einy, *Digital Justice: Technology and the Internet of Dispute* (Oxford University Press, 2017), 45–54.
4. Rusakova E.P. Integration of modern digital technologies in the legal proceedings of the People's Republic of China and Singapore // *State and Law*. 2020. No. 9.
5. Law no. 30 of 1999 on Arbitration and Alternative Dispute Resolution. Electronic resource: [http://www.flevin.com/id/lgso/translations/Laws/Law%20No.%2030%20of%201999%20on%20Arbitration%20and%20Alternative%20Dispute%20Resolution%20\(no%20elucidation\).pdf](http://www.flevin.com/id/lgso/translations/Laws/Law%20No.%2030%20of%201999%20on%20Arbitration%20and%20Alternative%20Dispute%20Resolution%20(no%20elucidation).pdf) (Accessed 25.01.2022)
6. Eri Hertiawan and Simon Barie Sasmoyo. *Indonesia: International Arbitration Comparative Guide*. 2021. Electronic resource. Access mode: <https://www.mondaq.com/litigation-mediation-arbitration/989142/international-arbitration-comparative-guide> (Accessed 01/27/2022)
7. Badan Arbitrase Nasional Indonesia. *Rules and Procedures Arbitration of BANI 2021*. Electronic resource. Access mode: https://baniarbitration.org/library/berkas/pustaka/1625732464_d93195d8ee5de9c8350f.pdf (Accessed 01/25/2022)
8. Nadja Alexander. *Mobile Mediation: How Technology is Driving the Globalization of ADR*. *Hamline Journal of Public Law and Policy*. 2006. 27(2) 244–245. Electronic resource. Access mode: http://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/1879 (Accessed 01/20/2022)
9. Ermakova E. P., Frolova E.E. Artificial intelligence in civil proceedings and arbitration: the experience of the USA and China. *Moscow, 2021*. Ser. Civil and arbitration process. S. 26
10. Ethan M. Katsh. *The Online Ombuds Office: Adapting Dispute Resolution to Cyberspace*. 1996. Electronic resource. Access mode: <https://www.umass.edu/dispute/ncair/katsh.htm#fn1> (Accessed 01/24/2022)
11. Riikka Koulu. *Dispute Resolution and Technology: Revisiting the Justification of Conflict Management* (University of Helsinki Conflict Management Institute). 2016. P. 94
12. Sitkareva E.V. Problems of the use of arbitration in class actions in resolving financial disputes in the USA // *Comparative legal aspects of legal relations of civil circulation in the modern world: coll. articles of the International scientific and practical. conference in memory of prof. VC. Puchinsky* (October 12, 2018). M.: RUDN University, 2018.
13. Rusakova E.P. Integration of "Smart" Technologies in the Civil Proceedings of People's of China. *RUDN Journal of Law*. 2021. V. 25. No. 3. S. 622–633.
14. Ekaterina Kupchina. Implementation of the digital agenda by international commercial arbitrations. II International Scientific and Practical Conference "Modern Management Trends and the Digital Economy: from Regional Development to Global Economic Growth" (MTDE2021). <https://doi.org/10.1051/shsconf/202110602011>
15. Gauthier Vannieuwnhuysse. Arbitration and New Technologies: Mutual Benefits. *Journal of International Arbitration*. 2018. 35(1) p. 119–129.
16. Mohammed S. Abdel Wahab, Ethan Katsh, and Daniel Rainey. *Online Dispute Resolution: Theory and Practice. A Treatise on Technological and Dispute Resolution* (Eleven International Publishing). 2012.
17. Eri Hertiawan. *Indonesia: Recognition And Support For Arbitration Under Indonesian Law*. Electronic resource. Access Mode: <https://www.mondaq.com/arbitration-dispute-resolution/982542/recognition-and-support-for-arbitration-under-indonesian-law?type=related> (Accessed 01/29/2022)
18. Teleconference Hearing: Modernization of Indonesia's Adjudicative System. Electronic resource. Access mode: <https://www.ashurst.com/en/news-and-insights/legal-updates/teleconference-hearing-modernization-of-indonesias-adjudicative-system/> (Accessed 01/29/2022)
19. Chandra M. Hamzah and Eri Hertiawan. *Indonesia: BANI Moves Arbitration Online*. Electronic resource. Access mode: <https://www.mondaq.com/arbitration-dispute-resolution/948320/bani-moves-arbitration-online> (Accessed 01/21/2022)

DIGITALIZATION PROCESSES IN INTERNATIONAL ARBITRATION: THE EXAMPLE OF INDONESIA

Kupchina E.V.

Peoples' Friendship University of Russia

Modern advances in science and technology have made many changes in the way of life of a modern person. Ordinary business transactions that are performed manually are being replaced by online transactions that can be completed instantly using the Internet. Currently, the communication process can be carried out by simply touching the screen. However, the use of most modern technological advances contributes to an increase in the number of legal disputes, including those resolved through arbitration procedures. One of the breakthrough areas in the field of technological advances is the development and application of artificial intelligence technology. The active use of this technology in the dispute resolution system contributes to a significant reduction in the burden on legal practitioners, including in international arbitration. The use of digital technologies in arbitration procedures, including artificial intelligence, not only helps to reduce the time for preparing documents, but can also have a wide legal impact on dispute resolution procedures through arbitration. However, despite the widespread use of digital technologies in the system of civil law dispute resolution, not all jurisdictions were ready for a full-scale digitization of existing arbitration procedures, as well as making appropriate amendments to the current legislation. The experience of Indonesia shows that despite the high level of application of technological advances in the country as a whole, the main arbitration institutions are not able to fully provide digital services. The main tasks to be solved within the framework of this study are: determination of technologies and approaches to online dispute resolution procedures in arbitration; determination of mechanisms and approaches to improve the legislative framework in the field of arbitration in order to effectively operate artificial intelligence systems in Indonesia. Based on the analysis of the obtained theoretical data, in this paper, the author analyzes current trends in the introduction of digital technologies in arbitration, and also highlights some of the problems associated with this.

Keywords: arbitration, artificial intelligence, digital technologies, online dispute resolution, video conferencing.

References

1. Ermakova E.P. Reforms of civil proceedings, arbitration and mediation in foreign countries in 2014–2018. (Australia, England, Germany, Canada, USA, France). M., 2018. S. 24

Скиперский Алексей Сергеевич,

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности
E-mail: skiperskiy_aleks@mail.ru

В настоящей статье рассматриваются вопросы регулирования, возникающие в связи с включением смарт-контрактов в действующее законодательство различных стран. Термин «Смарт-контракт» относится как к программам, состоящим из протоколов, в рамках которых может быть определен и выполнен набор обязательств, так и к договорным конструкциям. Автор обращает внимание на различные подходы законодателей в разных странах применительно к смарт-контрактам, начиная с косвенных правовых норм и до прямого регулирования. Демонстрируется регулирование смарт-контрактов, не всегда рассматривающее такие контракты в качестве договоров. Приведены правовые нормы, при соответствии которым смарт-контракт может рассматриваться в качестве договорной конструкции. Также указываются случаи, когда в качестве смарт-контрактов могут рассматриваться договорные отношения, включающие отдельные элементы внедрения электронных коммуникаций. Данная статья подчеркивает наличие проблемы отсутствия единого подхода к толкованию смарт-контрактов в рамках одной страны (Соединенные Штаты Америки).

Ключевые слова: смарт-контракт, США, Европейский Союз, Украина, блокчейн, компьютерная программа, договор.

Слово «контракт» (договор) никогда не имело в разные времена и в разных странах единого значения.

Значение контракта варьируется в зависимости не только от определения, данного законодателем, но и от функций, на выполнение которых направлено определение договора. Частное право (и договорное право, являющееся его частью) в Европе за последние два тысячелетия развило своего рода способность самостоятельно приспособливаться к формам и характеристикам любого конкретного общества.

Эпоха, в которой мы живем, несомненно, отмечена ускорением эволюции технологий, что влияет на нашу повседневную жизнь, в равной степени верно и то, что законодатели часто используют непростые решения для достижения той же скорости при попытке понять явления и соответственно обеспечить последовательность правовых норм.

Следует учесть, что, во-первых, законодатели, как правило, не разбираются в технологиях, поэтому их изучение требует довольно больших затрат времени. Во-вторых, и это самое главное, технологии обычно имеют только инкубационное время в самом конце которого можно решить, является ли сама технология социально значимой и, следовательно, достойной правового регулирования.

Технология «блокчейн» является довольно сложной технологией, которую кратко можно определить как «растущий список записей, называемых блоками, которые связаны с помощью криптографии» [1].

Этот фактор влияет также на анализ другой системы, основанной на технологии «блокчейн»: «Смарт-контракт». У «Умного контракта» отсутствует единое определение.

Говоря о подходах к определению смарт-контракта, в иностранной литературе попытка обобщения была сделана Riccardo de Caria [2], указавшим следующие правовые мнения о сущности смарт-контракта:

- «самоисполняющиеся электронные инструкции, составленные в компьютерном коде»;
- «кусочек компьютерного кода, который способен контролировать, выполнять, и «исполнять соглашения»;
- «программное обеспечение, с которым компьютерный код связывает две или множество стороны в связи с исполнением predetermined эффектов и которое хранится в распределенном реестре»;
- «цифровые контракты, содержащие условия в зависимости от децентрализованного консенсуса, которые усилены и защищены от взлома благодаря автоматическому исполнению»;

- «программа, управляемая событиями, которая работает на распределенной, децентрализованной, совместно используемой и реплицируемой распределенной системе (блок-схеме) и которая может осуществлять хранение и передачу активов в систему распределенного реестра»;
- «контракты, которые представлены в коде и выполняются компьютерами».

Таким образом, в основном разные теоретики права определяют смарт-контракт и как «компьютеризированное соглашение, основанное на алгоритме, который автоматически выполняет условия контракта», и как юридическую конструкцию.

Более подробно остановимся на регулировании Смарт-контрактов в некоторых зарубежных странах.

Так, в США на федеральном уровне нет единого Акта или руководства, четко определяющего статус смарт-контрактов. Однако Акт об электронных подписях в глобальной и национальной торговле 2000 года (далее – «Акт об электронной подписи») может обеспечить определенный юридический вес для применения смарт-контрактов в соответствии с действующим законодательством [3].

Закон об электронной подписи предусматривает, что:

- Электронные подписи, контракты и записи должны иметь ту же юридическую силу, что и подписи на бумаге, указывая, что «подписи, контракту или другой записи, относящейся к такой транзакции, не может быть отказано в юридической силе, действительности или возможности принудительного исполнения только потому, что она в электронной форме», и что «контракту, касающемуся такой транзакции, не может быть отказано в юридической силе, действительности или возможности принудительного исполнения только потому, что при его формировании использовалась электронная подпись или электронная запись».
- Принудительное исполнение смарт-контрактов на блокчейне может подпадать под юрисдикцию Закона об электронной подписи, как и любой другой «электронный контракт».
- В соответствии с Актом об электронных подписях, контракт, подпись или запись не считаются не имеющими законной силы только на основании того, что они представлены в электронном формате (но запись должна оставаться пригодной для воспроизведения для последующего использования).

Следует отметить, что в соответствии со статьями 9–105 Единого торгового кодекса, обеспеченная сторона имеет контроль над «электронным имуществом», если система подтверждения передачи интересов надежно устанавливает обеспеченную сторону в качестве правопреемника (среди прочего, должна существовать единственная достоверная копия записи, которая является уникальной, идентифицируемой и, как правило, неизменяемой) [4].

На уровне штатов Комиссией по единообразному законодательству (юридическая ассоциация в США, которая исследует и разрабатывает типовое законодательство, которое штаты могут самостоятельно изменять или принимать, способствуя единообразию законов через границы штатов) издала Единый Акт об электронных транзакциях («UETA») в 1999 году, который с тех пор был принят 47 штатами [5].

Единый закон об электронных транзакциях гласит, что «записи или подписи не может быть отказано в юридической силе или возможности приведения в исполнение только потому, что они в электронной форме» и что «Контракту не может быть отказано в юридической силе или возможности приведения в исполнение только потому, что при его формировании использовалась электронная запись».

Как и закон об электронной подписи, в 47 штатах, принявших Единый Акт об электронных транзакциях, отдельный закон штата также может предусматривать исполнение смарт-контрактов.

Так, штат Аризона является единственным штатом, который принял закон, прямо одобряющий смарт-контракты. Два других штата США издали законы, дающие юридическое признание данным, хранящимся в блокчейне, которые могут применяться также к смарт-контрактам: Невада и Вермонт.

В Аризоне смарт-контракты определяются как «управляемая событиями программа с содержанием, которая работает в распределенной, децентрализованной, общей и реплицируемой бухгалтерской книге и которая может осуществлять хранение и передачу активов в этой бухгалтерской книге». [6].

Согласно законодательству Аризоны, запись или контракт, защищенные с помощью технологии блокчейн, считаются в электронной форме и являются электронной записью.

Предусмотрено, что смарт-контракты могут существовать в торговле. Контракту, касающемуся транзакции, не может быть отказано в юридической силе, действительности или возможности приведения в исполнение только потому, что этот контракт содержит условие смарт-контракта.

В штате Невада смарт-контракты напрямую не урегулированы, однако

расширено уже существующее юридическое признание электронных записей, подписей и контрактов на записи, хранящиеся в блокчейне. Это позволяет таким записям при определенных обстоятельствах удовлетворять требованиям, предъявляемым к письменным записям или подписям [7].

В штате Вермонт нет определенных норм о смарт-контрактах, однако установлено, что «факт или запись», проверенные на блокчейне, являются «подлинными». Это придает указанным данным юридическую силу в суде. Это дает основание для юридического значения смарт-контракта в суде [8].

Говоря о других странах, похожая ситуация в Сингапуре, где, формально, тоже нет прямых норм о регулировании смарт-контрактов.

Однако, фактически, смарт-контракты и другие юридические конструкции, основанные на технологии блокчейн, в Сингапуре могут регулироваться Актом об электронных транзакциях 2010 [9].

Так, статьей 6 Акта предусмотрено, что «Информации не может быть отказано в юридической силе, действительности или применимости исключительно на том основании, что она представлена в форме электронной записи».

В статье 11 Акта сказано, что «В контексте заключения контрактов предложение и принятие предложения могут быть выражены посредством электронных коммуникаций. Если при заключении контракта используется электронное сообщение, этому контракту не может быть отказано в действительности или в возможности приведения в исполнение исключительно на том основании, что для этой цели использовалось электронное сообщение».

Статьей 15 Акта установлено, что «Контракту, заключенному в результате взаимодействия автоматизированной системы сообщений и физического лица или взаимодействия автоматизированных систем сообщений, не должно быть отказано в действительности или возможности принудительного исполнения исключительно на том основании, что ни одно физическое лицо не проверяло или не вмешивалось в каждое из отдельных действий, выполняемых автоматизированными системами сообщений или результирующим контрактом».

Исходя из толкования указанного сингапурского Акта, юридическими конструкциями являются электронные сообщения, но вместе с тем, Акт предусматривает использование автоматизированных сообщений, под которыми можно подразумевать смарт-контракты.

Упомянув Европейский Союз, следует отметить, что на его уровне пока не существует единой правовой базы, специально придуманной для применения смарт-контрактов.

Однако статья 9 Директивы Европейского парламента и Совета ЕС № 2000/31/ЕС от 08.06.2000 о некоторых правовых аспектах информационных услуг на внутреннем рынке (Директива об электронной коммерции) требует от государств – членов ЕС гарантий того, что их правовые системы позволяют заключать контракты путем использования электронных средств [10].

Следовательно, фактически правом Европейского союза терминологическое определение смарт-контракта и вопрос о его юридической сущности отданы на уровень государств-членов Европейского союза.

Интересен подход Украины.

Так, согласно статье 3.13 закона Украины № 675-VIII «Об электронной торговле» от 03.09.2015, определена «услуга промежуточного характера», которую по своему функционалу можно назвать смарт-контрактом.

Такая «услуга» (или контракт) может являться хранением средств на счете плательщика, так и их автоматическая транзакция получателю при определенных условиях. Для этого может потребоваться финансовое учреждение (банк) в качестве посредника и электронная форма контракта, которая, например, может быть подписана «одно-разовым электронным удостоверением личности» физического лица [11].

Исходя из положений данного Закона, смарт-контракт может являться договором, заключенным на небумажном носителе для автоматического выполнения прямо определенных действий при наступлении соответствующих обстоятельств, предусмотренных договором.

Также предусматривается, что такая юридическая конструкция может быть размещена на сайте в сети «Интернет» в виде публичной оферты.

Подразумевается, что переводы денежных средств на банковских счетах сторон такого соглашения должны производиться только подписания контракта, выполнения действий и запуска соответствующего алгоритма их выполнения.

Литература

1. Narayanan A., Bonneau J., Felten E., Miller A., Goldfeder S., Bitcoin and cryptocurrency technologies: a comprehensive introduction (2016). Princeton University Press / URL: https://www.lopp.net/pdf/princeton_bitcoin_book.pdf
2. De Caria R. The Legal Meaning of Smart Contracts / R. De Caria – European Review of Private Law, 2019. N6. P. 731–752.
3. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act / URL: <https://www.cov.com/media/files/corporate/publications/2000/07/oid598.pdf>
4. E-SIGN Laws of The Uniform Electronic Transactions Act (UETA) / URL: <https://www.uniform-laws.org/committees/communit/home/librarydocuments?communitykey=2c04b76c-2b7d-4399-977e-d5876ba7e034&tab=librarydocuments>
5. Uniform Commercial Code / URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc>
6. Arizona 2017 HB2417 Introduced / URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1497439/Arizona-2017-HB2417Introduced.html>
7. Nevada Senate Bill 398 / URL: <https://legiscan.com/NV/text/SB398/2017>
8. Vermont (H868 Sec I.1. 12 V.S.A. § 1913 / URL: <https://legislature.vermont.gov/assets/Documents/2016/Docs/JOURNAL/sj160506.pdf#page=459,%20page%202177>
9. Electronic Transactions Act 2010 / URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/ETA2010#P11->
10. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 / Official Journal L 178, 17/07/2000 P. 0001–0016 / URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32000L0031>

11. Закон України Про електронну комерцію // URL: https://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150675.html

LEGAL REGULATION OF SMART CONTRACTS IN FOREIGN COUNTRIES

Skiperskiy A.S.

Russian State Academy for Intellectual Property

This article discusses regulatory issues arising from the inclusion of smart contracts in the current legislation of various countries. The term “Smart contract” refers both to programs consisting of protocols within which a set of obligations can be defined and fulfilled, and to contractual structures. The author draws attention to the different approaches of legislators in different countries in relation to smart contracts, from indirect legal norms to direct regulation. The regulation of smart contracts is demonstrated, when such contracts are not always considered as contracts. The legal norms are given, according to which a smart contract can be considered as a contractual structure. There are also indicated cases when contractual relations involving separate elements of the introduction of electronic communications can be considered as smart contracts. This article highlights the problem of the lack of a unified approach to the interpretation of smart contracts within one country (the United States of America).

Keywords: smart contract, USA, European Union, Ukraine, blockchain, computer program, contract.

References

1. Narayanan A., Bonneau J., Felten E., Miller A., Goldfeder S., Bitcoin and cryptocurrency technologies: a comprehensive introduction (2016). Princeton University Press / URL: https://www.lopp.net/pdf/princeton_bitcoin_book.pdf
2. De Caria R. The Legal Meaning of Smart Contracts / R. De Caria – European Review of Private Law, 2019. N6. P. 731–752.
3. Electronic Signatures in Global and National Commerce Act / URL: <https://www.cov.com/media/files/corporate/publications/2000/07/oid598.pdf>
4. E-SIGN Laws of The Uniform Electronic Transactions Act (UETA) / URL: <https://www.uniformlaws.org/committees/communityhome/librarydocuments?communitykey=2c04b76c-2b7d-4399-977e-d5876ba7e034&tab=librarydocuments>
5. Uniform Commercial Code / URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc>
6. Arizona 2017 HB2417 Introduced / URL: <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1497439/Arizona-2017-HB2417Introduced.html>
7. Nevada Senate Bill 398 / URL: <https://legiscan.com/NV/text/SB398/2017>
8. Vermont (H868 Sec I.1. 12 V.S.A. § 1913 / URL: <https://legislature.vermont.gov/assets/Documents/2016/Docs/JOURNAL/sj160506.pdf#page=459,%20page%202177>
9. Electronic Transactions Act 2010 / URL: <https://sso.agc.gov.sg/Act/ETA2010#P11->
10. Directive 2000/31/EC of the European Parliament and of the Council of 8 June 2000 / Official Journal L 178, 17/07/2000 P. 0001–0016 / URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32000L0031>
11. The Law of Ukraine On e-commerce // URL: https://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/T150675.html

Юдакова Софья Павловна,

аспирант, кафедра уголовного права и криминологии факультета подготовки следователей федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации»
E-mail: sophiapav@mail.ru

В статье рассматривается международный опыт ресоциализации несовершеннолетних осужденных на примерах зарубежных стран, таких как Соединенные Штаты Америки, Франция, Германия, Великобритания. Рассмотрены международные документы и стандарты, которые в той или иной степени касаются работы с несовершеннолетними в рамках их социальной адаптации. Приведен анализ работы с несовершеннолетними осужденными и элементы подготовки их к освобождению на примере указанных стран. Рассмотрена организация воспитательного процесса и образовательной деятельности несовершеннолетних осужденных, находящихся в местах лишения свободы. Определены направления ресоциализации в зарубежных странах, сравнительный анализ с Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации. Отмечается необходимость проведения работы по изучению зарубежного опыта для совершенствования отечественного законодательства в части воспитательной работы, приближать ее к международным стандартам, а также внедрять положительный опыт в практику.

Ключевые слова: зарубежные страны, ресоциализация, несовершеннолетние осужденные, воспитательный процесс, образование.

Вопросу ресоциализации несовершеннолетних осужденных уделяется пристальное внимание в мировом сообществе. Фундаментом для разработки федеральных программ ресоциализации несовершеннолетних осужденных являются общепризнанные принципы и нормы международных стандартов.

Целый ряд международных документов, таких как «Конвенция Организации Объединенных Наций о правах ребенка», «Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей», «Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних» и др., в той или иной степени касаются работы с несовершеннолетними в рамках их социальной адаптации.

Согласно «Минимальным стандартным правилам Организации Объединенных Наций, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)» государства должны ответственно подходить к вопросу развития несовершеннолетнего, а именно «стремиться к созданию условий, позволяющих обеспечить содержательную жизнь подростка в обществе, которая, в тот период жизни, когда она или он наиболее склонны к неправильному поведению, будет благоприятствовать процессу развития личности и получения образования, в максимальной степени свободному от возможности совершения преступлений и правонарушений» [1]. Большинство европейских стран используют комплексный подход к ресоциализации несовершеннолетних осужденных – определённую систему перевоспитания.

В основу воспитания положен принцип занятости – отсутствие свободного времени и полезная трудовая активность. Комплексные меры внутри воспитательного процесса, которые включают организацию специализированного профобразования, занятия физкультурой, трудовой деятельностью, работу службы психологической поддержки, систему досуговых, духовно-нравственных и профориентационных мероприятий [2].

В 1948 году Всемирной декларацией прав человека образование было признано правом человека. Данное право человека нашло отражение и в других всемирных договорах и нормативных актах, таких как Конвенция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) 1960 года против дискриминации в области образования и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года, статья 13 (1) которого признает «право каждого на образование». Лиссабонский

договор 2007 года признает права граждан Европейского Союза посредством обеспечения соблюдения Хартии основных прав, а статья 14 Хартии гласит о том, что «каждый имеет право на образование и доступ к профессиональному и непрерывному обучению» [3].

В 1985 году Кабинет министров Совета Европы принял решение об открытии в местах лишения свободы специальных программ, которые бы позволяли заключенным удовлетворять свои интересы и потребности, с целью повышения уровня образования для оптимизации перспектив в социальной реабилитации и мягкой адаптации в обществе на основе позиций толерантности и уважения к самим себе [4, с. 29].

В последние годы в государствах применяется введение полусвободного режима подготовки осужденных для выполнения общественно полезных функций, подведение осужденных к вступлению в нормальную жизнь, что должно привести к исключению изоляционного характера исправительных учреждений [5]. Рассмотрим процесс ресоциализации несовершеннолетних осужденных на примере зарубежных стран.

Воспитательный процесс в США занимает одну из первых позиций в процессе исправления осужденных. Различные программы реабилитации представлены в психиатрическом сопровождении осужденных, приобщении религиозных групп, трудоустройстве, а также получении среднего образования и профессиональной подготовки. Право заключенных на получение образования обеспечивается восьмой и четырнадцатой поправками Конституции США, в соответствии с которыми образование является важным компонентом исправления осужденных в США [6]. Для отбывания наказания несовершеннолетними осужденными созданы молодежные реформатории и воспитательные школы, где применяются гуманные методы воспитательной работы по сравнению с местами отбывания наказания взрослыми. Программа образования для реабилитации может включать в себя как освоение элементов базовой грамотности, так и физическое воспитание. Осужденные имеют возможность получить образование в местах лишения свободы эквивалентно образованию средней школы (GED), а также получить образование уровня колледжа. Опираясь на данные статистики Центра Американского Конгресса США диплом о среднем образовании имеют 18% осужденных. Согласно показателям, для некоторых осужденных уровень образования средней школы будет являться единственным путем к вступлению в полноценную взрослую жизнь. Для ряда осужденных это может означать приобретение начальных базовых знаний, включая обучение первоначальным основам грамматики, а при возникновении «языкового барьера» для иностранцев – изучение равнозначной программы «Английский как второй язык» (ESL) [7].

Так во Франции было введено обязательное обучение несовершеннолетних осужденных

до 16 лет. По данным Международного центра тюремных исследований (ICPS) – из общего количества несовершеннолетних заключенных в год проходят обучения около 80% [8]. Для осуществления мер «морального воздействия» с осужденными ведут работу психиатры, психологи и педагоги. Также в организации воспитательного процесса важная роль отводится проведению спортивных и культурных мероприятий (73% учреждений имеют свои библиотеки, при этом не исключается возможность обращаться в муниципальные библиотеки). Между Министерством юстиции и Министерством молодежи и спорта Франции заключены партнерские соглашения по работе с заключенными в рамках основ спортивной политики в тюремной среде [9].

В уголовно-исполнительном законодательстве Германии, в пр. 1 Уголовно-исполнительного кодекса от 1977 года ФРГ (Закон об исполнении лишения свободы, далее – Stvolzg), предписано, что процесс исправления и ресоциализации заключенного проводится через ряд психологических и социально-воспитательных мер перевоспитания [10]. Параграфом 3 StVollzg регламентированы принципы перевоспитания заключенных, а именно принцип равноправия, согласно которому все заключенные внутри учреждений не должны быть отрезаны от внешнего мира, что подразумевает под собой предоставление государством гарантий заключенным по обеспечению работой, досугом и обучением, а также заключенный должен быть подготовлен к самостоятельной жизни после освобождения [11]. Функция перевоспитания заключенных в пенитенциарных системах ФРГ возложена на социальных педагогов. Для достижения одной из основных целей уголовно-исполнительного права Германии – успешной ресоциализации заключенных способствует применение воспитательных программ, реализацией которых занимаются не только сотрудники исправительных учреждений, но и социальные педагоги, учителя и священники [12]. Для несовершеннолетних предусмотрено особое наказание – помещение в специальный молодежный дом «Югендхауз». В основу воспитания положен гуманистический подход, включающий в себя конкретные меры: специфический режим и настойчивость в его соблюдении, благодаря которым должны быть устранены дефекты социального развития несовершеннолетнего осужденного, включающий программы по освоению школьного образования, гражданского воспитания, а также посещения культурных и спортивных занятий [13].

В Великобритании были внедрены экспериментальные образовательные программы для осужденных, которые значительно уменьшили число рецидивов [14]. Инновационная программа «Inside-Out» предоставляет возможность обучения для студентов Британской и Блэкбернской тюрем. Британский колледж социальной работы и факультет социологии сотрудничают с Департаментом исправительных учреждений в экспе-

риментальном проекте нового инновационного курса под названием «Наркотики и преступность, программа обмена заключенными наизнанку». Курс, который проводится раз в неделю в Блэкберне, объединяет 16 студентов колледжа (извне) вместе с 16 лицами, которые находятся в заключении (изнутри), чтобы проходить обучение на семинаре также как сверстники за пределами мест лишения свободы. Программа обмена основана на договорённости между пенитенциарными и учебными заведениями что несовершеннолетние осуждённые и студенты колледжей могут поделиться опытом в освоении учебного курса и пообщаться как сверстники в одной среде. В настоящее время программа успешно работает в более чем 300 пенитенциарных учреждениях и колледжах/университетах по всему миру [15]. Следовательно, привлекая для участия в учебном процессе преподавателей различных учреждений, наблюдается повышение образовательного результатов осужденных. Расходы на себя берут частные фонды, общественные организации и Служба исполнения наказания, которые готовят осужденных к сдаче экзаменов для поступления в вузы или профессиональные колледжи [16].

Таким образом, в зарубежных странах основными направлениями ресоциализации можно выделить:

1. Образовательные программы. Получение образования разного уровня: от среднего до профессионального. Активно осуществляется обучение в дистанционной форме.
2. Применяются программы культурно-просветительского характера.
3. Активное развитие программ по приобретению знаний, умений и навыков в различных видах профессий. Привлечение к трудовой деятельности во время отбывания наказания в местах лишения свободы.
4. Спортивные мероприятия организованные с привлечением социальных педагогов и самих осужденных.

Важно обратить внимание и на нормативно-правовые акты Российской Федерации. Так, согласно ст. 108 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации «в исправительных учреждениях организуются обязательное профессиональное обучение или среднее профессиональное образование по программам подготовки квалифицированных рабочих, служащих, осужденных к лишению свободы, не имеющих профессии (специальности), по которой осужденный может работать в исправительном учреждении и после освобождения из него».

Кроме того, несовершеннолетним осужденным предоставляется возможность выполнять трудовую деятельность за определенную оплату, что регламентирует как зарубежное, так и отечественное законодательство. В Российском законодательстве предусмотрена выплата заработной платы пропорционально отработанному осужден-

ным времени. Особенности регулирования труда несовершеннолетних прописаны в трудовом законодательстве Российской Федерации. Согласно которому, организация труда несовершеннолетних осужденных в исправительных учреждениях, должна быть приближена к продолжительности установленного объема работ, а также к условиям труда за пределами мест лишения свободы, чтобы несовершеннолетние осужденные могли подготовиться к дальнейшей трудовой деятельности в нормальных условиях жизни человека.

Таким образом, необходимо отметить, что современное отечественное законодательство в сфере ресоциализации несовершеннолетних осужденных в большинстве своем учитывает требования и рекомендации международных документов в этой области с учетом сложившихся условий и возможностей государства. Конечно, нужно проводить работу по изучению зарубежного опыта для совершенствования отечественного законодательства в части воспитательной работы, приближать ее к международным стандартам, а также внедрять положительный опыт в практику.

Литература

1. Минимальные стандартные правила **Организации** Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года. [Электронный ресурс]. // Организация Объединенных Наций [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conven/ (дата обращения: 15.02.2022)
2. Пертли Л.Ф., Сафронова С.А. Обзор европейского опыта по исполнению наказания в виде лишения свободы в отношении лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте: пособие для сотрудников УИС. М., 2012. – 32с.
3. Vorhau J. Prisoners' right to education: A philosophical survey [Электронный ресурс] // London Review of Education Volume 12, Number 2, July 2014 URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1160353.pdf> (дата обращения: 15.02.2022).
4. Европейские Пенитенциарные правила от 12 февраля 1987. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732870> (дата обращения: 13.02.2022)
5. Пенитенциарная психология: учебник для образовательных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации / Ю.А. Дмитриев, Б.Б. Казак. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. – 681 с.
6. rights-of-prisoners // U.S. Constitution Annotated | US Law | LII / Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution-conan/amendment-14/section-1/rights-of-prisoners> (дата обращения: 15.02.2022).

7. Center for American Progress [сайт]. URL: <https://www.americanprogress.org/> (дата обращения: 15.02.2022).
8. International Centre for Prison Studies (ICPR) // WHO/Europe | Prisons and health – International Centre for Prison Studies (ICPR). URL: <https://www.euro.who.int/ru/health-topics/health-determinants/prisons-and-health/publications/partner-publications/international-centre-for-prison-studies-icpr> (дата обращения: 14.02.2022).
9. Тимофеева Е.А. Особенности функционирования пенитенциарной системы Франции на современном этапе // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 4. С. 195–201.
10. Bundesverfassungsgericht-Startseite [сайт]. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/> (дата обращения: 15.02.2022)
11. Aufgaben und Ausgestaltung des Strafvollzugs // Aufgaben und Ausgestaltung des Strafvollzugs | bpb. URL: <https://www.bpb.de/izpb/268268/aufgaben-und-ausgestaltung-des-strafvollzugs> (дата обращения: 14.02.2022).
12. Rechtsfolgen einer Straftat nach dem deutschen Strafrecht Fragen zur Rechtslage. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/647618/78ef2a7138aab9e537a6270ab4d244ec/WD-7-054-19-pdf-data.pdf> (дата обращения: 14.02.2022).
13. Пути повышения эффективности воспитательного процесса в исправительных учреждениях / А.А. Кулакова, И.Н. Куркина, А.Н. Ломкина, Ю.А. Соколова // Теоретические аспекты пенитенциарной педагогики. Владимир, 2018. С. 157–167.
14. Our courses // Prisoners' Education Trust. URL: <https://www.prisonerseducation.org.uk/get-support/prison-staff/our-courses/> (дата обращения: 13.02.2022).
15. Blackford A. Innovative 'Inside-Out' Program Provides Learning Opportunity for UK and Blackburn Prison Students // College of Arts & Sciences Sociology. 2013. November 14.
16. Зауторова Э.В. Организация образовательного процесса в пенитенциарных учреждениях зарубежных стран // Образование и право. 213. № 2. С. 21–26.

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF RESOCIALIZATION OF JUVENILE CONVICTS

Yudakova S.P.

St. Petersburg Academy of the Investigative Committee

The article discusses the international experience of resocialization of juvenile convicts on the examples of foreign countries such as the United States of America, France, Germany, Great Britain. International documents and standards are considered, which, to one degree or another, relate to work with minors as part of their social adaptation. The analysis of work with juvenile convicts and the ele-

ments of preparing them for release is given on the example of these countries. The organization of the educational process and educational activities of juvenile convicts in places of deprivation of liberty is considered. The directions of resocialization in foreign countries are determined, a comparative analysis with the Penitentiary Code of the Russian Federation. It is noted that it is necessary to study foreign experience in order to improve domestic legislation in terms of educational work, bring it closer to international standards, and also introduce positive experience into practice.

Keywords: foreign countries, resocialization, juvenile convicts, educational process, education

References

1. United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules). Adopted by General Assembly resolution 40/33 dated November 29, 1985. [Electronic resource]. // United Nations [website]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conven/ (date of access: 15.02.2022)
2. Pertli L.F., Safronova S.A. A review of European experience in the execution of custodial sentences for juvenile offenders: a guide for penitentiary officers. M., 2012. – 32p.
3. Vorhau J. Prisoners' right to education: A philosophical survey [Electronic resource] // London Review of Education Volume 12, Number 2, July 2014 URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1160353.pdf> (date of access: 15.02.2022).
4. European Prison Rules of February 12, 1987. [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901732870> (date of access: 02/13/2022)
5. Penitentiary psychology: a textbook for educational institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation / Yu.A. Dmitriev, B.B. Kazak. – Rostov-on-Don: Phoenix, 2007. – 681 p.
6. rights-of-prisoners // U.S. Constitution Annotated | US law | LII / Legal Information Institute. URL: <https://www.law.cornell.edu/constitution-conan/amendment-14/section-1/rights-of-prisoners> (accessed 2/15/2022).
7. Center for American Progress [website]. URL: <https://www.americanprogress.org/> (accessed 02/15/2022).
8. International Center for Prison Studies (ICPR) // WHO/Europe | Prisons and health – International Center for Prison Studies (ICPR). URL: <https://www.euro.who.int/en/health-topics/health-determinants/prisons-and-health/publications/partner-publications/international-centre-for-prison-studies-icpr> (accessed: 14.02.2022).
9. Timofeeva E.A. Features of the functioning of the French penitentiary system at the present stage // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2016. No. 4. S. 195–201.
10. Bundesverfassungsgericht-Startseite [website]. URL: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/> (accessed 15.02.2022)
11. Aufgaben und Ausgestaltung des Strafvollzugs // Aufgaben und Ausgestaltung des Strafvollzugs | bpb. URL: <https://www.bpb.de/izpb/268268/aufgaben-und-ausgestaltung-des-strafvollzugs> (accessed 14.02.2022).
12. Rechtsfolgen einer Straftat nach dem deutschen Strafrecht Fragen zur Rechtslage. URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/647618/78ef2a7138aab9e537a6270ab4d244ec/WD-7-054-19-pdf-data.pdf> (accessed 14.02.2022).
13. Ways to improve the efficiency of the educational process in correctional institutions / A.A. Kulakova, I.N. Kurkina, A.N. Lomakina, Yu.A. Sokolova // Theoretical aspects of penitentiary pedagogy. Vladimir, 2018. P. 157–167.
14. Our courses // Prisoners' Education Trust. URL: <https://www.prisonerseducation.org.uk/get-support/prison-staff/our-courses/> (Accessed 13 Feb 2022).
15. Blackford A. Innovative 'Inside-Out' Program Provides Learning Opportunity for UK and Blackburn Prison Students // College of Arts & Sciences Sociology. November 14, 2013.
16. Zautorova E.V. Organization of the educational process in penitentiary institutions of foreign countries // Education and Law. 213. No. 2. P. 21–26.

Социально-коммуникативные модели отношений, основанные на принципах права

Асанов Владимир Валерьевич,

кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовного процесса, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: wladimir.asanov@yandex.ru

Статья посвящена исследованию правовых и социально коммуникативных моделей отношений, порождаемых принципами права. Автором статьи осуществляется анализ природы изучаемого феномена через индивидуальное восприятие принципов права и избрания норм, лежащих в основе таких норм в качестве модели поведения. Прослеживается общее и различное между механизмом воздействия на индивида и группу норм морали и принципов права, которые, по мнению автора, имеют общие черты, хотя и не тождественны друг другу. Автор обращает внимание на возможные механизмы применения принципов права, условия эффективности их воздействия на индивидов и некоторые из закономерностей избрания лицом варианта поведения основанного на принципах права. Отмечается особое значение принципов права по сравнению с прочими правовыми нормами, что связано с природой принципов.

Ключевые слова: принципы права, мораль, социальные нормы, правоотношения, теория права, верховенство права.

Мы оцениваем в категориях нравственности моральность поступков и их соответствия должному и достойному. Этот же критерий иногда можно применить и в рассуждениях о принципах права. Именно нравственные начала, положенные в основу норм, содержащихся в принципах права, придают нравственный авторитет праву [1. с. 526] и наделяют смыслом модель поведения субъектов правоотношений. Принципы права тогда выступают не только императивным правовым предписанием, устанавливающим базовые начала правоотношений, но и правилами, участвующими в формировании моральной интуиции лица, истолковывающего и применяющего правовые нормы. В определённом смысле можно допустить схожесть в механизме формирования и воздействия на поведение между принципами права и нормами морали.

Однако мораль, как отмечает Франс де Валь, вовсе не изобретение человечества [2. с. 10]. Феномен морали вероятно не в последнюю очередь связан с механизмом эмпатии и, в некоторых случаях, предполагает проявление альтруизма, как способности особой затрачивать свое время и энергию на заботу о сородичах [3. с. 365]. Стратегия каждой особи направлена на достижение собственной выгоды, даже в случаях демонстрации ею поведения, преимущество от которого получает другая особь. Личная выгода в данном случае не тождественна эгоизму в привычном для многих значении. Речь идёт о «выборе» наиболее предпочтительной стратегии поведения, позволяющей достичь желаемый результат.

Выбор не предрешен «человеческой природой». Как подчёркивает Р. Докинз, не существует никаких причин, чтобы влияние генов нельзя было повернуть в противоположную сторону с помощью других воздействий [4. с. 398–399]. Такое воздействие в обществе призваны оказывать среди прочего социальные нормы и, в том числе, нормы морали. Отношения, основанные на праве, не исключают воздействия на индивидов иных социальных норм, хотя право и рассматривается в качестве основного источника регулирования правоотношений. И если нормы морали, выступая набором неких социально значимых правил и участвуя в формировании представлений индивида о хорошем и плохом, влияют тем самым на избираемую им модель социально допустимого поведения, прин-

ципы права, подобно моральным императивам, более узко участвуют в формировании сходных базовых представлений о правомерном поведении.

Анализируя механизмы влияния норм морали и принципов права на индивидов и отношения между ними можно заметить много общего. Мораль, будучи социальной нормой, фиксирует стратегии поведения, дающие в результате их применения возможность предсказуемого взаимодействия внутри группы, при соблюдении баланса интересов внутри группы и поддержания репутации лица, следующего нормам морали. Подобное наблюдается и в случае с принципами права.

И нормы морали и принципы права требуют придерживаться той социально значимой модели поведения, которая предполагает отказ от стратегии поведения, приводящую к исключительной выгоде наиболее сильного участника отношений. В то же время моральная сомнительность эгоизма не означает невозможность действий к собственной выгоде. Действие же к выгоде других не предполагает отсутствие собственного интереса в таком поведении. Мы, как и другие животные, избираем ту модель поведения, которую воспринимаем в конкретной ситуации как предпочтительную. И мораль и принципы права должны позволять нам сделать тот выбор, который мы воспримем как справедливый.

Социальное поведение достигло у человека большего развития, чем у любого другого вида, и выходит далеко за пределы создания супружеских пар и семейного образа жизни, вплоть до образования сообществ таких уровней, как объединения, племена, кланы и национальные государства. [5. с. 311] Мы можем наблюдать ситуации взаимопомощи среди неродственных особей у некоторых приматов. [2. с. 180] Подобное же поведение нередко характерно и для людей.

Как отмечает Мэтт Ридли «обществу важен сам факт хорошего отношения людей друг к другу, а вовсе не их мотивы». [6. с. 35] Так механизм обеспечения сотрудничества в группе приобретает ещё больший смысл, когда мы обнаружим, что рассматриваемое нами поведение предполагает вероятные ответные действия по отношению к тому, кто демонстрировал такое поведение. И это не обязательно сиюминутный обмен «услугами» или иная осознанная сделка со строго определёнными условиями. Та же благодарность и стремление к взаимности становится элементом справедливого обмена, частью практики меры за меру и удовлетворительной реакцией, «поощряющей» стремление к повторению подобных действий в будущем. Реакция будто провоцирует определённое поведение в будущем. Тем самым мы наблюдаем построение не столько индивидуального действия, сколько отношения, построенные на взаимной основе. Это не столько предумышленная «продажа услуг», предполагающая в ответ формально определённую, чаще всего материальную плату, сколько взаимный обмен значимыми благами, требующий до-

верия к тому, с кем производится подобный обмен. Доверия, в основе которого лежит ожидание взаимности и благодарности, доверия, становящегося частью культурной парадигмы для группы.

Если «благодарность» отсутствует, если «взаимность» не наблюдается, утрачивается и доверие, а значит и сама предсказуемость поведения. В подобной ситуации демонстрация ожидаемого просоциального поведения устраняется девальвацией его ценности как предпочтительной стратегии. Возможный объект воздействия стратегии, предполагающей взаимную выгоду с меньшей вероятностью изберёт тот вариант поведения, который выгоден и для вступающей с ним в отношения стороны.

Способность в рассматриваемой ситуации «помнить добро», оценивать полезность, значимость и своевременность сделанного, вести подсчёт сделанному, ожидать взаимности и т.п. естественна и едва ли является проявлением нерациональной оценки ситуации. Доверие и взаимность в отношениях между индивидами создают предпосылки как для встречного обмена, так и для доверия в группе в целом. По сути, они образуют условия необходимые для использования стратегий поведения, исход которых удовлетворял бы каждого из вступивших в такие отношения в условиях взаимодействия в группе. Набор таких стратегий, отраженных в социальных нормах, создаёт предпосылки как для использования таких норм, так и для исключения случаев их невыполнения, поскольку нарушитель, рискует потеряв репутацию не иметь возможности вступления в будущем в выгодный для него обмен.

Заметим, что оценка действий другого, предполагающая подсчёт сделанному, в свою очередь, порождает множественность вариантов стратегий ответного поведения. При этом что стратегия «мера за меру» не является самой эффективной. Примером этого могут служить общества, где существовал или существует обычай кровной мести. Конфликты, основанные на этой социальной норме, длятся долго и они разрушительны для сотрудничества и взаимодействия внутри общества. С другой стороны, отмечается что стратегия поведения, предполагающая возможность время от времени, примерно с 30% вероятностью, прощение единичных ошибок, следует признать более эффективной. [6. с. 95–98] Так или иначе, особи, в условиях регулярно повторяющихся взаимоотношений, имеют меньше шансов на сотрудничество с другими особями, если не проявляют по отношению к ним взаимности и лишены их доверия. Таким образом, как минимум эмпатия, благодарность и доверие поощряют проявление альтруизма в группе и поддерживают определённое состояние и обмен благами среди участников такой группы.

Примечательно, что ни сам факт наличия иерархии доминирования в группе, ни доминантное положение особи не порождает у приматов преимущественной выгоды в ходе обмена или нерав-

ного обмена ни в пользу доминанта, ни в пользу тех, кого он считает «своими», как и не порождает полного отказа от своих интересов ради интересов группы. Самые высокоранговые особи, как отмечает Ф. де Вааль, которым бояться было совершенно нечего, ведут себя наиболее просоциально и, что интересно, без учёта своих социальных пристрастий, не отдавая кому-либо предпочтений. [2. с. 70–71, 179, 221] Тем самым такое поведение доминанта оказывает благоприятное воздействие и на группу в целом, поддерживая в ней нормальное состояние и не позволяя отношениям в группе скатиться к войне всех против всех. Что не менее важно, каждый член группы, вне зависимости от ранга в иерархии доминирования вынужден ограничивать своё поведение, придерживаясь определённой стратегии, в том числе, соответствующей его положению в иерархии. Это и не означает, что никто не пытается действовать в нарушение существующих «правил». Однако в таких случаях последствия от избрания иной стратегии поведения не должны уменьшать или исключать выгоду, приобретаемую другой стороной в результате соблюдения существующего порядка. Это, в свою очередь, предполагает необходимость проведения оценки ситуации, результаты которой будут положены в основу встречной стратегии поведения. Как отмечает Р. Докинз: «наше осознанное предвидение – наша способность моделировать в воображении будущее – может спасти нас от наихудших эгоистичных эксцессов». [4. с. 306] По мнению же Ф. де Ваала, решение помочь зависит не только от рациональной оценки ситуации, поскольку движущая сила здесь практически всегда – эмоциональный порыв. Если бы не эмпатия и отзывчивость, мы бы вряд ли вообще стали кому-то помогать. Но с другой стороны, одних эмоций недостаточно. Эмоции сочетаются с расчетами типа цена/выгода – и в результате рождается план действия или бездействие. Человеческая цель формируется в сочетании эмоциональных позывов и когнитивных фильтров. Такое же сочетание работает и у других животных. [2. с. 210–212] Однако для человеческих индивидов характерна ещё и рационализация своих действий. В ряде случаев оправдание определённого поведения становится частью культурной парадигмы. Важно не только то, что наиболее сильная в отношениях сторона настаивает на неравных отношениях. Но и то, что несправедливое неравенство отношений оправдывается и обосновывается без учёта оценки более отдалённых перспектив такой модели отношений. И мораль и принципы права призваны компенсировать такое неравенство, создав наиболее справедливую среду для взаимодействия индивидов.

Сами по себе эмоции не являются установленными программами поведения в конкретных ситуациях, которые были заложены в нас от рождения специально для таких ситуаций, вследствие чего и предопределяют наше поведение и реакцию в каждой данной ситуации и на внешние раздра-

жители вне зависимости от наших усилий. Впрочем, вероятно не следует отрицать ни роль индивидуальной предрасположенности к определённым реакциям как ни роль воздействия окружающей среды на реакции. Некоторым образом эмоции являются результатом выстраиваемых нашим мозгом вероятностей, предположений, догадок, возникающих на основе нашего опыта. Например, как отмечает С.Э. Мурик, ссылаясь на работу Г.Х. Шингарова, эмоции «это форма отражения живым организмом объективной реальности в виде её субъективного переживания. Иначе говоря, эмоции – это субъективное переживание раздражителей из внешней и внутренней среды организма». [7. с. 239]

Итак, на поведенческую модель влияют расчёт вероятности событий и реакции, влияющие на восприятие ситуации и одобрение выбора варианта поведения. Само поведение представляет собой направленные вовне действия организма в ответ на раздражители, возникающие в той или иной ситуации, которые определённым образом изменяют взаимоотношения организма с окружающей его средой и имеют адаптивное значение, т.е. способствуют сохранению вида. [3. с. 349] Как следует из результатов эксперимента Б. Либерта и последующих исследований, решения, которые мы принимаем, возникают до момента их осознания. [8. с. 47–57] Как отмечает К. Фрит: «Мы не осознаём, что собираемся совершить то или иное действие, пока мозг не произведёт неосознанный выбор, какое действие нам совершить. Но это действие определяется выбором, который мы сделали ранее, свободно и преднамеренно... Может быть, мы и не знаем точно, какое конкретно действие мы совершим в тот или иной момент. Но мы уже выбрали тот небольшой набор действий, из числа которых это конкретное действие будет выбрано». [9. с. 111] Особенно это важно в условиях проживания в группе и того воздействия, которое группа оказывает на особь. П. Штомпка отмечает: «Все люди живут по-разному, но в границах каждого общества существует определённый, свойственный членам данной группы способ жизни, формирующий те образцы действий и мыслей, которые становятся обязательными для всех». [10. с. 245] Едва ли кто-либо будет отрицать, что большинству из нас удобнее действовать в комфортной и предсказуемой среде. Вкупе со способностью поставить себя на место другого и возможностью построения предположения о возможном варианте его поведения вероятно мы захотим не только действовать в условиях ожидания естественной благодарности и взаимности, но и в условиях предсказуемости поведения тех, с кем мы вступаем в отношения.

Потребность в предсказуемом поведении придаёт значение формальным правилам, устанавливающим эталон поведения, что, собственно, мы и наблюдаем в человеческих обществах на примере социальных норм, получающих одобрение в культурной парадигме. Современная эволюция

человека в большей степени основана на развитии культуры, чем на социальном поведении. [5. с. 311] Как отмечает Р. Докинз: «Мы способны даже намеренно культивировать и подпитывать чистый бескорыстный альтруизм – нечто, чему нет места в природе, чего никогда не существовало на свете за всю его историю». [4. с. 306] Нормы морали способны влиять на выбор просоциальной стратегии и отказ от такого варианта поведения, который бы ставил интересы индивида выше интересов группы, обеспечивая тем самым доверие и взаимодействие в группе. Принципы права, помимо прочего, способны установить такие правила взаимоотношений, которые бы обеспечивали интересы каждого лица, вовлеченного в правоотношения, уравнивали права и обязанности таких лиц и делали бы отношения справедливыми, а построение отношений на основе норм права – предпочтительными. Нравственный закон не насаждается сверху и не выводится из разумных логических принципов, и скорее можно сказать, что он вырастает из прочно укоренившихся ценностей, зародившихся еще в начале времен, а самый фундаментальный из них – эволюционное преимущество жизни в группе, в результате чего все сводится в конечном итоге к сдерживанию эмоций. [2. с. 324]

Итак, если в общем смысле эмоции – это реакция, зависящая от нашего опыта, то моральные или основанные на морали предписания могут выступать именно теми стратегиями, следование которым позволяло бы каждому участнику отношений демонстрировать оптимальную реакцию на действия других сохраняя для себя возможность пользоваться доверием в группе и иметь возможность сотрудничества в ней. Предположу, что подобное в полной мере относится и к принципам права. При этом, как отмечает М. Ридли, эгоизм не является рациональным решением, если игра повторяется неоднократно. [6. с. 76]

Отношения в группе варьируется от единичного сотрудничества до множественности повторяемых событий. Но и норма морали и принципы права описывают именно оптимальную стратегию, которая при многократном повторении предлагаемого нормой варианта поведения обеспечивает данному участнику отношений максимально возможную среднюю выгоду при оптимальных издержках.

Взаимодействие в рамках отношений, подпадающих под действие любой социальной нормы, предполагает не простой разовый и не повторяющийся обмен между автономными индивидами существующими сами по себе и вступающими в отношении лишь по мере необходимости, это не разовый уникальный обмен, а, как минимум, повторяющаяся во времени множественность актов обмена. Никто не может знать каким будет ответ на оказываемую им услугу со стороны тех, кого он лично не знает, что затрудняет доверие к тому, кто относится к одному и тому же обществу, но обмен «услугами» с которым не осуществляет-

ся или весьма ограничен. Это проблема прогнозирования, восприятия и доверия лицам, с которыми осуществляется обмен. Если отсутствует возможность, даже в результате короткого общения, сформировать собственное мнение о лице, с которым предстоит вступить в отношения и характере предстоящего обмена, обмен информацией и получение информации из надёжных источников позволяет получить такое представление. В современных обществах, где существует и охраняется возможность свободного обмена информацией, люди часто обращаются к авторитетным суждениям, общественному мнению, к средствам массовой информации и другим доступным им источникам информации. В этом случае важна репутация такого источника. В подобных условиях обмен достоверной информацией позволяет воспринимать потенциального участника отношений в качестве «своего» или выступающего на стороне того, кто вступает с ним в отношения или же лица, которому можно доверять, поскольку такое лицо следует в базовой части предсказуемой модели поведения. А значит, при наличии у такого лица должной репутации, одновременно и распространить на такое лицо свои ожидания демонстрации им определённой модели поведения, соответствующей формальным императивным установкам, которым он будет следовать в силу значимости таких установок для него и обеспеченности таких императивов общим для участников отношений внешним регулятором и контролёром, в том числе и значимой для них обоим силой общественного мнения. Предположу, что такое сочетание позволит нам поступить должным образом в отношении того, с кем мы вступаем в отношения, но опыта общения с которым мы не имеем. С другой стороны, важно и то, что при определённых условиях, действуя, в рамках требований норм морали или права мы можем пренебречь общественным мнением и информацией, полученной нами о данном лице от других. Вопрос в том, что одобряемым такое поведение будет лишь в том случае, если такие правила норм, вне зависимости от сиюминутной оценки действий применяющего их лица, должны восприниматься в обществе или справедливо или потенциально справедливо. И даже если мнение общества не имеет значения для лица, применяющего норму и оно ориентируется в лучшем случае на оценку группы, которой принадлежит, оценка действий со стороны общества всё равно происходит и потенциально всё так же должна быть важна для индивида, чья деятельность оценивается. В самом же обществе формируется представление о поведении и оценивается возможность и целесообразность взаимодействия с такими лицами. Принципы права, как и нормы морали, создают условия как для взаимодействия, так и для оценки поведения на основе полученной информации.

Индивиды, имея опыт взаимодействия с друг с другом и испытывая на себе его последствия, могут не только стать источником информации

для тех, кто наблюдал такое взаимодействие, но и имеют возможность поделиться своим опытом с другими, что порождает переживания тех, кто получает информацию о таком взаимодействии в результате чего у «наблюдателей» и «слушателей», посредством научения, складывается личное отношение к подобным ситуациям. Это не только создаёт «знание» о ситуации и отношении к ней у индивида и в группе, но и возможно заставляет в будущем придерживаться определённого поведения в зависимости от принятия или непринятия такого варианта поведения и мотивации. В любом случае возникновение конфликтной ситуации порождает реакцию в группе, направленную на преодоление такого конфликта в группе в долгосрочной перспективе. В таком случае, важен не только обмен информацией, но и обмен достоверной информацией о ситуации, поскольку ошибочность в оценке поведения сторон в долгосрочной перспективе не выгодно для группы. Не могу утверждать, что это осознанный процесс. Пожалуй, он в большей степени соотносится с ситуацией подсчёта «услуг» и реакций при их обмене, о чём упоминалось выше. И это поведение соответствует модифицированной системе «мера за меру», допускающей возможность прощения отсутствия положительной взаимности в отношениях в условиях необходимости сотрудничества. Таким образом, обмен достоверной информацией внутри группы является важным условием для формирования и использования стратегий поведения, описываемых социальными нормами. Он же помогает группе выработать норму морали или принцип права как реакцию на реальные или возможные повторяющиеся события, как представление о правильном и должном во взаимоотношениях и как, в некотором смысле, модель сходных отношений в будущем.

Выработка рассматриваемой нормы не равнозначна созданию нормы. Скорее это одобрение правила через действие, свидетельствующее о принятии группой предлагаемой стратегии как удовлетворительной, присоединение к существующему правилу. И хотя предписание обеспечивается также и властью доминанта, а правило может быть выработано одним лицом, именно фактическое, а не формальное принятие правила членами группы и следование членов группы такому правилу делает норму правилом для группы в неизменном виде. Запоминание и последующее закрепление правила в группе можно сопоставить с процессом научения, как адаптивного изменения индивидуального поведения в результате предшествующего жизненного опыта. [3. с. 367]

Нельзя утверждать, что принятие поведенческого императива это исключительно добровольный шаг. Иерархия группы и организация группы заставляют следовать предписанию и демонстрировать необходимое поведение под угрозой санкций и/или потери репутации. По сути, как норма морали, так и принципы права, порождают всё те же типы реакций на социальное влия-

ние. В основе влияния такой нормы лежит выгода от вынужденного подчинения доминированию индивида, группы или идеи. Отказ от следования принятому и обязательному для соблюдения правилу ставит индивида вне группы и может быть причиной утраты выгод, получаемых от существования в группе. Следование же правилу должно порождать удовлетворенность. Само правило должно восприниматься как естественное, необходимое или вынужденное, а результат, получаемый вследствие применения описанной правилом стратегии, не должен казаться меньшим, нежели сиюминутная и потенциальная выгода, получаемая от использования иной стратегии. Выгода от следования предписаниям нормы морали, как и принципам права, должна быть у каждого индивида, вступающего во взаимоотношения. Такое поведение индивидов должно быть потенциально выгодным и для группы в целом. Иными словами, поведение каждого участника отношений должно как минимум восприниматься как оптимальная реакция на стратегии, принятые другими участниками отношений, и отклонение от выбранной поведенческой модели (стратегии поведения) должно быть никому не выгодно. Отсутствие этого условия разрушает выгоду для каждого участника группы. Стратегии, применяемые за счёт других исключительно к собственной выгоде или к выгоде подгруппы или группы (нескольких групп) в условиях общества (эгоистичные стратегии), даже если такие стратегии объявлены и сиюминутно рассматриваются как допустимые или даже моральные, в конечном итоге разрушают группу, а лица, применяющие эгоистичные стратегии паразитируют на такой группе. Пусть это и покажется парадоксальным, но поведение индивидов, действующих к собственной выгоде, одновременно должно быть просоциальным, хотя бы в той его части, в которой оно не будет увеличивать конфликт в обществе.

Общественное мнение позволяет установить правило, например, посредством его признания. Более того, общество, непосредственно или незримо, становится ещё одним участником отношений, который блюдет собственный общий интерес, формирует общественное мнение об определённом поведении и репутацию индивидов. Атомизированное общество не способно обеспечить подобное. Стратегии в таком обществе в меньшей степени предполагают сотрудничество за пределами групп. Напротив, общество, плотность которого высока, изрядно вмешивается в отношения, усложняя их. Это заставляет индивидов, не стремящихся покинуть группу, прибегать к стратегиям, которые позволили бы обойти контроль общества без потери репутации.

В многочисленных группах, контроль группы может быть номинально высок. Однако фактически он не столь эффективен как в группах малочисленных. То же касается и обществ с высокой и низкой плотностью. Более того, часть группы, имеющая возможность действовать вне контро-

ля группы и вовсе может создавать альтернативную мораль, пусть и внешне лояльную и сочетающуюся с моралью группы. Происходит симуляция лояльности правилам группы в целом при фактической автономности, а порой и параллельном существовании группы внутри группы. Такое часто происходит, например, в условиях определения правил и контроля за отношениями в группе не группой в целом, а части группы, пытающейся навязать группе в целом своё представление о должном и правильном. Возникновение «моральной автономии» в группе является реакцией части группы, которая не будучи в силах предложить или изменить предлагаемые им правила, создаёт для «своих» свои собственные правила, признавая такие правила в качестве нормы для себя и тех, кто готов этим правилам следовать. Таким образом мы наблюдаем не только обособление такой группы, но и обособление всей совокупности социальных норм, свойственной для группы. В то время как для всех сохраняются общие предписания, альтернативные нормы, в случае возможности их донесения до остальных и готовности остальных принять их в качестве оптимальной для себя стратегии во взаимоотношениях с друг с другом, становится уже не делом некоторых, но группы в целом. И хотя приведённый пример описывает лишь частный случай, он как нельзя лучше подчёркивает важность для предписаний следующих условий: моральное правило, как и принцип права, должны быть сформулированы хотя бы в общем виде; такое правило должно быть принято группой; такое правило обеспечивается силой авторитета (как доминанта, так и общественного мнения); предлагаемая нормативным предписанием стратегия должна быть исполнима и эффективна.

Общество, контроль которого достаточен и не излишен, может помочь адаптировать правило и заменить то, что не работает. Ни человек ни окружающий его мир не совершенны. Мораль позволяет нам если не преодолеть наш эгоизм и несовершенство окружающего нас мира, то хотя бы свести их к некоторому значению, делающему возможным взаимодействие в группе, удовлетворяющее нас настолько, чтобы следовать предписаниям моральных императивов. Мораль оказалась столь эффективна для общества, что получила отражение в культуре, в наших взглядах на самих себя, на окружающий нас мир и на наше место в нём. Она превратилась в культурный феномен, не только определяющий принадлежность и правила поведения со «своими», но и определяющий поступки человека в мире, который его окружает, став мерой, обоснованием и оправданием поступков каждого человека в той степени, которая позволяет каждому индивиду продемонстрировать оптимальные реакции на действия, предпринятые другими участниками отношений не имея возможности без потерь для себя избегать вариант поведения, находящийся за пределами установленных моралью допущений. Такую же роль способны выполнять и принципы права.

Важно и то, с кем индивид устанавливает свою общность в конкретной ситуации и каким правилам готов следовать ради сохранения такой общности. Скорее всего, само по себе существование в группе абстрактной нормы, не предполагает воспроизведение описанной в ней стратегии поведения в любой ситуации в отношении любого, потенциально своего индивида. Значение имеет, например, восприятие своего места и своей роли в данных конкретных отношениях и оценка потенциального влияния ситуации на последующие события. Такие текущие оценки и прогнозы влияют на выбор стратегий поведения с учётом тех последствий, которые наступят для индивида в результате применения таких стратегий. Скорее всего, принцип «не поступай с другим так, как не хочешь, чтобы поступали с тобой» в обществе действует там и тогда, когда индивидом в его отношениях с другим лицом, т.е. между условными «Я» и «Не Я», в рассматриваемой ситуации может быть прослежена если не общность или схожесть между ними, то некоторое условие, порождающее у индивида или желание действовать определённым образом в пользу другого лица или заставляющая одного индивида придерживаться определённой стратегии поведения в отношении другого, реализуя тем самым потенциальную способность к такому поведению. В свою очередь, способность к демонстрации этого поведения не означает, что потенциальные выгоды и издержки от демонстрации такого поведения в данных условиях и в рамках взаимодействия с данной совокупностью индивидов заставят любого индивида демонстрировать поведение, содержащееся в абстрактном императивном предписании, существующем в обществе, к которому принадлежат индивиды, если избрание описанной в норме стратегии не воспринимается необходимым в условиях конкуренции с другими правилами, следование которым представляется для индивида более целесообразным в данной ситуации.

Выбор варианта поведения сопряжен и с оценкой иных факторов. Например, на него может влиять и восприятие своего положения в иерархии, вследствие чего важными становятся последствия влияния предлагаемого варианта поведения на положение индивида (воспроизведение поведения неприемлемого для индивидов с определённым статусом потенциально угрожает их статусу), и отнесение себя к определённой группе, вследствие чего в ситуации взаимодействия с другими группами возникает конкуренция между предлагаемыми в группах правилами поведения (например, если речь идёт о конкуренции с нормами, действующими в профессиональной группе) и т.п.

Мораль, в отличие от принципов права, изначально скорее вариативна, чем универсальна. Например, ребёнку простительно то поведение, которое не простительно взрослому. Но если действует принцип права, любой субъект правоотношений обязан следовать установленному правилу. Однако как и в случае действия норм морали,

так и принципов права, игнорирование некоторых норм поведения может быть нормальным для лиц, исключенных из обязанности следовать таким нормам, при этом оставаясь аномальным для остальных.

Восприятие социальных норм как константы, за некоторым исключением, догмы едва ли справедливо. Человек часто не приемлет сейчас то, что становится для него нормальным завтра. Равно как может отрицать то, что ещё вчера было нормой. И мораль и принципы права адаптируются обществом в зависимости от изменения условий, опыта и наиболее распространённых в обществе взглядов. Это не превращает их в бесполезное явление. Напротив, адаптивность подобных норм позволяет корректировать отношения.

Мораль часто не формализована и не кодифицирована как закон, хотя нормы морали по возможности чётко сформулированы и абстрактно-определены. Но и нормы морали и нормы права в идеале должны восприниматься как правила повседневной жизни, поскольку обеспечивают предсказуемость и доверительность отношений между индивидами. Поэтому зачастую они выражены в виде суждений, воззрений или же как правильных реакций на происходящее. Опыт, чувства и эмоции способны влиять на оценку ситуации, и формировать суждения, трактовать поступки в зависимости от условий. И мораль и принципы права призваны помогать избрать ту стратегию поведения, которая сохранит равновесие в группе. Одновременно предлагаемая стратегия должна восприниматься в группе как естественная и справедливая, а получаемый вследствие её применения результат удовлетворительным, оправдывающим необходимость следования такой стратегии. Правило, не дающее справедливого результата, не объясняющее должным образом причину предлагаемой стратегии поведения, исходящее из источника, не заслуживающего доверия, не обеспечиваемое авторитетом доминирующего лица, группы и идеи, сложное к выполнению и противоестественное в условиях повседневной жизни, едва ли образует норму для группы.

Литература

1. Новгородцев П.И. Идея права в философии Вл.С. Соловьева // Об общественном идеале. – М., 1991.
2. Ф. де Вааль. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. – М., 2016.
3. Биология: в 3 т. Т. 2. / Д. Тейлор, Н. Грин, У. Статут; под ред. Р. Сопера – М. 2016.

4. Ричард Докинз. Эгоистичный ген. – М., 2013.
5. Биология: в 3 т. Т. 3. / Д. Тейлор, Н. Грин, У. Статут; под ред. Р. Сопера – М. 2016.
6. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. – М., 2013
7. Мурик С.Э. Общие нейрональные механизмы мотиваций и эмоций. –Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2006
8. Benjamin Libet. Do We Have Free Will? Journal of Consciousness Studies, 6, No. 8–9, 1999
9. Фирт К. Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. – М., 2012.
10. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. – М., 2005.

SOCIO-COMMUNICATIVE MODELS OF RELATIONS BASED ON THE PRINCIPLES OF LAW

Asanov V.V.

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article is devoted to the study of legal and socially communicative models of relations generated by the principles of law. The author of the article analyzes the nature of the phenomenon under study through individual perception of the principles of law and the choice of the norms underlying such norms as a model of behavior. There is a common and different between the mechanism of influencing the individual and the group of moral norms and principles of law, which, in the author's opinion, have common features, although not identical to each other. The author draws attention to the possible mechanisms for applying the principles of law, the conditions for the effectiveness of their impact on individuals and some of the regularities of a person's choice of a variant of conduct based on the principles of law. There is a special importance of the principles of law compared to other legal norms, which is related to the nature of the principles.

Keywords: principles of law, morality, social norms, legal relations, theory of law, rule of law.

References

1. Novgorodtsev P.I. The idea of law in the philosophy of V.I. Vil'lage Solovyova // About the social ideal. – Moscow, 1991.
2. de Waal F. Origins of morality: In search of human primates. – Moscow, 2016.
3. Biology: in 3 volumes. Vol. 2. / D. Taylor, N. Green, W. Stout; ed. R. Sopera – M. 2016.
4. Dawkins R. Selfish gene. – Moscow, 2013.
5. Biology: in 3 volumes. Vol. 3. / D. Taylor, N. Green, W. Stout; ed. R. Sopera – M. 2016.
6. Ridley M. The origin of altruism and virtue: from instincts to cooperation. – Moscow, 2013
7. Murik S.E. General neuronal mechanisms of motivations and emotions. -Irkutsk: Irkutsk State University Publishing House, 2006
8. Libet B. Do We Have Free Will? Journal of Consciousness Studies, 6, No. 8–9, 1999
9. Firth C. Brain and soul: How nervous activity shapes our inner world. – Moscow, 2012.
10. Sztompka P. Sociology. Analysis of modern society. – Moscow, 2005.

Возможности и ограничения использования информационных технологий в процессуальном праве

Постная Елизавета Николаевна,

студент, кафедра гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия
E-mail: aleshinaliza0501@mail.ru

Постный Дмитрий Викторович,

студент, кафедра гражданского и административного судопроизводства, «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: postnyydv@yandex.ru

Информатизация и развитие технологий отражается на всех отраслях государства, в том числе и на судебной власти. Развитие системы электронного правосудия представляя собой прогрессивное желание судейского сообщества упростить и модернизировать судебный процесс, на сегодняшний день представляется несформированной и имеет ряд не до конца урегулированных вопросов. Среди основных проблем можно выделить необразованность населения в области технологий, отставание ряда регионов в технологическом процессе и не до конца проработанное программное обеспечение, которое должно своей успешной и беспрекословной работой реализовывать все цели электронного правосудия. Игнорирование данных проблем будет означать лишь замедление в развитии технологического процесса в правоприменительной сфере, а следовательно, усложнит в дальнейшем работу всего судебного сообщества.

Ключевые слова: электронное правосудие, проблемы, процессуальное право, развитие, технологии.

Каждое государство в современном мире стремится к цифровизации и ставит перед собой данную задачу, как основополагающую и приоритетную. Пандемия коронавируса стала «лакмусовой бумажкой» и показала необходимость модернизирования отраслей жизнедеятельности человека и внедрения в них информационных технологий для более удобного и практичного осуществления государством своих задач.

Одной из таких отраслей является судебная система, активно внедряющая в свои процессуальные элементы информационные технологии. Однако данный процесс осуществляется не совсем успешно и на данном этапе можно выявить ряд недостатков негативно влияющих на ход модернизации судебной системы, а именно процесса судебного разбирательства и подготовки к нему.

Информатизация судебной отрасли началась с введением программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 27.12.2012 № 14061 [1]. В разделе I программы поставлена задача скорейшего внедрения в судебные производства информационных технологий.

Безусловно нельзя отрицать, что информатизация приводит к значительным улучшениям в судебном процессе и на стадии его подготовки. Так, выделяются следующие положительные стороны процесса модернизации:

- ускорение темпов судопроизводства;
- повышение прозрачности судебного процесса;
- укрепление механизма «обратной связи» во взаимоотношениях судебной власти (как представителя государства) и гражданского общества;
- упрощение участия в судебном процессе для граждан, обладающих необходимыми навыками обращения с современными информационными технологиями;
- углубление дифференциации между поколениями и социальными слоями в обществе по критериям владения навыками обращения с компьютером и материального достатка (делающего возможным покупку необходимой компьютерной техники), что отражается на неравномерном доступе различных социальных слоев и возрастных групп к пользованию достижениями технологий электронного правосудия [2, с 90].

И сейчас (конец 2020 года) можно проанализировать процесс компьютеризации судебной системы и выявить как значительные улучшения, так и недостатки в проведенной политике.

Реализация портала «ГАС Правосудие» сделала большой шаг в развитии информатизации суда. Так как уже к 2019 году количество обращений к платформе составило больше миллиона.

Также важным аспектом осуществления перехода к электронному правосудию стала возможность подавать документы в суд через отделения МФЦ, что безусловно снизило нагрузку на судебные составы и работу судей [3].

Однако не смотря на положительные стороны информатизации судебной системы можно раскрыть несколько спорных и негативных моментов в данном процессе.

Среди теоретических проблем следует выделить следующие:

1. Отсутствие в законодательстве термина «электронное правосудие». Законодательное закрепление данного института положило бы начало систематизации норм и принципов данного направления.

2. Отсутствие у большого количества населения доступа к сети «Интернет» ставит под угрозу реализацию основных принципов гражданского процессуального права, таких как: диспозитивность, равноправие сторон.

3. Неравномерное развитие отраслей гражданского права (введение аудио протоколов в гражданском процессе было закреплено гораздо позже чем в арбитражном) в области информатизации может привести к отставанию в определенных вопросах дальнейшей информатизации.

В области практического применения права стоит выделить следующие проблемы, связанные с использованием информационных технологий. Данные аспекты нуждаются в более четкой доработке или же вовсе в пересмотре положений закона.

Так, Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 электронные доказательства были приравнены к письменным. Данным сравнением Верховный Суд, не желая вдаваться в проблематику вопроса, вызвал большое количество процессуальных вопросов к электронным документам, используемые в суде [4]. На данный момент отсутствует какое-либо регламентирование обеспечения электронных доказательств. Ч. 2 ст. 71 ГПК устанавливает, что судья по своему усмотрению может оценить достоверность электронных доказательств. Данное установление законодателя должно быть подвергнуто критике, так как для оценки электронных материалов должен быть привлечён специалист или эксперт, имеющие образование в данной области. Это обосновывается также тем, что судья, не имея должного технического образования, может неверно истолковать те или иные доказательства, предоставленные в рамках разбирательства. В качестве примера можно затронуть дело, рассматриваемое в научной работе А.М. Шаховой: «Дзержинский районный суд города Нижнего Тагила, несмотря на заявление о фальсификации доказательства, решил, что «представленные суду истцом доказательства

с учетом их дополнения при рассмотрении дела, и несмотря на их предоставление по электронной почте в виде электронных образцов документов, по мнению суда, отвечают признакам допустимости и относимости» [5, с. 34].

Следующим проблемным вопросом в процессуальном праве следует вынести получение документов в суде в рамках гражданского процесса. С Постановлением Пленума Верховного Суда № 57 в судах общей юрисдикции судебные акты оформляются как на бумажном носителе, так и в электронном виде. Но уже получение копии судебных документов производится на бумажном носителе.

И хотя предоставляется возможность выдачи и направления судебных документов в электронном виде «дублирование» документов приводит к большей нагрузке на аппарат суда.

Следующим вызывающим интерес противоречием является мировое соглашение и его подача в суд. Согласно ст. 173 ГПК соглашение о примирении сторон рассматривается в судебном заседании. Однако вышеупомянутый Пленум установил, что мировое соглашение может быть подано в суд для рассмотрения дистанционно. При этом должны быть соблюдены требования, установленные Пленумом. Данное положение вызывает противоречие с нормами гражданского кодекса и ставит под вопрос правомерность применения Пленума.

Также стоит остановиться на обязательной видео-фиксации судебного заседания. Отсутствие данного элемента является грубым процессуальным нарушением и может повлечь за собой отмену судебного решения. Но при этом не все суды имеют должное материальное обеспечение для осуществления данного положения.

В юридической науке также выносятся проблема ознакомления с электронными документами. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 57 устанавливается, что «поданные в электронном виде документы не изготавливаются на бумажном носителе и не прикладываются к направляемой заявителю копии определения об отказе в принятии или о возврате, как того требует ГК». Обращается внимание на то, что данное противоречие препятствует ознакомлению участников процесса и соответственно в дальнейшем данный факт может повлечь отмену судебного решения [6, с. 177].

В практике также можно выявить такую проблему, как отсутствие связи между «очной» и «электронной» подачи искового заявления. Дело Школы № 1164 является ярким примером несформированности системы электронного правосудия. В арбитражный суд города Москвы было подано исковое заявление против Школы. Особенность заключилась в том, что исковое заявление было подано как лично истцом в суде, так и через автоматизированную систему. В связи с плохо организованной системой электронного правосудия исковые заявления были оформлены, как «два разных дела» и рассмотрены по отдельности. По де-

лу № А40–26090/20–81–191 образовательное учреждение было привлечено к ответственности, а по делу № 40–16249/20–62–124 было отказано в удовлетворении исковых требований [7, 8].

В данном случае ввиду неоптимизированной системы «Электронного правосудия» были нарушены положения Арбитражного кодекса, а именно было повторно рассмотрено исковое заявление с тем же предметом, сторонами и по тем же основаниям.

В заключении также можно вынести ряд незначительных проблем, нуждающихся в устранении в рамках гражданского судопроизводства:

- Необходимо проведение образовательных мероприятий населения в области применения возможностей сети «Интернет» для осуществления своих прав в рамках судопроизводства;
- На данном этапе, в случае проведения судебного заседания посредством видеоконференции, нарушается принцип открытости судебного заседания, так как отсутствует единая база с данными о проходящих судебных заседаниях (отсутствие возможности подключиться к идущей конференции – судебному заседанию);
- Легкая возможность подделки и фальсификации электронных документов.

Таким образом, на данном этапе имеется целый ряд неуточненных законодателем вопросов электронного правосудия, начиная от прикладных (доступность интернета), заканчивая правовыми (рассмотренные в данной работе).

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 27 декабря 2012 г. № 1406 «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (с изменениями и дополнениями).
2. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис.к.ю.н. 12.00.15 защищена 21.09.2018 – М 251 с.
3. ТАСС – [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8309623>, свободный – (10.10.2020)
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 N 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // РГ. N 297. 29.12.2017;
5. Шахова А.М. Цифровизации в гражданском процессе проблемы доказывания // Юридическая наука – 2020 – № 7. 32–36 с.
6. Руднева Ю.В., Кавкаева Ю.А. Электронное правосудие в гражданском процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук – 2020 – № 1–2. 176–180 с.

7. Решение по делу № А40–26090/20–81–191 // Арбитражный суд города Москвы. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a9a9e64-8385-439c-8ad3-729e167ee5d6/1b4be1fe-4fc5-4612-9192-09ccc4a9ccb8/A40-26090-2020_20201225_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения 10.02.2022)
8. Решение по делу № А40–16249/20–62–124 // Арбитражный суд города Москвы. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8285f266-981d-494f-88e2-0356f379f214/a492da1f-e1a5-43c1-ad28-12bf12b8691d/A40-16249-2020_20200601_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (Дата обращения 10.02.2022)

POSSIBILITIES AND LIMITATIONS OF THE USE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN PROCEDURAL LAW

Postnaya E.N., Postnyy D.V.
Russian State University of Justice

Informatization and the development of technologies are reflected in all branches of the state, including the judiciary. The development of the e-justice system, representing a progressive desire of the judicial community to simplify and modernize the judicial process, today seems to be unformed and has a number of issues not fully resolved. Among the main problems, one can single out the lack of education of the population in the field of technology, the backlog of a number of regions in the technological process and not fully developed software, which should, through its successful and unquestioning work, implement all the goals of e-justice. Ignoring these problems will only mean a slowdown in the development of the technological process in the law enforcement sphere, and, consequently, will further complicate the work of the entire judicial community.

Keywords: e-justice, problems, procedural law, development, technologies.

References

1. Decree of the Government of the Russian Federation of December 27, 2012 N 1406 «On the federal target program» Development of the Russian judicial system for 2013–2020 «(as amended)
2. Vasilkova S.V. Electronic justice in the civil process: dis. Ph.D. 00/12/15 protected 09/21/2018 – M 251 s.
3. TASS – [Electronic resource] – Access mode: <https://tass.ru/obschestvo/8309623>, free – (10.10.2020)
4. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 26, 2017 N 57 “On some issues of the application of legislation governing the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts” // RG. No. 297. December 29, 2017;
5. Shakhov A.M. Digitalization in the civil process of the problem of proof // Legal Science – 2020 No. 7. 32–36 p.
6. Rudneva Yu.V., Kavkaeva Yu.A. Electronic justice in civil proceedings // International Journal of Humanities and Natural Sciences – 2020 – No. 1–2. 176–180 p.
7. Decision in case No. A40–26090 / 20–81–191 // Arbitration Court of the City of Moscow. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4a9a9e64-8385-439c-8ad3-729e167ee5d6/1b4be1fe-4fc5-4612-9192-09ccc4a9ccb8/A40-26090-2020_20201225_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (appeals 10.02.2022)
8. Decision in case No. A40–16249 / 20–62–124 // Arbitration Court of the City of Moscow. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/8285f266-981d-494f-88e2-0356f379f214/a492da1f-e1a5-43c1-ad28-12bf12b8691d/A40-16249-2020_20200601_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (appeals 10.02.2022)

Нотариусы и судьи, пребывающие в отставке, как субъекты процедуры медиации

Шевченко Денис Игоревич,

студент, кафедра гражданского процесса Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета
E-mail: shev.den.2000@mail.ru

В данной работе приводится статистика рассмотрения гражданских дел судами общей юрисдикции с 2017 по 2020 годы, свидетельствующая о непопулярности института медиации в Российской Федерации. В связи с этим внимание уделяется недоверию спорящих сторон медиаторам, как вероятной причине таких показателей. Также рассматривается необходимость создания профессионального корпуса медиаторов, возможности повышения доверия участников споров к процедуре медиации посредством её интеграции в нотариальную практику, а также привлечения к проведению процедуры судей в отставке. Для этих целей проанализированы мнения отечественных ученых, занимающихся вопросами нотариата и медиации; рассмотрен зарубежный опыт реализации подобной модели проведения примирительной процедуры, а также приводятся проекты российских законов, направленных на изменение существующего порядка осуществления медиации.

Ключевые слова: субъекты процедуры медиации, нотариусы, судьи в отставке, гражданский процесс, примирительные процедуры.

Фундаментальным принципом гражданского общества, правового государства является доступность правосудия, гарантированная юридическая защита прав и свобод граждан на основе законов. На основе международной и зарубежной судебной практики Организация Объединенных Наций подчеркнула, что «одним из ключевых элементов системы отправления правосудия является неформальное урегулирование конфликтов и его необходимо максимально широко использовать, с тем чтобы не проводить судебных разбирательств, которых можно избежать» [15].

Процедура судебной медиации появилась в российской практике с принятием федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – закон о медиации) [2]. Однако должного развития и повышения популярности института медиации не происходит уже долгое время, о чём говорят статистические показатели. Так, в судах общей юрисдикции в 2017 году было утверждено мировых соглашений с участием посредника (медиатора) в 1385 гражданских делах (из всего рассмотренных 13705 059 гражданских дел (доля составила 0,01%)), в 2018 году – в 1115 делах (из всего рассмотренных 16237 556 дел (доля составила 0,006%)), в 2019 году – в 1008 делах (из всего рассмотренных 18607 356 дел (доля составила 0,005%)), в 2020 году – всего в 507 делах (из всего рассмотренных 20611 975 дел (доля составила 0,002%)) [20]. Стоит полагать, основные причины таких низких показателей связаны с объективными экономическими условиями, наличием законодательных пробелов в правовом регулировании института, недоверием медиаторам со стороны спорящих субъектов и с другими причинами [19].

Существует позиция, что эффективность процедуры медиации предопределяется именно профессионализмом и квалификацией медиатора [13]. Но в настоящее время оценка качества предоставляемой медиатором услуги возможна только на основании его репутации, времени работы в данной сфере и личных впечатлений сторон конфликта. Медиатор не получает какого-либо допуска, не сдает профессионального экзамена (как адвокаты, нотариусы и арбитражные управляющие), его деятельность не обязательно контролируется и гарантируется саморегулируемой организацией.

В данной работе хотелось бы уделить внимание способам решения проблемы создания профессионального корпуса медиаторов, рассмотреть воз-

возможность повышения доверия участников споров к процедуре медиации посредством интеграции медиации в нотариальную практику, а также привлечения к ее проведению судей в отставке.

Судьи, пребывающие в отставке, как медиаторы

В июле 2019 года законом № 197-ФЗ были внесены изменения в процессуальные кодексы, направленные на совершенствование института примирительных процедур. Кроме того, в закон о медиации, а также в Закон РФ «О статусе судей» были внесены изменения, связанные с предоставлением возможности быть медиатором судьей, пребывающему в отставке [1].

Предпосылкой к подобным нововведениям явилась высокая потребность в доступных и эффективных механизмах урегулирования споров, которые бы способствовали не только повышению качества правосудия за счет оптимизации судебной нагрузки, но и, в первую очередь, снижению конфликтности, укреплению социальных и деловых связей, становлению и развитию партнерских отношений к закону, а также повышению правосознания и социальной активности. По мнению авторов законопроекта, указанные новеллы повысят привлекательность альтернативных процедур разрешения споров, а также укрепят профессиональными кадрами институты медиации.

Положительно можно оценить, во-первых, некоторую нацеленность законодателя на привлечение внимания обывателя: в сравнении с адвокатом или представителем, статус судьи в отставке может расцениваться выше, а его правовая оценка может представляться более предпочтительной [12]. Во-вторых, участие судьи в отставке в процедуре медиации повышает качество работы лиц, осуществляющих полномочия по урегулированию споров с применением примирительных процедур, так как учитываются его знание норм права, умение их применять, а также практический и жизненный опыт, приобретенный в ходе выполнения судьей своих профессиональных обязанностей. В-третьих, по сравнению с ведением списка судебных примирителей, списки судей, пребывающих в отставке и изъявивших желание осуществлять деятельность медиаторов на профессиональной основе, ведутся советами судей субъектов Российской Федерации, а не Пленумом Верховного Суда РФ. В данном случае рассмотрение кандидатуры судьи-медиатора происходит быстрее и качественнее. В-четвертых, к судье, пребывающему в отставке, являющегося медиатором, можно обратиться и на досудебном этапе в целях разрешения конфликта, что должно повышать доверие спорящих сторон к институту медиации.

Тем не менее, рассматриваемое нововведение не лишено спорных моментов. Так, остаётся неясным, необходимо ли судьям, пребывающим в отставке, получать дополнительное професси-

ональное образование по вопросам применения процедуры медиации. В части 1 статьи 16 закона о медиации такое требование предъявляется к медиаторам, осуществляющим деятельность на профессиональной основе, но в этой же статье, в части 1.1, посвященной судьям, пребывающим в отставке, как медиаторам, данный критерий не уточняется. Думается, что дополнительное профессиональное образование по вопросам применения процедуры медиации крайне важно для судьи-медиатора, поскольку в своей работе в суде он должен был по итогам разбирательства занять чью-то сторону. Содержание работы медиатора имеет больший уклон на работу в зоне конфликта и его устранение, а не разрешение спора, о чём свидетельствуют примерные учебные планы по различным уровням подготовки медиаторов, изложенные в Приказе Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов» [3]. Безусловно, работа судьи связана с конфликтологией, однако, думается, что завершение обучения судей-медиаторов по программам, посвященным более углубленному изучению этой науки, будет способствовать успешной адаптации в новом виде деятельности и повысит эффективность их работы, а также сформирует или укрепит их компетенции, как медиатора. Таким образом, думается, необходимо дополнить часть 1.1 закона о медиации указанием о необходимости обучения судей-медиаторов по программам соответствующего дополнительного образования.

В целом, несмотря на некоторые противоречия, вызванные, вероятно, неидеальной юридической техникой, новелла медиаторов-судей, пребывающих в отставке, согласуется с вектором развития процедуры медиации в нашей стране, поскольку судья в отставке не принимает решения от лица государства, не обладает властными полномочиями. С одной стороны, статус медиатора предоставляет судье возможность менее формального взаимодействия со сторонами в целях поиска взаимовыгодного для них способа разрешения спора, а с другой стороны сами стороны заинтересованы в том, чтобы их спор помог разрешить компетентный участник в кратчайшие сроки.

Необходимо отметить, что в зарубежных странах подход к посредничеству с участием судей, помощников судей и работников судов несколько иной. Так, во Франции, согласно Декрету от 20 марта 1978 года № 78–381 «О судебных примирителях», судебным примирителем может быть назначено лицо, обладающее не менее чем трехлетним стажем работы в области права, а также имеющее практический опыт и квалификацию, необходимые для выполнения соответствующих функций. Вместе с тем судебными примирителями не могут быть должностные лица, государственные служащие, а также лица, каким-либо образом привлеченные к отправлению правосудия [14]. Однако выполнение указанных функций не является несовместимым с работой в качестве помощника

судьи суда первой инстанции. В отличие от медиатора, судебный примиритель рассматривает только правовую часть спора, не затрагивая иных сторон конфликта, и имеет возможность предложить сторонам вариант судебного решения (т.е. вариант решения исходит от третьего лица, а не от сторон спора), либо самостоятельно вынести решение по спору.

В Германии примирительную процедуру часто проводят судьи, в производстве которых не находится рассматриваемый спор [14]. В некоторых судах Германии судьи, получая дело, сразу же передавали его судье-медиатору, прошедшему курс медиации, который созванивался со сторонами или их представителями и предлагал им принять участие в медиации [18]. Вместо проверки пригодности дела для медиации на основе выработанной группы критериев здесь в качестве единственной предпосылки, указывающей на пригодность случая к урегулированию в рамках примирительной процедуры, рассматривали готовность сторон принять участие в медиации и обсуждать существующую проблему. Если медиация проходила успешно и стороны достигали медиативного соглашения, то сам судья-медиатор мог запротokolировать его и утвердить в качестве мирового соглашения по спору, не передавая его обратно компетентному судье. В целом данный проект привел к частичному достижению целей, поставленных организаторами, в частности, такими целями были: 1) расширение возможностей судебной системы по разрешению конфликтов; 2) вклад в изменение культуры разрешения конфликтов в обществе; 3) получение дополнительных знаний для повышения квалификации и обучения; 4) снижение финансовых и социальных затрат сторон и финансовой нагрузки суда.

Как видно из опыта некоторых стран, медиация с участием судей или сотрудников суда имеет несколько иной характер, отличающийся от российских процедур судебного примирения и судей-медиаторов, пребывающих в отставке. Как следствие, может возникнуть ряд вопросов, например, имела ли необходимость в создании новой примирительной процедуры в виде судебных примирителей, или эффективнее было бы скорректировать процедуру медиации, повысив её эффективность? На этот счёт хотелось бы согласиться с мнениями Е.А. Евтуховича и Д.Г. Фильченко: «Плюрализм механизмов примирения не должен быть самоцелью, так как количественное увеличение само по себе не означает качественного роста» [8]. Разнообразие примирительных процедур, как таковое, не является плохим явлением, однако в ситуации, когда ни процедура медиации, ни судебное примирение толком не функционируют, увеличение количества возможностей разрешения спора видится несвоевременным. Такие нововведения, думается, ведут к усложнению понимания различий процедур.

С учетом изложенного, хотелось бы позитивно отметить озвученные нововведения. Вместе с тем,

поскольку появление судей-медиаторов случилось сравнительно недавно, то о результатах их деятельности в качестве медиаторов говорить еще преждевременно. Тем не менее, стоит полагать, что вовлечение их в медиативную деятельность сможет оказать положительный эффект на развитие профессиональной медиации.

Нотариус, как субъект процедуры медиации

Профессиональная медиация в Российской Федерации нуждается в укреплении своего функционирования посредством вовлечения в процедуру институтов, уже доказавших свою эффективность, проверенных временем и вызывающих доверие у граждан и организаций. Пожалуй, едва ли не с момента принятия закона о медиации многие авторы пишут о необходимости в отечественной практике нотариусов-медиаторов.

На сегодняшний день в статье 6 Основ законодательства о нотариате закреплено два ограничения, касающихся деятельности нотариуса: он не вправе заниматься предпринимательской и другой оплачиваемой деятельностью; оказывать посреднические услуги при заключении договоров. В статье 10 закона о медиации закреплено, что деятельность по проведению процедуры медиации осуществляется медиаторами как на платной, так и на бесплатной основе, а в статье 15 этого же закона сказано, что деятельность медиатора не является предпринимательской. Таким образом, нотариус не может обладать статусом медиатора, поскольку этому препятствует запрет на осуществление иной оплачиваемой деятельности. Данное ограничение не является серьёзным с точки зрения массива работ, необходимых для его изменения, поскольку, думается, достаточно лишь включить услуги нотариуса, как медиатора, в нотариальный тариф. В таком случае нотариусы смогли бы получить дополнительную возможность для заработка, граждане и организации – возможность обращения за квалифицированной помощью, а государство – дополнительный доход от уплаты налогов с осуществления такой деятельности.

Некоторые авторы отмечают, что незакрепление за нотариусами возможности получения статуса медиатора является большим упущением. Сама сущность нотариальной деятельности, законодательно закреплённые правовые гарантии независимости нотариуса, т.е. его особый юридический статус обеспечивают реализацию принципа добросовестности и беспристрастности процедуры медиации, поскольку в силу существа своей профессии при разрешении спора нотариус не может принять позицию одной из сторон. Он должен обеспечивать баланс интересов не только непосредственных участников процедуры медиации, но и третьих лиц, на правах и обязанностях которых может отразиться решение спора [17].

Так, С.К. Загайнова пишет, что нотариальное сообщество достаточно представительно, име-

ет большой опыт развития медиации и примирительных процедур, который может быть внедрен в практику в достаточно краткий срок [10]. И, поскольку надделение нотариусов полномочиями по проведению медиации было бы эффективным и не требующим организационных и финансовых затрат, то автор предлагает позволить нотариусам проводить примирительные процедуры и в рамках самого нотариального процесса на правах исключения из общего порядка совершения нотариальных действий. Как следствие, подобные нововведения, во-первых, помогут устранять сам конфликт спорящих сторон, а не переводить его в скрытое состояние, как если бы одна из сторон получила судебное решение; во-вторых, дело сторон, в случае его успешного разрешения, не доходило бы до суда, что влекло бы за собой уменьшение судебной нагрузки; в-третьих, проведение процедуры медиации может оказаться более выгодным для спорящих сторон с точки зрения сохранения финансовых средств и деловых отношений.

С.И. Калашникова также предлагает позволить нотариусу проводить медиацию, как факультативную процедуру [11]. Если стороны согласны на проведение примирительной процедуры, основное нотариальное производство должно откладываться на определенный срок. По истечении этого срока, если стороны не пришли к соглашению, нотариус с учетом мнения заинтересованных лиц может приостановить нотариальное производство либо отказать в совершении нотариального действия по специально предусмотренным основаниям. После урегулирования всех разногласий нотариальное производство будет возобновляться. Таким образом, вместо того чтобы отказывать в совершении нотариального действия и направлять стороны в суд, нотариус сможет предложить альтернативный способ решения возникшей проблемы и, при согласии сторон, оказать содействие в урегулировании их спора.

Однако, думается, что такая модель является не осуществлением процедуры медиации, а применением медиативных техник, которые, в целом, нотариусы вполне могут использовать и с учётом всех норм, действующих на сегодняшний день. В свою очередь дозволение проводить процедуру медиации, как самостоятельное направление нотариальной деятельности, завершающееся медиативным соглашением, видится более полно отвечающим интересам российской медиации. Такую точку зрения можно объяснить тем, что нотариус сможет урегулировать не спор, препятствующий совершению отдельного нотариального действия, а весь конфликт в целом, то есть будучи профессионалом он мог бы предотвратить обращение сторон в суд, помогая найти спорящим сторонам выход из ситуации.

Нужно отметить, что ранее отечественный законодатель уже предпринимал попытки введения процедуры медиации в нотариальной деятельно-

сти, даже вносился проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации», который закреплял возможность проведения нотариусами процедуры медиации [7]. Последний проект Федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации», к которому, возможно, законодатели ещё вернутся [6], предусматривает, во-первых, ужесточение требований к кандидатам в профессиональные медиаторы (часть 1 статьи 10 проекта), что, в целом, является позитивным предложением. С другой стороны, авторы предлагают запретить адвокатам и нотариусам заниматься такой деятельностью (часть 5 статьи 10 проекта). В Федеральной палате адвокатов такие предложения одобрения не вызвали. С позицией адвокатов нельзя не согласиться: по существу, данный проект предлагает ограничить доступ к профессиональной медиации специалистам в области юриспруденции, что, по меньшей мере, противоречит общемировой практике.

В некоторых странах континентальной Европы на законодательном уровне была закреплена возможность нотариусам выступать в качестве медиаторов. Так, в ФРГ закреплена возможность проведения нотариусом примирительных процедур (параграфы 1, 20 Закона Германии «О нотариате» [4]). Он вправе, во-первых, проводить примирительные процедуры непосредственно при совершении нотариального действия и, во-вторых, в результате успешного завершения процедуры медиации удостоверяет медиативное соглашение. Однако, согласно подраздела 2 раздела 4 Закона Германии об улучшении вещного права, нотариус вступает не в любые споры с целью их урегулирования, а в те, которые, в первую очередь, связаны с недвижимостью.

Согласно абзацу 4b параграфа 5 Закона Австрии о нотариате, если нотариус работает посредником, он также должен выполнять профессиональные обязанности, которые он выполняет в качестве нотариуса.

Таким образом, с учётом зарубежного опыта, можно смело говорить о необходимости надделения нотариусов полномочиями медиаторов в целях повышения эффективности процедуры медиации в России. Более того, медиация в нотариальной деятельности может развиваться как по частному пути, так и по пути интегрированной модели. Думается, что преимущества нотариуса-медиатора будут заключаться в следующем: быстрота и невысокий размер издержек по сравнению с разрешением спора в судебном порядке, обеспечение конфиденциальности процесса достижения согласия, а также создание гарантий для сохранения здоровой морально-психологической атмосферы в отношениях сторон после достижения результата, высокий потенциал добровольной исполнимости достигнутого соглашения в силу авторитета, а в ряде случаев и исполнительной силы нотариального акта.

Заключение

В заключении хотелось бы отметить, что деятельности медиаторов-судей, пребывающих в отставке, несмотря на некоторые законодательные неточности, ещё предстоит показать свою эффективность. Такое нововведение должно послужить повышению уровня доверия к процедуре медиации, укреплению корпуса профессиональных медиаторов. Важно, чтобы судьи, не теряя своего накопленного опыта, смогли адаптироваться в новом для них направлении деятельности, чему будет способствовать проведение ими обучения по специальным программам подготовки медиаторов.

Что же касается внедрения медиации в нотариальную деятельность, то, думается, что некие научные концепции по реализации данной идеи уже имеются, и законодатель даже идёт по пути некоторых из них, например, позволив нотариусам удостоверять медиативные соглашения. Представляется, необходимо вернуться к проекту Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» от 18.11.2011, и, возможно, реализовать некоторые его идеи, например, в части конкретных прав и полномочий нотариуса при осуществлении медиации. Невозможно не согласиться с мнением С.К. Загайновой: реформирование российского нотариата должно ориентироваться на комплексное оказание нотариусом юридической помощи, в частности, проведения нотариусом процедуры медиации [9]. Стоит полагать, что вовлечение нотариусов к деятельности в качестве медиаторов будет способствовать развитию профессиональной медиации и увеличению обращений спорящих сторон для разрешения конфликта ещё до начала судебного разбирательства.

Литература

1. Закон Российской Федерации № 3132–1 от 26.06.1992 (ред. от 08.12.2020, с изм. от 30.12.2020) «О статусе судей в Российской Федерации» [Электронный ресурс] / СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/619222be3ddb3ce7ceb2c77470fcd7d5d743b6ef/ (дата обращения: 15.06.2021).
2. Федеральный закон от 27.07.2010 N193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс] // СПС Консультант-Плюс URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (дата обращения: 15.06.2021).
3. Приказ Министерства образования и науки РФ от 14 февраля 2011 г. № 187 «Об утверждении программы подготовки медиаторов» [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12083428/> (дата обращения: 29.06.2021).
4. Bundesnotarordnung 13.02.1937 (geändert durch 30.10.2017) [Электронный ресурс] // Gesetze im Internet. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bnoto/> (дата обращения 15.06.2021).
5. Verordnung über die Aus- und Fortbildung von zertifizierten Mediatoren (ZMediatAusbV) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.anwalt.de/gesetze/zmediatausbv> (дата обращения: 26.06.2021).
6. Проект Федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatsii_ot_MinYUsta.pdf (дата обращения: 16.06.2021).
7. Проект Федерального закона «О нотариате и нотариальной деятельности в Российской Федерации» от 18.11.2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2011/11/18/notariat-site-dok.html> (дата обращения: 25.06.2021).
8. Евтухович Е.А., Фильченко Д.Г. Судебное примирение и судебный примиритель // Вестник гражданского процесса. 2020. № 6. С. 265–293.
9. Загайнова С.К. Основания и направления внедрения в практику российского нотариата примирительных процедур (медиации) // Судья. 2014. № 7. С. 26–30.
10. Загайнова С.К. Концепция создания российской системы примирительных процедур: основные идеи // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 7. С. 51–55.
11. Калашникова С.И. Медиация в сфере гражданской юрисдикции. М.: Инфотропик Медиа, 2011. 149 с.
12. Левушкин А.Н., Воробьев В.В. Некоторые проблемы применения судебного примирения (медиации) при разрешении споров в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 5. С. 135–143.
13. Пасикова Т.А., Рябус О.А. К вопросу об увеличении доверия к медиаторам [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-uvlichenii-doveriya-k-mediatoram> (дата обращения: 25.06.2021).
14. Сулейменов М.К. Судья-примиритель в гражданском процессе [Электронный ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36072908#pos=6;-108 (дата обращения: 25.06.2021).
15. Шамликашвили Ц., Харитонов С. Основания медиации (Медиация как область научных исследований) [Электронный ресурс] // Научная электронная библиотека «eLibrary». URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=2986912>.
16. Ярков В.В. Нотариат и медиация: постановка вопроса // Третейский суд. 2005. № 5. С. 150–153.
17. Ярков В.В. Медиация в нотариальной деятельности: новые возможности и их пределы // Нотариус. 2020. № 1. С. 3–6.

18. Probst M. Mediation und allgemeines Zivilrecht – zur Leistungsfähigkeit justizintegrierter Mediation. In: Greger R., Unberath H. Die Zukunft der Mediation in Deutschland. München, 2008. S. 105.
19. Правовая позиция ФПА РФ о проекте федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-legal-position-of-fpa/pravovaya-pozitsiya-federalnoy-palaty-advokatov-rf/> (дата обращения: 15.06.2021).
20. Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 25.06.2021).

NOTARIES AND RETIRED JUDGES AS SUBJECTS OF THE MEDIATION PROCEDURE

Shevchenko D.I.

Tomsk State University

This paper provides statistics on the consideration of civil cases by courts of general jurisdiction from 2017 to 2020, indicating the unpopularity of the institute of mediation in Russian Federation. In this regard, attention is paid to the distrust of the disputing parties to the mediators as a probable cause of such statistics. The necessity of creating a professional corps of mediators, the possibility of increasing the confidence of dispute participants in the mediation procedure through its integration into notary practice, as well as involving retired judges in the procedure is also being considered. For these purposes, the opinions of Russian scientists dealing with issues of notarization and mediation are analyzed; the foreign experience of implementing such a model of conducting a conciliation procedure is considered, as well as the drafts of Russian laws aimed at changing the existing procedure for mediation are presented.

Keywords: subjects of the mediation procedure, notaries, retired judges, civil process, conciliation procedure.

References

1. Law of the Russian Federation No. 3132–1 of 26.06.1992 (as amended on 08.12.2020, with amendments. dated 30.12.2020) “On the status of judges in the Russian Federation” [Electronic resource] / SPS “Consultant-Plus”. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_648/619222be3ddb-3ce7ceb2c77470fcd7d5d743b6ef/ (date of appeal: 06/15/2021).
2. Federal Law No. 193-FZ of 27.07.2010 “On alternative dispute settlement procedure with the participation of an intermediary (mediation procedure)” [Electronic resource] // SPS Consultant-Plus URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_103038/ (accessed: 06/15/2021).
3. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 187 dated February 14, 2011 “On approval of the training program for mediators” [Electronic resource] // SPS “Garant”. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12083428/> (accessed: 29.06.2021).
4. Bundesnotarordnung 13.02.1937 (geändert durch 30.10.2017) [Electronic resource] // Gesetze im Internet. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bnoto/> (accessed 15.06.2021).
5. Verordnung über die Aus – und Fortbildung von zertifizierten Mediatoren (ZMediatAusvV) [Electronic resource] // URL: <https://www.anwalt.de/gesetze/zmediatausbv> (date accessed: 26.06.2021).
6. The draft Federal law “On the settlement of disputes with the participation of a mediator (mediation) in the Russian Federation” [Electronic resource] // URL: https://www.advgazeta.ru/upload/medialibrary/3a9/Zakon_o_mediatcii_ot_MinYUsta.pdf (date accessed: 16.06.2021).
7. Draft Federal Law “On Notary and notarial activity in the Russian Federation” dated 18.11.2011 [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2011/11/18/notariat-site-dok.html> (date of appeal: 25.06.2021).
8. Yevtukhovich E.A., Filchenko D.G. Judicial reconciliation and judicial conciliator // Bulletin of Civil procedure. 2020. No. 6. pp. 265–293.
9. Zagainova S.K. Bases and directions of introduction of conciliation procedures (mediation) into the practice of the Russian notary // Judge. 2014. No. 7. pp. 26–30.
10. Zagainova S.K. The concept of creating a Russian system of conciliation procedures: basic ideas // Arbitration and civil procedure. 2018. No. 7. pp. 51–55.
11. Kalashnikova S.I. Mediation in the sphere of civil jurisdiction. Moscow: Infotropik Media, 2011. 149 p.
12. Levushkin A.N., Vorobyev V.V. Some problems of the application of judicial conciliation (mediation) in dispute resolution in the Russian Federation // Actual problems of Russian law. 2020. No. 5. pp. 135–143.
13. Pasikova T.A., Ryabus O.A. On the issue of increasing confidence in mediators [Electronic resource] // Scientific electronic library “Cyberleninka”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvoprosu-ob-velichenii-doveriya-k-mediatoram> (date of appeal: 06/25/2021).
14. Suleimenov M.K. Judge-conciliator in civil proceedings [Electronic resource] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36072908#pos=6;-108 (accessed: 06/25/2021).
15. Shamlikashvili Ts, Kharitonov S. The foundations of mediation (Mediation as a field of scientific research) [Electronic resource] // Scientific electronic library “eLibrary”. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=2986912>.
16. Yarkov V.V. Notariate and mediation: posing a question // Arbitration Court. 2005. No.5. pp. 150–153.
17. Yarkov V.V. Mediation in notarial activity: new opportunities and their limits // Notary. 2020. No. 1. pp. 3–6.
18. Probst M. Mediation und allgemeines Zivilrecht – zur Leistungsfähigkeit justizintegrierter Mediation. In: Greger R., Unberath H. Die Zukunft der Mediation in Deutschland. München, 2008. S. 105.
19. The legal position of the FPA of the Russian Federation on the draft federal law “On the settlement of disputes involving an intermediary (mediation) in the Russian Federation” [Electronic resource] // Website of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/the-legal-position-of-fpa/pravovaya-pozitsiya-federalnoy-palaty-advokatov-rf/> (accessed: 06/15/2021).
20. Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://cdep.sudrf.ru/index.php?id=79> (accessed: 06/25/2021).

Прокурорский надзор за исполнением законов как вид государственной деятельности прокуратуры Российской Федерации и Республики Таджикистан

Каландаршохи Рахмон,

аспирант, кафедра государственных и правовых дисциплин,
Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации
Email: Crystall_01@mail.ru

Статья посвящена выявлению проблем, сопровождающих реализацию прокурорского надзора за исполнением законов в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Обосновывается важность данного направления прокурорского надзора. Приводятся аргументы в пользу совершенствования правовой регламентации прокурорского надзора за исполнением законов. Выявляются особенности реализации прокурорского надзора за исполнением законов в Российской Федерации и Республике Таджикистан. Закрепленный правовой статус Прокуратуры Российской Федерации и прокуратуры Республики Таджикистан обязывает ее осуществлять надзор за соблюдением и исполнением ее норм в соответствии с предоставленными полномочиями. Государство и общество крайне заинтересованы в развитии института надзорной деятельности в соответствии с реальной действительностью, для приведения его в состояние максимальной эффективности по надзору за исполнением законодательства, что и определяет актуальность исследования.

Ключевые слова: прокуратура, надзор, следствие, обвинение, уголовный, процесс, досудебная, формы, судопроизводство, Российская Федерация, Республика Таджикистан.

Наличие дискуссий относительно места прокуратуры в системе разделения властей уходит своими корнями в советское прошлое. В правовой литературе того времени разделение властей отрицалось, но при этом отмечалось, что существуют четыре формы государственной деятельности: деятельность представительных органов (государственная власть), исполнительно-распорядительная деятельность (государственное управление), правосудие и прокурорская деятельность.

Изначально нормы, содержащиеся в Конституции Российской Федерации, и регламентирующие конституционно-правовое положение прокуратуры были закреплены статьей 129 в главе «Судебная власть». В указанной статье была дана дефиниция понятию прокуратуры, порядок назначения на должность Генерального прокурора, прокуроров субъектов, а также иных прокуроров. Кроме того, в статье содержалась бланкетная норма, указывающая на то, что полномочия, организация и порядок деятельности прокуратуры определяются федеральным законом.

Часть 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации указывает, что прокуратура Российской Федерации есть единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации. С точки зрения доктрины, прокурорский надзор есть высшая форма надзора, поскольку органы прокуратуры создаются высшими органами власти в Российской Федерации, которые не осуществляют непосредственного надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а создают для решения данной задачи органы прокуратуры [3]. Прокурорский надзор, будучи высшей формой надзора, тем не менее, не является всеобщей и универсальной формой надзора, поскольку органы прокуратуры не осуществляют надзор за органами высшей государственной власти.

В новейшей литературе по прокурорскому надзору отмечается, что текст п. 2 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202–12 «не позволяет однозначно отнести к поднадзорным объектам прокуратуры, например, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, Центробанк Российской Федерации, их территориальные органы ...» [7]. Чтобы объяснить, почему Центральная избирательная комиссия или Банк России не явля-

ются объектами прокурорского надзора, как представляется, необходимо сказать, почему не являются объектами прокурорского надзора высшие органы государственной власти, например Конституционный Суд Российской Федерации, а также назвать форму прокурорского надзора за соблюдением Конституции.

Высшие органы государственной власти не являются объектами прокурорского надзора, поскольку высшие органы формируют органы прокуратуры, в первую очередь, для надзора за нижестоящими субъектами публичной власти.

Судебным органом конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющим судебную власть посредством конституционного судопроизводства, является Конституционный Суд Российской Федерации (ст. 1 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ).

Предложение профессора свидетельствует о том, что в конституционном судопроизводстве прокуроры не участвуют. Предложение не может быть реализовано, поскольку Конституционный Суд Российской Федерации занимает в иерархии в системе государственных органов более высокое положение, нежели прокуратура.

Статус Конституционного Суда определяется не только Конституцией Российской Федерации, но и федеральным конституционным законом. Статус прокуратуры определяется федеральным законом – актом текущего законодательства.

Конституционный Суд определяется в Конституции Российской Федерации как высший судебный орган конституционного контроля в Российской Федерации (ч. 1 ст. 125 Конституции Российской Федерации). По запросу Президента Российской Федерации Конституционный Суд проверяет конституционность проектов законов Российской Федерации, проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов до их подписания Президентом Российской Федерации. Аналогичные полномочия у органов прокуратуры отсутствуют.

В свою очередь, прокуратура Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 129 Конституции призвана осуществлять надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, при этом надзор прокуратуры не назван в Конституции высшим надзором. Прокурорский надзор не может осуществлять контроль (даже в самой мягкой форме) в конституционном судопроизводстве, которое идет в Конституционном Суде Российской Федерации – высшем судебном органе конституционного контроля.

В Конституционном Суде Российской Федерации действуют полномочные представители Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации. Кроме того, Президент Российской Федерации назначает своих полномочных представителей в квалификационные кол-

легии судей, а прокуратура не имеет своих представителей в соответствующих коллегиях [4].

Надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации органы прокуратуры могут осуществлять посредством санкционирования текущей политики в конкретных регионах (районах).

Например, согласно ч. 1 ст. 67 Федерального закона «Об исполнительном производстве» от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ судебный пристав-исполнитель уполномочен вынести постановление о временном ограничении права на выезд должника (гражданина, индивидуального предпринимателя) из Российской Федерации.

Часть 2 ст. 27 Конституции Российской Федерации провозглашает, что каждый может свободно выезжать за пределы Российской Федерации.

Могут или не могут судебные приставы-исполнители в конкретном российском регионе (районе) в текущий период временно ограничивать возможность граждан свободно выезжать за пределы российской территории определяется решением органов прокурорского надзора, а не территориального органа Федеральной службы судебных приставов [2].

Данный тезис опирается на соображение о том, что временное ограничение конституционного права гражданина на выезд из Российской Федерации есть слишком серьезная мера принуждения, чтобы оставлять вопрос о ее применении на усмотрение судебного пристава-исполнителя или территориального органа ФССП России.

Прокуроры должны следить за тем, чтобы временное ограничение выезда за границу не превратилась в отношении конкретного должника *de facto* в постоянное ограничение конституционного права, принадлежащего должнику, поскольку последний даже гипотетически не в состоянии погасить имеющейся у него задолженности.

В 2014 году в Конституцию Российской Федерации внесены изменения, которые затронули конституционно-правовые основы организации и деятельности Верховного суда и прокуратуры. Так, название главы Конституции Российской Федерации – «Судебная власть» было изложено в новой редакции – «Судебная власть и прокуратура».

Следующими изменениями в Конституцию Российской Федерации, внесенными в 2020 году, затронувшими конституционно-правовой статус прокуратуры, было изложение статьи 129 Конституции Российской Федерации в новой редакции. Так, в Основной закон страны не только возвращена, но и расширена дефиниция понятия «прокуратура Российской Федерации», которая дополнена предметами некоторых широких направлений надзорной функции прокуратуры, а также узким направлением функции содействия осуществлению правосудия. Кроме того, в ст. 129 Конституции Российской Федерации закреплены некоторые запреты и ограничения, связанные с работой в органах и организациях прокуратуры, изменен порядок назначения на должность Генерального прокурора,

прокуроров субъектов, а также иных прокуроров [5].

Конституция Российской Федерации с поправками от 14 марта 2020 г., одобренными на общероссийском голосовании 1 июля 2020 г., устанавливает, что прокуратура Российской Федерации есть единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями (ч. 1 ст. 129).

Федеральным законом от 9 ноября 2020 г. № 367-ФЗ приняты изменения и дополнения в Закон о прокуратуре, необходимость которых обусловлена конституционной реформой 2020 г. [3].

Поправка к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ одобрена на общероссийском голосовании 1 июля 2020 г. и вступила в силу 4 июля 2020 г. в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 4452.

Новая редакция Конституции Российской Федерации позволяет выдвинуть предложение о совершенствовании доктринального определения прокурорского надзора.

За весь период действия Конституции Российской Федерации законодателем внесены неоднократные изменения, затрагивающие конституционно-правовой статус прокуратуры. Стоит признать, произошедшие изменения оказали влияние на усиление независимости прокуратуры, что способствовало укреплению роли и значения органов и организаций прокуратуры в обществе и государстве, а также повышению уровня доверия граждан. Однако конституционно-правовой статус прокуратуры в аспекте теории разделения властей так и не был определен на законодательном уровне.

Существование и необходимость решения проблемы определения конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации в аспекте теории разделения властей представляет, как теоретическую, так и практическую значимость [6].

Считаем необходимым создание особой надзорно-контрольной ветви государственной власти, как системы органов и организаций, выражающейся не только в разделении властей, но и в единстве государственной власти, которая отражает реалии функционирования современного Российского государства и общественных отношений, урегулированных правовыми нормами. Органы и организации прокуратуры, а также государственные органы и их структурные подразделения, осуществляющие контрольные функции, должны составлять надзорно-контрольную систему государственной власти. Деятельность указанных органов и организаций должна быть основана на принципах самостоятельности и независимо-

сти как в отношениях между контрольными органами и прокуратурой, так и между органами различных видов контроля. Особое положение в системе надзорно-контрольных органов государственной власти занимает прокуратура.

Данное положение указанных органов и организаций выражается во всеобъемлющей деятельности прокуратуры, которая охватывает взаимодействие прокуратуры практически со всеми существующими в Российской Федерации органами и организациями. Из чего следует, что государственные органы, осуществляющие надзорную деятельность, следует лишить надзорных функций, как исключительной функциональной особенности прокуратуры, с целью консолидации ее деятельности и усиления роли в государственном механизме. При этом допускаем наделение контрольными функциями органы государственной власти, а также их структурные подразделения, на которых были возложены функции надзора, за исключением органов прокуратуры, которые недопустимо наделить функциями, направленными на осуществление государственного контроля. Если же говорить об осуществлении проверочных мероприятий в отношении органов и организаций, составляющих систему предлагаемой ветви государственной власти, то, помимо внутриведомственных полномочий должностных лиц, направленных на отмену вышестоящими органами конкретного ведомства решений нижестоящих органов, исключительные надзорные полномочия прокурорских работников также будут способствовать укреплению законности в деятельности поднадзорных объектов (субъектов), в частности, контрольных органов.

Кроме того, создание особой надзорно-контрольной ветви государственной власти следует закрепить в нормах Конституции Российской Федерации, входящих в отдельную главу Основного закона «Надзорно-контрольная власть» вместе с правовыми основами функционирования указанной ветви государственной власти.

Положительным эффектом решения указанной проблемы будет являться устранение неопределённости в определении положения прокуратуры Российской Федерации в государственном механизме [8].

Учитывая вышеизложенное, в случае закрепления в нормах Конституции Российской Федерации предлагаемой конкретизации конституционно-правового статуса современной Российской прокуратуры, произойдет усиление ее роли и значения, что непременно окажет позитивное влияние на охрану и защиту интересов личности, общества и государства. Прокурорский надзор как вид самостоятельной государственной деятельности представляет собой проверку и оценку неукоснительного соблюдения Конституции Российской Федерации и выполнения требований всех норм действующего законодательства, а также принятия мер к устранению обнаруженных правонарушений. Согласно статье 3 Федерального Закона «О прокуратуре Российской Федерации», меха-

низм, метод и способы организации и деятельности прокуратуры, а также ее правовая основа отражены в Конституции Российской Федерации, непосредственно в ФЗ Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» и других нормативных актах отечественного и международного характера. К актам международного характера, регулирующие вопросы деятельности органов прокуратуры, можно отнести следующие:

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г.;

- Договор между Российской Федерацией и Республикой Колумбией от 6 апреля 2010 г. «О взаимной правовой помощи по уголовным делам»;
- Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан от 14 сентября 1992 г. «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам»;
- Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 19 июня 1992 г. «О правовой помощи по гражданским и уголовным делам» и иные НПА. Конституция Российской Федерации закрепляет принципы структуры и регламентации деятельности органов прокуратуры.

Так, согласно статье 129 Конституции Российской Федерации прокуратура составляет единую структурированную систему, в которой нижестоящие прокуроры подчиняются вышестоящим, а Генеральному прокурору подчиняются все. Конституция Российской Федерации указывает, что деятельность прокуратуры, а так же ее организация и полномочия определены федеральным законом. На территории России данные аспекты регулирует ФЗ Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации», за ее пределами действует международное право. Рассматриваемый закон содержит разделы, включающие статьи, а также приложение, где обозначены финансовые вопросы работы в органах прокуратуры. Этот ФЗ Российской Федерации регулирует такие базовые вопросы, как задачи и цели прокуратуры, а также основные функции, принципы, систему и так далее.

Исходя из концепции рассматриваемого закона, можно сделать вывод, что идея прокурорского надзора стоит особняком отдельно от иных ветвей власти и обладает автономным функционированием. Отдельным направлением деятельности является надзор за органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность. Необходимо согласиться с Одношениным И. А, который считает, «что нельзя рассматривать предмет прокурорского надзора как идентичный с предметом прокурорского надзора за производством предварительного расследования. В связи с чем в сфере полномочий прокуроров при осуществлении такого надзора являются существенные различия» [1].

Законодательно регламентированы лица, имеющие право осуществлять надзор за ОРД.

Ст. 21 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» определяет круг таких лиц в виде Генерального прокурора Российской Федерации, а также специально уполномоченных им прокуроров. Приказ Генпрокуратуры Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности» регламентирует как порядок назначения таких уполномоченных прокуроров, так и определяет обязанности руководителей прокуратур по ведению ряда организационных мероприятий, регулирующих особенности данного надзора за оперативно-розыскной деятельностью. Следует отметить, что возможности прокурора по надзору в сфере исполнения законодательства органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, установлены так же и уголовно процессуальным законодательством Российской Федерации. Полномочия прокурора в этой сфере деятельности определены в ст. 37 УПК Российской Федерации. Нормы о прокурорском надзоре содержат и иные ФЗ Российской Федерации, которые регулируют деятельность органов и должностных лиц, подпадающих под прокурорский надзор. Так же некоторые аспекты деятельности прокуратуры по надзору за органами, осуществляющими ОРД, содержатся и в иных нормативно-правовых актах (Указах Президента России, приказах Генерального прокурора Российской Федерации).

В современных условиях защита прав и свобод человека и гражданина становится одной из доминант общественного прогресса, основой которого является общечеловеческий интерес и приоритет общечеловеческих ценностей. Международное сотрудничество Российской Федерации и Республики Таджикистан имеет стратегическое значение. Российское законодательство допускает наличие второго гражданства только для граждан Республики Таджикистан. По официальным статистическим данным в последние годы, число граждан Республики Таджикистан, находящихся на территории Российской Федерации, варьируется от 1 до 1,2 миллионов. Россию и Республику Таджикистан связывают ставшие уже традиционными отношения дружественности и взаимопонимания в том числе в военной сфере. Во-вторых, в настоящее время взаимодействие прокуратур России и Таджикистана эффективно осуществляется в двустороннем формате и на площадках международных организаций по защите прав и свобод человека и гражданина.

Учитывая то, что значительная часть граждан Таджикистана трудится в Российской Федерации, для органов прокуратуры Республики Таджикистан приоритетным направлением деятельности является надзор за исполнением законодательства о трудовой миграции и принимаются меры по защите прав трудовых мигрантов.

Так, например, в соответствии с данными по учету въезда и выезда граждан через государ-

ственную границу, за июль 2019 года из страны выехало за рубеж 57 тысяч трудовых мигрантов – граждан Республики Таджикистан, что по сравнению с аналогичным периодом 2018 года увеличилось на 26 700 человек (рост на 46%). Ввиду того, что более 90% трудовых мигрантов Таджикистана работают в Российской Федерации, органами власти страны уделяется большое внимание налаживанию сотрудничества между Республикой Таджикистан и Российской Федерацией в области трудовой миграции.

Граждане Республики Таджикистан попадают в сети трансграничных организованных преступных групп, эмиссаров террористических и экстремистских организаций и движений, нечистоплотных работодателей, привлекаются к совершению террористических и экстремистских действий, контрабанде и незаконному обороту наркотических средств.

В рамках статьи представляется важным выделить приоритетные направления надзора органов прокуратуры Республики Таджикистан в сфере защиты прав и свобод человека.

Также за последние десять лет за нарушение законодательства в сфере землепользования возбуждено и расследовано 2515 уголовных дел.

Надзор над справедливым распределением выделенных земель является непосредственной функцией органов прокуратуры.

Борьба с терроризмом и экстремизмом является одной из главнейших задач, стоящих в Республике Таджикистан.

Например, 29 июля 2018 года на автодороге Куляб-Душанбе преступники совершили умышленный наезд на автомобиле на туристов из США, Голландии, Швейцарии, после чего ножами и топором нанесли тяжкие телесные повреждения в жизненно-важные органы и скрылись. В результате нападения четверо туристов были убиты и двое получили тяжкие телесные повреждения. Следствие установило, что данное преступление совершили члены террористическо-экстремистской организации – «Партии исламского возрождения» и так называемого «Исламского государства». В процессе следствия установлены связи этой террористической группы с другими лицами, источники финансирования экстремистской и террористической деятельности, а также лица укрывавшие готовящиеся преступления. Задержанные виновные лица взяты под стражу.

В Республике Таджикистан принят Закон от 08.12.2003 № 69 «О борьбе с экстремизмом» в соответствии с которым органы прокуратуры в пределах своей компетенции осуществляют надзор за надлежащим исполнением законов в данной сфере.

При наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений о экстремистской деятельности, прокурор вправе внести представления как физическому, так и юридическому лицу о недопустимости осуществления экстремистской деятельности.

Генеральный прокурор Республики Таджикистан или подчиненный ему прокурор вправе выносить представление в письменной форме в адрес средства массовой информации в случае распространения экстремистских материалов.

Установление наличия в информационных материалах экстремизма, осуществляется судом по месту нахождения организации, осуществившей издание таких материалов, на основании представления прокурора.

Хотелось бы отметить, что полноценная реализация защиты прав и свобод человека и гражданина в одиночку, государству, непосильна. Для улучшения реализации защиты прав и свобод человека и гражданина необходимо именно международное сотрудничество прокуратур. Мной предлагается следующий проект решения: 1) заключение генеральными прокуратурами СНГ соглашения о наделении правом территориальных прокуроров на взаимодействие по вопросам защиты прав и свобод человека и гражданина с последующим уведомлением соответствующих Генеральных прокуратур в порядке подчиненности 2) издание Приказа Генерального прокурора, который бы предоставил право при выполнении Соглашения устанавливать непосредственные рабочие контакты с соответствующими прокуратурами государств – участников СНГ. Это значительно бы упростило процесс работы по данному вопросу, «обходя» Генеральную прокуратуру.

В заключении хотелось бы отметить важность деятельности органов прокуратуры в данной сфере ведь обеспечение наиболее полной реализации защиты прав и свобод человека и гражданина является значимым критерием эффективности государственной власти.

Изучение законодательства и прокурорской практики по защите прав и свобод человека и гражданина в Республики Таджикистан дает российской прокуратуре возможность использовать позитивный опыт и повысить эффективность работы на этом направлении.

Литература

1. Одношвин И.А. Организация прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и пределы его осуществления // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4 (77). С. 191.
2. Парцей В.Б. Прокурорский надзор и конституционный контроль // Закон и право. 2021. № 3.
3. Парцей В.Б. Прокурорский надзор как высшая форма надзора в зеркале конституционной реформы 2020 // Закон и право. 2021. № 2.
4. Парцей В.Б. Определение прокурорского надзора в свете конституционной реформы 2020 // Закон и право. 2021. № 1.
5. Пивоваров Д.В. Философия религии. Праксеология религии: учеб. пособие для академического бакалаврата / Д.В. Пивоваров. – М.: Из-

дательство Юрайт, 2018; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. – 474 с. – (Серия: Авторский учебник).

6. Погорецкий М.А. Прокурор в уголовном процессе: по определению функций // Право. 2015. № 6. С. 86–95
7. Смирнов А.Ф. Неопределенность формулировок в Федеральном законе «О прокуратуре Российской Федерации» // Актуальные проблемы рос. права. 2020. Т. 15. № 12. С. 178
8. Чулпанова С.А. К вопросу о содержании современного прокурорского надзора // Закон и право. 2020. № 8. С. 38.

PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER THE EXECUTION OF LAWS AS A TYPE OF STATE ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

Kalandarshokhi R.

Russian Presidential academy of national economy and public administration

The article is devoted to the identification of problems accompanying the implementation of prosecutor's supervision over the implementation of laws in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan. The importance of this direction of prosecutor's supervision is justified. The arguments in favor of improving the legal regulation of the prosecutor's supervision over it are given. The peculiarities of the implementation of prosecutor's supervision over the execution of laws in the Russian Federation and the Republic of Tajikistan are revealed. The fixed legal status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and the Prosecutor's Office of the Republic of Tajikistan obliges it to monitor compliance with and implementation of its

norms in accordance with the powers granted. The state and society are extremely interested in the development of the institute of supervisory activities in accordance with real reality, in order to bring it to a state of maximum efficiency in monitoring the implementation of legislation, which determines the relevance of the study. The article is devoted to the identification of problems accompanying the implementation of prosecutor's supervision over the execution of laws.

Keywords: prosecutor's office, supervision, investigation, prosecution, criminal, trial, pre-trial, forms, legal proceedings, Russian Federation, Republic of Tajikistan.

References

1. Odnoshevin I.A. Organization of prosecutorial supervision over the execution of laws by bodies carrying out operational-search activities, and the limits of its implementation // Actual problems of Russian law. 2017. No. 4 (77). S. 191.
2. Partsei V.B. Procurator's supervision and constitutional control // Law and law. 2021. № 3.
3. Partsei V.B. Prosecutorial supervision as the highest form of supervision in the mirror of the constitutional reform 2020 // Law and Law. 2021. № 2.
4. Partsey V.B. Definition of prosecutorial supervision in the light of the constitutional reform 2020 // Law and Law. 2021. № 1.
5. Pivovarov D.V. Philosophy of religion. Praxeology of religion: textbook. manual for academic bachelor / DV Pivovarov. – M.: Yurayt Publishing House, 2018; Yekaterinburg: Publishing House Ural. university – 474 p. – (Series: Author's student).
6. Pogoretsky M.A. The prosecutor in the criminal process: on the definition of functions // Law. 2015. No. 6. S. 86–95
7. Smirnov A.F. Uncertainty of wording in the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Actual Problems of Ros. the rights. 2020. V. 15. No. 12. S. 178
8. Chulpanova S.A. On the issue of the content of modern prosecutorial supervision // Law and Law. 2020. No. 8. P. 38.

Реализация концепции публичного порядка Российской Федерации в конституционной реформе 2020 года

Вашурина Светлана Сергеевна,

магистр, департамент публичного права, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: ssvashurina@edu.hse.ru

Институт оговорки о публичном порядке играет важное значение в национальном праве государства, однако это тот институт, который не имеет четко законодательно-закрепленного понятия, что позволяло судам толковать его по-разному из-за чего страдало единообразие применения нормы. Однако в связи с конституционной реформой 2020 года толкование публичного правопорядка обрело несколько иное значение. Вместе с тем, принятые поправки в Конституцию и в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» усложняют правовой механизм определения публичного порядка Российской Федерации, так как две высших судебных инстанции Российской Федерации в той или иной степени являются участниками определения публичного порядка. В этой связи, очевидно, что правовые позиции органов правосудия в отношении этого вопроса могут расходиться, так как Конституционный Суд уполномочен принимать решения лишь на основании положений Конституции. Такой подход разрушает единую концепцию публичного порядка государства места-исполнения решения.

Ключевые слова: публичный порядок, оговорка о публичном порядке, конституционная реформа, Конституционный Суд, исполнение решений иностранных судов.

Для правовой системы Российской Федерации вопрос о соотношении конституционного и международного права всегда был актуальным. В этой связи необходимо отметить, проведенную в 2020 году конституционную реформу, в результате которой ранее обозначенный вопрос практически потерял свою актуальность. Сегодня для правовой системы Российской Федерации, очевидно, сформировался подход, согласно которому международные договоры России и общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью ее правовой системы, однако решения межгосударственных органов, в которых участвует Российская Федерация, подлежат исполнению в части не противоречащей Конституции Российской Федерации.

Несмотря на то, что оговорка о публичном порядке является одним из правовых институтов международного частного права, с учетом новеллы, отраженной в российском законодательстве, справедливо отметить его публично-правовую составляющую. Целью настоящей научной статьи является рассмотрение конституционно-правового содержания института оговорки о публичном порядке в правовой системе Российской Федерации, влиянии конституционной реформы на него.

Для корректного определения концепции публичного правопорядка стоит, прежде всего, обратиться к ее историческому развитию в различных правовых системах. На сегодняшний день подавляющее большинство правовых систем восприняли подход немецких юристов, сформулировав оговорку о публичном порядке в национальном законодательстве как негативную [12], формулировка которой акцентирует внимание правоприменителя на иностранный закон, который не подлежит применению в том случае, если он не совместим с основными правами, признаваемыми в немецкой правовой системе. Вместе с тем, стоит отметить и то, что в большинстве правовых систем, включая и международное право, не выработано точное определение того, что такое «публичный порядок».

С одной стороны, такое явление вполне объяснимо: в связи с явной привязкой публичного порядка к определенной национальной правовой системе на уровне международного права могут быть выработаны лишь основные подходы к этому правовому институту без описания его точных границ, так как каждый национальный законодатель и правоприменитель в определении публичного порядка исходит из правовых основ и традиций своего государства, что невозможно учесть

на международном уровне. С другой стороны, отсутствие каких-либо правовых границ и определения публичного порядка на национальном уровне потенциально может создать условия, при которых правоприменитель, используя свое усмотрение, будет по-разному трактовать публичный порядок в различных делах и тем самым создавать юридические коллизии в применении этого правового института.

Анализируя современные правовые системы различных государств, а также обращая внимание на международно-правовое регулирование различных сфер общественной жизни, можно утверждать, что такой институт, как оговорка о публичном порядке имеет место в подавляющем количестве источников права. Так, рассматривая наднациональный уровень правового регулирования, предлагается обратиться к содержанию Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (далее – Нью-Йоркская Конвенция), заключенной в Нью-Йорке в 1958 году. Стоит сказать, что участниками этого международно-правового акта на сегодняшний день являются 166 государств-членов ООН, следовательно, можно полагать, что нормы, содержащиеся в этом документе, обладают важным статусом общепризнанности. Безусловно, с точки зрения международного публичного права заявленный автором тезис может показаться спорным, однако позиция автора также подтверждается тем, что ряд правовых норм Нью-Йоркской Конвенции интегрировано в национальные правовые системы различных государств.

Так, для достижения цели заявленного исследования следует обратиться к тексту части 2 статьи 5 Нью-Йоркской Конвенции, согласно которой компетентная власть страны-места исполнения арбитражного решения может отказать в признании и приведении в исполнения названного ранее решения в случае, если последнее противоречит публичному порядку этой страны [3]. Кроме того, стоит отметить и то, что Конвенция не содержит определения термина «публичный порядок страны», соответственно, данное понятие определяет каждым государством самостоятельно.

Что же касается национального определения публичного порядка в Российской Федерации, то предлагается начать с анализа нормативной основы существования данного правового института. Как отмечалось ранее, конституционная новелла внесла в текст Конституции упоминание о публичном порядке и расширила компетенцию Конституционного Суда России в его определении. Тем не менее, стоит рассмотреть и иные нормативно-правовые составляющие базиса названного института.

Российские законы используют три формулы оговорки о публичном порядке, это, вероятнее всего, объясняется сферой правового регулирования определенных законодательных актов. Однако, в этом контексте необходимо также рассма-

тривать взаимовлияние и причинно-следственные связи между формулировкой закона и последующей правоприменительной практикой, основанной на нем. Так, первая формула публичного порядка Российской Федерации закреплена в частноправовых законах, а именно в Семейном Кодексе Российской Федерации (далее – СК РФ) и Гражданском Кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ). Статья 167 СК РФ и статья 1193 ГК РФ содержат в себе правило, в соответствии с которым нормы иностранного права не применяются в случае, если такое применение противоречило бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации [4,5]. Стоит обратить внимание на то, что данная формулировка относится к материально-правовым аспектам правоприменения и указывает на случаи отказа в применении материально-правовых норм в частноправовом споре, осложненном иностранным элементом.

Не менее интересным является процессуально-правовой аспект рассматриваемого вопроса и понятия «публичного порядка» в указанном аспекте. Так, подп. 5 п. 1 ст. 412 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) устанавливает, что российские суды не исполняют решения иностранных судов, если их исполнение «может нанести ущерб суверенитету Российской Федерации или угрожает безопасности Российской Федерации или противоречит публичному порядку Российской Федерации» [7]. Вместе с тем, в п. 2 ст. 34 и п. 2 ст. 36 Закона Российской Федерации от «О международном коммерческом арбитраже» (далее – Закон о МКА) и в подп. 7 п. 1 ст. 244 Арбитражного процессуального кодекса РФ 2002 года в качестве основания для отказа в признании и исполнении решения иностранного суда и иностранного арбитражного решения выступает потенциальное исполнение этого решения, которое будет противоречить публичному порядку Российской Федерации [6,8].

Рассмотрев нормы, содержащиеся в правовом арсенале правоприменителя относительно применения оговорки о публичном порядке, можно утверждать, что на уровне национального законодательства Российской Федерации нет легально определенной дефиниции «публичного порядка», более того, используемая законодателем терминология явно отличается друг от друга в зависимости от источника и сферы правового регулирования.

Однако, помимо законодательного регулирования, которое является основным источником права в правовой системе России, правоприменитель зачастую вынужден обращаться и к практике, складывающейся в сфере правоприменения в отношении различных сфер общественной жизни. Так, обратившись к ряду актов и проанализировав их, можно сделать определенные выводы о том, что же для целей правоприменения понимается под «публичным порядком».

Так, согласно Информационному письму ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмо-

тения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» под публичным порядком понимаются фундаментальные правовые начала (принципы), которые обладают высшей императивностью, универсальностью, особой общественной и публичной значимостью, составляют основу построения экономической, политической, правовой системы государства [10].

В связи с вышеназванным определением «публичного порядка», данного Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ), исходя из собственной правоприменительной практики, видится достаточно полным и понятным для самого правоприменителя [11]. При этом, стоит отметить, что позиция, выработанная ВАС РФ позиция в 2013 году, не претерпела изменений и была повторена Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) в Постановлении Пленума от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража». Вместе с тем, ВС РФ указал и на то, что для отмены или отказа в принудительном исполнении решения третейского суда по мотиву нарушения публичного порядка Российской Федерации суд, рассматривающий дело должен установить совокупное наличие обоих признаков. Позиции, определенные ВАС РФ и ВС РФ, важны в контексте рассмотрения конституционной новеллы и потенциального изменения правоприменительной практики в вопросе определения «публичного порядка Российской Федерации».

Прежде всего стоит начать с того, что согласно положениям Конституции Российской Федерации в решении вопроса о приведении в исполнение решений иностранных судов, арбитражей и международных судов, арбитражей может принимать Конституционный Суд Российской Федерации [1, 11]. Что это значит для сложившейся правоприменительной практики в области определения публичного порядка Российской Федерации?

Во-первых, стоит начать с того, что законодатель, внося в текст Конституции оговорку о публичном порядке, так же внес и правило определения подведомственности. В связи с чем, Конституционный Суд уполномочен рассматривать дела связанные с проверкой возможности исполнения только тех решений иностранных и международных судов, иностранных и международных арбитражей, которые накладывают обязанности на Российскую Федерацию.

В связи с этим, очевидно, что определение публичного порядка Российской Федерации, его конституционно-правовое истолкование может быть дано Конституционным Судом в ограниченном числе случаев. Кроме того, такая формулировка конституционной нормы сама по себе создает правовую неопределенность в вопросе кор-

ректного определения подведомственности суда, рассматривающего дело о возможности приведения в исполнение решений судов и арбитражей иностранной и международной юрисдикции.

Кроме того, есть основания предполагать, что публичный порядок Российской Федерации может быть истолкован Конституционным Судом иначе, чем то понятие, которое для этой же правовой категории давал Пленум Верховного Суда. Рассматривая этот аспект, необходимо обратить особое внимание на особенности конституционного судопроизводства, в соответствии с которыми Конституционный Суд полномочен рассматривать вопрос конституционности того или иного акта на соответствие Конституции Российской Федерации. Обозначенный тезис подтверждается статьей 104.7 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в соответствии с которой Конституционный Суд разрешает вопрос о возможности исполнения решения иностранного или международного суда или арбитража, с точки зрения его соответствия основам конституционного строя Российской Федерации [2, 11]. В этой связи очевидно, что Конституционный Суд, как особый субъект судопроизводства, в принятии решения о возможности исполнения рассматриваемого им решения иностранного или международного суда, иностранного или международного арбитража связан положениями I главы Конституции Российской Федерации.

Исходя из вышеназванного аспекта, есть основания полагать, что понимание публичного порядка Верховным Судом Российской Федерации явно шире и всеобъемлюще, чем то, которое может сформировать Конституционный Суд Российской Федерации, опираясь лишь на первые пятнадцать статей Конституции. Помимо прочего, в данном аспекте нельзя не упомянуть и о субъектах, уполномоченных на это обращение. Так, согласно ФКЗ о КС с запросом о возможности исполнения решения иностранного или международного суда или арбитража, налагающего обязанности на Российскую Федерацию, вправе обратиться Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Верховный Суд Российской Федерации, Генеральная прокуратура Российской Федерации [2]. Вместе с тем, правом на подобные обращения не наделены другие суды Российской Федерации, несмотря на то что разрешение вопроса о возможности исполнения решения суда или арбитража иностранной юрисдикции относится к их компетенции.

Таким образом, исходя из вышеназванного, можно сделать несколько важных выводов о влиянии конституционно-правовой реформы в части исполнения решений иностранных и международных судов, иностранных и международных арбитражей. Во-первых, в правовой системе Российской Федерации появился новый субъект, уполномоченный на определения публичного порядка, основанного исключительно на нормах Конституции. При этом привлечение Конституционного

Суда к механизму решения вопроса об исполнении судебных и арбитражных решений не является обязательным, так как у уполномоченных лиц есть лишь право обратиться к органу конституционного правосудия, которое может оставаться нереализованным. Во-вторых, неизбежна конкуренция правовых позиций Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации в вопросе определения публичного порядка, что, безусловно, повлияет на нижестоящие суды, которые являются основными правоприменителями процессуальных и материальных норм национального законодательства при рассмотрении вопроса о приведении в исполнение решения иностранной юрисдикции. В-третьих, конституционная новелла создала отдельный вид судебных и арбитражных решений иностранной юрисдикции: накладывающих обязательства на Российскую Федерацию. Вместе с этим, определив, что орган конституционной юстиции может проверять лишь эти решения на их соответствие публичному порядку, законодатель искусственно расщепил единую концепцию публичного порядка на две – публичный порядок в отношении решений, налагающих обязательства на Российскую Федерацию, и без таковых.

Следовательно, созданный механизм защиты публичного порядка государства содержит в себе противоречия при его реализации. В связи с этим уместно говорить о том, что публичный порядок должен определяться одним органом судебной системы, с целью исключения противоречий и конкуренции правовых позиций. Кроме того, на национальном уровне необходимо предусмотреть механизм исполнения решений судов и арбитражей иностранной юрисдикции, если вынесенное решение направлено против Российской Федерации. Нынешнее правовое регулирование предусматривает возможность обращения в арбитражный суд субъекта, при том, очевидно, что такие решения должны рассматриваться высшим судом государства. Вводя в правовое регулирование возможность Конституционного Суда рассмотреть соответствие решения публичному порядку, по мнению автора, было излишним, так как существовавший ранее механизм не был упрощен или изменен, он был усложнен, тем самым обречен на то, что вряд ли когда-либо будет использован в правовой системе Российской Федерации.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2022)
2. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // «Российская газета», № 138–139, 23.07.1994
3. Конвенция ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, 10 июня 1958 г. // «Вестник ВАС РФ», № 8, 1993
4. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ // «Российская газета», № 17, 27.01.1996.
5. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья)» от 26.11.2001 № 146-ФЗ // «Российская газета», № 233, 28.11.2001.
6. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ // «Российская газета», № 137, 27.07.2002.
7. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 18.11.2002, № 46, ст. 4532.
8. Закон РФ от 07.07.1993 № 5338–1 «О международном коммерческом арбитраже» // «Российская газета», № 156, 14.08.1993.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.12.2019 № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // «Российская газета», № 291, 25.12.2019.
10. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 26.02.2013 № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основания отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений» // «Вестник ВАС РФ», № 5, май, 2013.
11. Исполинов А.С. Новые полномочия Конституционного Суда РФ по проверке конституционности решений международных судов и арбитражей // Закон. 2020. № 12. С. 61–74
12. Куркин Б.А., Искевич И.С. Понятие «публичный порядок» в российской арбитражной доктрине // Современное право. 2019. N 6. С. 92–98.

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT OF PUBLIC ORDER OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONSTITUTIONAL REFORM OF 2020

Vashurina S.S.

National Research University «Higher School of Economics»

The institution of a reservation on public policy plays an important role in the national law of the State, but it is an institution that does not have a clearly legislated concept, which allowed the courts to interpret it differently, which caused the uniformity of the application of the norm to suffer. However, in connection with the constitutional reform of 2020, the interpretation of public law and order has acquired a slightly different meaning. At the same time, the adopted amendments to the Constitution and to the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation” complicate the legal mechanism for determining the public order of the Russian Federation, since the two highest judicial instances of the Russian Federation are, to one degree or another, participants in the definition of public order. In this regard, it is obvious that the legal positions of the judicial authorities in relation to this issue may differ, since the Constitutional Court is authorized to make decisions only on the basis of the provisions of the Constitution. Such an approach destroys the unified concept of the public order of the State of the place-the execution of the decision.

Keywords: public order, the public policy clause, the constitutional reform, the Constitutional Court, enforcement of foreign judgments

References

1. Constitution of the Russian Federation // <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: 03/01/2022)
2. Federal constitutional law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, No. 138–139, 07.23.1994
3. UN Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards, June 10, 1958 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 8, 1993
4. "Family Code of the Russian Federation" dated December 29, 1995 No. 223-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 17, 01.27.1996.
5. "Civil Code of the Russian Federation (Part Three)" dated November 26, 2001 No. 146-FZ // Rossiyskaya Gazeta, No. 233, November 28, 2001.
6. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation No. 95-FZ dated July 24, 2002 // Rossiyskaya Gazeta, No. 137, July 27, 2002.
7. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated November 14, 2002 N 138-FZ // "Collected Legislation of the Russian Federation", November 18, 2002, No. 46, art. 4532.
8. Law of the Russian Federation of July 7, 1993 No. 5338–1 "On International Commercial Arbitration" // Rossiyskaya Gazeta, No. 156, August 14, 1993.
9. Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 10, 2019 No. 53 "On the performance by the courts of the Russian Federation of the functions of assistance and control in relation to arbitration, international commercial arbitration" // Rossiyskaya Gazeta, No. 291, December 25, 2019.
10. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated February 26, 2013 No. 156 "Overview of the practice of consideration by arbitration courts of cases on the application of a public policy clause as a basis for refusing to recognize and enforce foreign judgments and arbitral awards" // "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", No. May 5, 2013.
11. Ispolinov A.S. New powers of the Constitutional Court of the Russian Federation to verify the constitutionality of decisions of international courts and arbitrations // Law. 2020. No. 12. S. 61–74
12. Kurkin B.A., Iskevich I.S. The concept of "public order" in the Russian arbitration doctrine // Modern law. 2019. N 6. S. 92–98.